

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

THE INSTITUTE OF STATE AND LAW
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА РАН**

2021. Том 16. № 6

**PROCEEDINGS
OF THE INSTITUTE OF STATE
AND LAW OF THE RAS**

2021. Volume 16. No. 6

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6

Москва

«Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS» — мультиязычное научное периодическое издание, где публикуются результаты фундаментальных теоретических и прикладных исследований в сфере государства и права. Издается с 2006 г.

Выходит шесть раз в год.

Материалы публикуются на русском, английском, французском, немецком, испанском и итальянском языках.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70200 от 21 июня 2017 г.). Включен в каталог агентств «Роспечать» и «Урал-пресс» (подписной индекс — 86119).

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлению «Юриспруденция». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Размещен в *E-library*, *Cyberleninka*, СПС «ГАРАНТ», *WorldCat*, *Ulrich's Periodicals Directory*.

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10
Тел.: +7 (495) 691-13-09

E-mail: trudy@igpran.ru
Сайт: <http://igpran.ru/trudy>
DOI: 10.35427/2073-4522

Тираж: 300 экземпляров. Заказ №

Отпечатано в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 88

Корректор: *О.В. Мехоношина*
Компьютерная верстка: *А.П. Савастеева*

“Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS” — a multilingual academic periodical for the coverage of the results of fundamental and applied enquiries in the field of State and law.

The Journal launched by the Institute in 2006 is published bimonthly (six times a year).

Manuscripts are accepted in Russian, English, German, French, Spanish or Italian.

The Journal has been registered as a mass media (registration certificate No. ФС77-70200 of 21 June 2017). It is included into the Press of Russia Agency Catalogue “Newspapers. Magazines”, subscription index — 86119. It is also available through the East View Information Services and “Ural-Press” Agency.

The Journal is recommended by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of scientific results of doctorate dissertations. It is indexed/abstracted in Russian Science Citation Index (RSCI), Scientific Electronic Library, Cyberleninka, Legal Information System “Garant”, WorldCat, Ulrich’s Periodicals Directory.

Address of the Editorial Board:

10, Znamenka str., Moscow 119019,
Russian Federation
Phone: +7 (495) 691-13-09

E-mail: trudy@igpran.ru
Web: <http://igpran.ru/en/proceedings.php>
DOI: 10.35427/2073-4522

Circulation: 300 copies. Order No.

Published by LLC “Amirit”
88, N.G. Chernyshevskogo str., Saratov 410004, Russian Federation

Printers proof reader: *Ol'ga V. Mehonoshina*
Desktop publisher: *Anna P. Savasteeva*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Савенков Александр Николаевич
(председатель)

Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Жуков Василий Иванович
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Габов Андрей Владимирович
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Клеандров Михаил Иванович
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Графский Владимир Георгиевич
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Шульженко Юрий Леонидович
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

EDITORIAL COUNCIL

Alexander N. Savenkov
(Chairman)
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Vasily I. Zhukov
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Gabov
Institute of State and Law
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Mikhail I. Kleandrov
Institute of State and Law
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir G. Grafskiy
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Yuriy L. Shulzhenko
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Савенков Александр Николаевич
(главный редактор)
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Кожокарь Игорь Петрович
(заместитель главного редактора)
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Лизикова Марина Сергеевна
(ответственный секретарь)
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Антокольская Мария
Амстердамский свободный университет
(Амстердам, Нидерланды)

Антонов Михаил Валерьевич
Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики
в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург, Российская
Федерация)

Бабурин Сергей Николаевич
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Бауринг Билл
Биркбек-колледж,
Лондонский университет
(Лондон, Великобритания)

Белюсов Сергей Александрович
Саратовская государственная
юридическая академия
(Саратов, Российская Федерация)

Видра Дорис
Университет им. Париса Лодрона
(Зальцбург, Австрия)

EDITORIAL BOARD

Alexander N. Savenkov
(Editor-in-Chief)
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Igor P. Kozhokar
(Deputy Editor-in-Chief)
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Marina S. Lizikova
(Executive Secretary)
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Masha V. Antokolskaia
VU University Amsterdam
(Amsterdam, the Netherlands)

Mikhail V. Antonov
Higher School of Economics
National Research University,
Campus in Saint Petersburg
(Saint Petersburg, Russian Federation)

Sergey N. Baburin
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Bill Bowring
School of Law,
Birkbeck, University of London
(London, United Kingdom)

Sergey A. Belousov
Saratov State Legal Academy
(Saratov, Russian Federation)

Doris Wydra
University of Salzburg
(Salzburg, Austria)

Власенко Николай Александрович
Российский университет
дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)

Воронин Михаил Юрьевич
Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)

Горбань Владимир Сергеевич
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Грачева Елена Юрьевна
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
(Москва, Российская Федерация)

Керимов Александр Джангирович
Институт государства и права РАН
(Москва, Российская Федерация)

Клименко Алексей Иванович
Московский университет МВД России
(Москва, Российская Федерация)

Костюков Александр Николаевич
Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского
(Омск, Российская Федерация)

Кудашкин Владимир Васильевич
Акционерное общество
«Рособоронэкспорт»

Кузнецова Ольга Анатольевна
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Российская Федерация)

Лундмарк Томас
Университет Мюнстера
(Германия)

Nikolay A. Vlasenko
Russian University of People's Friendship
(Moscow, Russian Federation)

Mikhail Yu. Voronin
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir S. Gorban
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Elena Yu. Gracheva
Kutafin Moscow State Law University
(Moscow, Russian Federation)

Alexander D. Kerimov
Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Alexey I. Klimenko
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexander N. Kostyukov
Omsk State University
(Omsk, Russian Federation)

Vladimir V. Kudashkin
Ros Oboron Export
(Moscow, Russian Federation)

Olga A. Kuznetsova
Perm State National Research University
(Perm, Russian Federation)

Thomas Lundmark
Munster University
(Germany)

Мелкевик Бьярн Университет Лавалья (Квебек, Канада)	Bjarne Melkevik University of Laval (Quebec, Canada)
Оглезнев Виталий Васильевич Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)	Vitaly V. Ogleznev Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Подубинская Светлана Вениаминовна Институт государства и права РАН (Москва, Российская Федерация)	Svetlana V. Polubinskaya Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Саликов Марат Сабирьянович Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)	Marat S. Salikov Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation)
Солан Лоуренс Бруклинская школа права (Бруклин, США)	Lawrence Solan Brooklyn Law School (Brooklyn, USA)
Трунк Александр Кильский университет им. Христиана Альбрехта (Киль, Германия)	Alexander Trunk Kiel University (Kiel, Germany)
Фиттипальди Эдоардо Миланский государственный университет (Милан, Италия)	Edoardo Fittipaldi State University of Milan (Milan, Italy)
Шерстобитов Андрей Евгеньевич МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)	Andrey E. Sherstobitov Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
Ширвиндт Андрей Михайлович МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)	Andrey M. Shirvindt Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

«РАВЕНСТВО, СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: ОТ Н.Б. ЧИЧЕРИНА ДО В.С. НЕРСЕСЯНЦА»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ФИЛОСОФИИ ПРАВА, ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА

Лапаева В.В.

Либертарно-юридическая философия права как инструмент осмысления актуальных социально-правовых проблем 11

Поляков А.В.

Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву 39

Агамиров К.В.

Взаимное самоограничение публичной власти и граждан как условие справедливости и достижения равновесного состояния между ними 102

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Жуков В.И.

Феномен цивилизации в истории и теории государства и права 116

Павлова Ю.В.

Легализация (легальное статуирование) судебного акта как юридического факта 140

Цыгановкин В.А.

Монистические и плюралистические интерпретации правового регулирования и его методов 166

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Минникес И.А.

Конституционные права граждан и цифровая реальность (возможные угрозы)	182
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н.

Академической науке административного права и административного процесса 85 лет	198
--	-----

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Звягинцев А.Г.

Суд, которого могло и не быть, или «Пинчер» идет по следу «Немыслимого»	211
--	-----

TABLE OF CONTENTS

"EQUALITY, FREEDOM AND JUSTICE IN THE DOMESTIC TRADITION OF THE PHILOSOPHY OF LAW: FROM N.B. CHICHERINA TO V.S. NERSESYANTS": METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE DEPARTMENT OF THE PHILOSOPHY OF LAW, HISTORY AND THEORY OF LAW

Lapaeva V.V.

- Libertary-Legal Philosophy of Law as a Tool for Comprehension
of Topical Social and Legal Problems 11

Polyakov A.V.

- The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian
Philosophical and Legal Tradition and Communicative
Approach to Law 39

Agamirov K.V.

- Reciprocal Self-Restraint Public Authorities and Citizens
as a Condition Justice and Achievement Equilibrium State
between Them 102

LEGAL DOCTRINE

Zhukov V.I.

- Phenomenon of Civilization in the History and Theory
of State and Law 116

Pavlova Yu.V.

- Legalization (Legal Statuization) a Judicial Act as a Legal Fact ... 140

Tsyganovkin V.A.

- Monistic and Pluralistic Interpretations of Legal Regulation
and Its Methods 166

CONSTITUTIONAL LAW AND CONSTITUTIONAL JUSTICE

Minnikes I.A.

Constitutional Rights of Citizens and Digital Reality (Possible Threats)	182
---	-----

SCIENTIFIC ACTIVITY

Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N.

The Academic Science of Administrative Law and Administrative Process is 85 Years Old	198
--	-----

FREE TRIBUNE

Zvyagintsev A.G.

The Court That Could Not Take Place or “Pincher” Follows the “Inconcilable”	211
--	-----

«РАВЕНСТВО, СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ФИЛОСОФИИ
ПРАВА: ОТ Н.Б. ЧИЧЕРИНА ДО В.С. НЕРСЕЯНЦА»:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА
ФИЛОСОФИИ ПРАВА, ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРАВА

ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА ЛАПАЕВА

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: lapaeva07@mail.ru
SPIN-код: 1389-8478

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-lapaeva

**ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
КАК ИНСТРУМЕНТ ОСМЫСЛЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ**

Аннотация. Современная российская юриспруденция очень слабо использует познавательный потенциал философии права для анализа актуальных социально-правовых проблем. Между тем в отечественной философско-правовой науке есть теоретические наработки, способные существенно помочь не только в осмыслении этих проблем, но и в поиске путей их решения на практике. Речь идет прежде всего о разработанном В.С. Нерсеянцем либертарно-юридическом подходе к пониманию права как явления, выражающего сущностный правовой принцип формального равенства. В советский период этот подход был ориентирован прежде всего на формирование теоретических критериев отграничения права от властного произвола, позволяющих оценивать правовое качество действующего законодательства и нормативного порядка в целом. В постсоветский период основной акцент был сделан автором на поиске путей преодоления властного произвола в решении главной исторической задачи постсоциалистических преобразований — десоциализации социалистической собственности. Под этим углом зрения на базе либертарно-юридического правопонимания им была разработана концепция цивилизма как нового постсоциалистического общественного строя, основанного на выделении равносправедливой доли каждого в реализации социалистического наследства.

Однако научный потенциал этого философско-правового подхода выходит далеко за рамки обозначенных проблем. В статье показано значение данного

подхода для анализа ряда тенденций глобального политико-правового развития, чреватых наиболее опасными для права последствиями. К числу таких тенденций относятся ослабление правового характера государства и его роли как гаранта институциональной формы свободы; отставание глобальной политико-правовой интеграции от процессов финансово-экономической глобализации; технологическая дегуманизация общественной жизни, а в перспективе — и самого человека.

Ключевые слова: право, правовое государство, либертарно-юридическая теория, философия права, В.С. Нерсесянц, принцип формального равенства, глобализация, технологическая дегуманизация, редактирование генома, цивилизм

VALENTINA V. LAPAEVA

Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: lapaeva07@mail.ru
SPIN code: 1389-8478

LIBERTARY-LEGAL PHILOSOPHY OF LAW AS A TOOL FOR COMPREHENSION OF TOPICAL SOCIAL AND LEGAL PROBLEMS

Abstract. The contemporary Russian jurisprudence does not use properly the cognitive potential of philosophy of law to analyze relevant social and legal issues. Meanwhile, the national philosophical and law science has concepts that are capable of significantly assisting not only in understanding these issues, but also in finding ways to solve them in practice. This is primarily about the V.S. Nersesyants's libertarian-law approach to understanding law as a phenomenon that expresses the essential law principle of formal equality. In the Soviet period this approach was focused on the formation of theoretical criteria for the demarcation of law from arbitrary power, allowing one to assess the law quality of the current legislation and the regulatory order in general. In the post-Soviet period the author focused on finding ways to overcome arbitrary power in solving the main historical task of post-socialist transformations — the socialist property desocialization. From this point of view on the basis of libertarian-legal understanding he substantiated the concept of civilism as a new post-socialist social system, based on giving everyone an equal share in the socialist heritage.

However, the scientific potential of this philosophical and law approach goes far beyond the identified problems. The article shows the importance of this approach for the analysis of trends in global political and law development trends that are fraught with the most serious consequences for the development of law. These tendencies include the weakening of law state as a guarantor of the institutional form of

freedom, lag of global political and legal integration from the processes of financial and economic globalization and the technological dehumanization of social relations and in the future — of the human himself.

Keywords: law, rule of law, libertarian-law theory, philosophy of law, V.S. Nersejants, the principle of formal equality, globalization, technological dehumanization, genome editing, civilism

Характерной особенностью современной российской философии права является то обстоятельство, что она развивается «по преимуществу (за редким исключением) в историко-философском плане»¹ и отчасти в плоскости осмысления теоретико-методологических оснований философии права как юридической научной дисциплины, т.е. на уровне своего рода гносеологической саморефлексии. В результате познавательный потенциал этой научной дисциплины очень слабо используется для анализа социальных реалий и поиска решения тех актуальных социально-правовых проблем, которые стоят сегодня на повестке дня в стране и мире. А между тем познавательные возможности философии права охватывают всю значимую для социальной практики правовую проблематику: от разработки такой догмы российского права, которая содержала бы в себе критерии ограничения права как меры свободы от произвола (и прежде всего произвола в форме неправового закона и неправосудного приговора), до выбора правовой (в противовес силовой) модели глобального мироустройства.

В этом контексте уместно напомнить, что Ю. Хабермас в интервью журналу «Вопросы философии» счел неактуальной постановку вопроса о том, какой научной школы он придерживается. Если в 60-е гг. XX в., отметил он, основные дискуссии в немецкой философии еще шли между научными школами (хотя молодое поколение философов стремилось преодолевать границы философских школ и устанавливало взаимодействие между ними), то к концу 80-х гг. «полемика уже ориентируется на проблемы»². В наши дни подобная направленность философско-правового дискурса становится особенно востребованной, поскольку мы имеем дело не просто с проблемами, а с вызовами и рисками, порождаемыми изменениями самих основ общественной жизни: по мнению авторитетных наблюдателей, во втором десятилетии XXI в. мир вступил в период столь существенной хро-

¹ *Нерсеянц В.С.* Философия права: Учебник для вузов. М., 2006. С. 19.

² Интервью с Хабермасом (вопросы задавал Ю.П. Сенокосов) // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 81.

нической нестабильности, региональных и глобальных потрясений, что «речь сегодня идет не столько о развитии, сколько о выживании, не столько о процветании, сколько о безопасности»³.

Эти вызовы и риски нуждаются прежде всего в философско-правовом осмыслении, потому что в судьбах права, как писал В.С. Нерсесянц, «сконцентрированы все болевые точки нашего прошлого, настоящего, нашего трудного движения к будущему»⁴. Он говорил главным образом о России, но этот тезис имеет, конечно, более широкий смысл: ведь понятием права в либертарно-юридической философии В.С. Нерсесянца охватываются наиболее значимые для каждого человека ценности — свобода, равенство и справедливость, которые составляют квинтэссенцию разумных начал социальной жизни всего человечества. В рамках этого подхода право трактуется как явление, выражающее сущностный правовой принцип формального равенства, содержание которого представлено «единством трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права — всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости»⁵. При этом под правом понимается «соответствующая требованиям формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и снабженная мерами государственного принуждения»⁶. Таким образом, право как *нормативная форма свободы* (т.е. правовой закон) предстает в качестве результата деятельности правового государства как *институциональной формы свободы*.

Что касается России, то в текущем 2021 г. страна минует 30-летний рубеж с момента роспуска КПСС и распада СССР, т.е. с момента официального крушения социализма, — срок более чем достаточный для философско-правового осмысления сути произошедших в стране перемен и понимания причин, по которым социально-экономические и политико-правовые процессы пошли не так, как было задумано или продекларировано. Либертарно-юридический подход к пониманию права, разработанный В.С. Нерсесянцем⁷ в советский и постсоветский пери-

³ Кортунюв А. Неомодернизм как отрицание постмодернизма. URL: https://www.russiancouncil.ru/Аналитика_и_комментарии.../ot-postmodernizma-k... (дата обращения: 12.07.2021).

⁴ Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М., 1992. С. 4.

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 4.

⁶ Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. С. 54.

⁷ См.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. С. 3–15.

оды в качестве философской альтернативы господствующему в нашей правовой теории и практике юридическому позитивизму, выполнил эти задачи. Во-первых, он дал теоретически последовательные и поддающиеся конкретизации на уровне юридической догматики *критерии отграничения права от властного произвола*, которые необходимы для оценки правового качества формирующегося в постсоветский период нормативного порядка. Эти критерии позволяют высветить правовые дефекты нормативной регламентации и понять, насколько «не так» осуществляется правовое регулирование в той или иной сфере, т.е. насколько оно отклоняется от правового стандарта качества права как равенства людей в их свободе. И, во-вторых, этот подход заложил философско-правовые основы, на базе которых была разработана концепция цивилизма⁸ как нового постсоциалистического общественного строя, позволяющая с позиций диалектики всемирной истории объяснить, что именно блокирует нормальное правовое развитие постсоциалистической России⁹.

Значение либертарно-юридической теории для осмысления правовых проблем глобального уровня не столь очевидно, поэтому мы остановимся на нем подробнее. Возьмем для анализа несколько взаимосвязанных ключевых тенденций, которые несут в себе наиболее опасные риски для правового развития человечества. К их числу на данный момент относятся: 1) ослабление роли государства как га-

⁸ См.: *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. Идея цивилизма (от лат. *civis* — гражданин) как нового общественного строя, который мог бы сложиться на базе правовой десоциализации социалистической собственности, гарантирующей каждому гражданину равную долю доходов от капитализации общенародного достояния, является результатом применения гегелевской диалектики к осмыслению опыта реального социализма. Теоретическая возможность новой формы собственности на средства производства — индивидуальной (но не частной, которая по природе своей может быть лишь у некоторых) — и нового типа права (прирожденного и неотчуждаемого права на долю в общей собственности всех граждан страны) открывает перспективы для диалектического синтеза капитализма и социализма.

⁹ Согласно концепции цивилизма именно нелегитимность системы собственности, сложившейся по итогам неправовой (и, соответственно, несправедливой) приватизации, является главным фактором, препятствующим нормальному развитию всех сфер общественной жизни постсоциалистической России. См.: *Ланаева В.В.* Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социс. 2016. № 7. С. 66–77: *она же.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.

ранта институциональной формы свободы; 2) отставание международной, наднациональной и глобальной политико-правовой интеграции от процессов финансово-экономической глобализации и 3) технологическая дегуманизация общественной жизни, а в перспективе — и самого человека.

1. С точки зрения заложенной в основу либертарно-юридической теории *концепции правового закона*, которая исходит из идеи *концептуального единства права и правового государства*, **ослабление правового характера государства** в ситуации неразвитости наднациональной демократии чревато подрывом правовых основ нормативного порядка. В современных условиях явно выраженная тенденция к ослаблению тех функций государства, которые выражают его правовую природу как институциональной формы свободы, обусловлена рядом факторов внутринационального и международного характера.

На национальном уровне главным фактором является утрата государством роли посредника в общественном договоре между трудом и капиталом вследствие финансово-экономической глобализации. Крупный капитал, став транснациональным, освободился от прежней зависимости от национального государства, сбросив с себя таким образом бремя социальной ответственности. Параллельно с этим идет процесс утраты значительной частью работников прежней связи с государством в результате перехода их в ряды прекариата¹⁰, т.е. людей без стабильной занятости и социальных гарантий¹¹. Более того, уже в обозримой перспективе многие могут и вовсе лишиться работы в ходе дальнейшей автоматизации и роботизации производства¹². Если до сих пор, как говорит Ю. Харари, «человеку приходилось бороться с эксплуатацией, то в XXI веке наибольшая борьба будет против бесполезности. И быть неуместным гораздо хуже, чем эксплуатировать-

¹⁰ См.: *Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. London, 2011.*

¹¹ В России, как и во всем мире, пишет Ж.Т. Тощенко, в конце XX — начале XXI в. появился новый социальный класс — прекариат, численность которого «имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, ...относимых к среднему классу» (*Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социс. 2015. № 6. С. 5–6*).

¹² Применительно к России обнадеживает, к сожалению, лишь то, что доля нашей страны во внедрении роботов в различные сферы составляет 0,1% от мирового объема. См.: Выступление с.н.с. лаборатории инновационной экономики Института Гайдара С. Земцова в эфире «Радио 1». (опубликовано 31.08.2020). URL: <https://www.radio1.news>article...o...vo-vnedrenii-robotov-48190> (дата обращения: 11.09.2020).

ся»¹³. Все эти факторы существенно ослабляют позиции работников (и особенно тех, кто лишился или может лишиться работы) в том общественном договоре, который лежит в основе современной правовой государственности, подавляя таким образом социально-политическую активность людей. В связи с этим показательно, что даже социал-демократические правительства западных стран уже провозглашают в качестве приоритетов государственной политики не социальную справедливость и общественное благосостояние, а конкурентоспособность своего населения в глобальном мире¹⁴, где в начале XXI в. развернулась жесткая конкуренция между разными моделями социально-экономического и политико-правового устройства общества.

В настоящее время на смену доминировавшей в XX в. идеологии общественного договора о социальном государстве между трудом и капиталом приходит идея договора о безусловном базовом доходе¹⁵ между экономически успешной и экономически несостоятельными частями общества. Однако такой договор, в котором многие специалисты видят единственный выход из назревающего социального кризиса, может не состояться из-за слабого интереса к нему со стороны среднего класса как одной из договаривающихся сторон (элита в таком договоре и вовсе не заинтересована), а также из-за ослабления, размывания и расслоения самого среднего класса, который всегда был главной опорой права. Даже если в экономически развитых странах идея безусловного базового дохода будет реализована¹⁶, это станет итогом не правового договора между равными, а неправового по своей природе акта милосердия, т.е. «жестом доброй воли» со стороны поли-

¹³ Харари Ю. Как выжить в XXI веке? Выступление на Международном экономическом форуме в Давосе (2020 г.). URL: <https://www.zen.yandex.ru/media/futurysop/> (дата обращения: 11.09.2020).

¹⁴ Хэлд Д. Интервью газете “Die Zeit”. URL: <https://www.socialistinfo.ru/apriori/621.html>. (дата обращения: 14.08.2020).

¹⁵ На возможность подобного «общественного договора», судя по всему, рассчитывает один из главных идеологов базового дохода Г. Стендинг, когда трактует такой доход как инструмент социальной справедливости, который отражает социальный или коллективный по своей сути характер общественного богатства (*Standing G. Basic income. And how we can make it happen. London, 2017.* URL: [https://www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income-\(Part-2\)](https://www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income-(Part-2)) (дата обращения: 22.08.2021).

¹⁶ Анализ перспектив реализации этой идеи с позиций либертарно-юридического подхода см.: Ланаева В.В. Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях // Государство и право. 2021. № 6. С. 99–113.

тико-экономических элит, которые сами будут определять масштабы своей благотворительности. При этом мы будем иметь дело с так называемыми «элитами» постхристианской эпохи, для которых, по авторитетному мнению З. Бауман, характерна «утрата моральной чувствительности»¹⁷.

Одним из существенных факторов опасного для правовой государственности процесса размывания среднего класса является рост социального расслоения внутри многих государств мира. Так, в последнем докладе швейцарской финансовой организации Credit Suisse по всем выбранным для анализа странам четко просматривается тенденция к увеличению в 2020 г. по сравнению с 2000 г. коэффициента Джини (индекс концентрации доходов¹⁸), а также доли национального богатства, которым владеет 1% населения. Причем по обоим показателям Россия оказывается «впереди планеты всей»: если по коэффициенту Джини Россия (87,8) немного уступает Бразилии (89), то она бесспорно лидирует по показателю доли национального богатства, принадлежащего 1% населения: в России этот показатель — 58,2% (для сравнения со следующими по списку: в Бразилии всего 49,6% а в Индии 40,5%)¹⁹.

В ситуации ослабления правового характера современного государства возникает другая негативная для права тенденция: государства пытаются активно компенсировать утрачиваемую таким образом легитимность путем применения силовых регуляторных инструментов, используя при этом возможности новейших технологий. Перспективы движения в наметившемся направлении выразительно демонстрирует опыт Китая по соединению информационных технологий с колоссальными возможностями подавления свободы, которые имеются в распоряжении авторитарного государства. Особенно ярко это проявилось в создании системы тотального контроля за гражданами, по итогам которого рассчитываются показатели, определяющие уровень их правоспособности в рамках механизма так называемого социального кредита.

Причем установление режима цифровой диктатуры — это даже не самая опасная для человечества перспектива взрывного развития НБИК (нано-, био-, инфо-, когно-) технологий. Уже сейчас, по мне-

¹⁷ Бауман З., Донкис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текущей современности. СПб., 2019. С. 106.

¹⁸ Индекс измеряется в долях от 0 до 1 или, как в данном случае, в процентах.

¹⁹ Global wealth report 2021. Credit Suisse. June 2021. P. 24.

нию специалистов, путем технологии распознавания эмоций на основе сканирования мозга можно с точностью более 70% предсказать либеральную или консервативную политическую ориентированность человека²⁰. Как показывает «передовой опыт» Китая, применение технологий распознавания эмоций начинается с оправданной, на первый взгляд, и легко принимаемой обществом помощи в работе правоохранительных органов²¹, однако открывающиеся при этом возможности почти безграничного контроля за человеком уже сейчас привлекают внимание со стороны иных государственных органов, а также коммерческих структур. Дальнейший прогресс биоинформатики может привести к тому, что в руках политической и экономической элиты окажутся практически безграничные возможности подавления остальной части населения планеты.

Такому развитию событий в немалой степени способствует то обстоятельство, что действие новейших технологий, все чаще не вписывается не только в рамки существующего законодательства. Подобные технологии, которые называют праворазрушающими (*law disruptive*, от лат. *disruptus* — разорванный), подрывает правовую систему изнутри²². К ним относятся новые или улучшенные технологии, способные оказать значительное влияние на экономику или общество (например, такие, как Big Data, 3D-печать или беспилотные автомобили), которые не вписываются в существующую правовую систему. При этом наряду с отмечаемым специалистами своего рода «шоком будущего», в силу которого технологически развитые страны, осуществляющие стремительный переход к новому технологическому укладу, не успевают договариваться о правилах использования новых технологий²³, в самых разных по политико-правовому устройству государствах наблюдается стремление правящих бюрократий воспользоваться ситуацией возникшего нормативного вакуума для формирования и расширения сферы властного произвола.

²⁰ Kosinski M. Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-020-79310-1> (дата обращения: 14.08.2020).

²¹ Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights (2021). Published by ARTICLE. London, 2021.

²² См.: Sowers W. How do you solve a problem like law-disruptive technology? // Law and contemporary problems. 2019. Vol. 82. No. 3. P. 196.

²³ См.: Нестик Т.А. Социально-психологические предикторы отношения личности к новым технологиям. Институт психологии РАН. URL: <https://www.openbooks.itmo.ru/file/8480/8480.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

Заметный вклад в распространение регуляторных практик, выходящих за рамки деятельности правового государства, внесла эпидемия Ковид-19, когда значительная часть населения продемонстрировала готовность согласиться с весьма существенным «наездом» государственной машины на завоеванные в вековой борьбе свободы. Как пишет французский профессор публичного права, содиректор Журнала права Европейского союза П. Монжаль, «кризис Ковид-19 привел к беспрецедентным ограничениям в осуществлении основных свобод, по сути означающий смену парадигмы, на которой основана наша правовая система»²⁴. Однако при всей критике чрезмерного масштаба принимаемых антиковидных и иных аналогичных мер (в частности, автор говорит о полицейском характере экологического законодательства) в итоге он соглашается с необходимостью смены правовой парадигмы и переходе к новой концепции основных свобод. Контуры такой концепции были, по его мнению, очерчены в решении Конституционного Суда Колумбии по поводу экологического спора в отношении Амазонки. В своем решении, пишет он, Суд сослался на появление новой парадигмы, которая предполагает переосмысление права в целом и прав человека в частности: «Последние больше не могут пониматься как индивидуальные/либеральные права, основным назначением которых является свобода действий гражданина. Пришло время правовой необходимости, которая строится вокруг “прав-обязанностей”»²⁵.

Оценивая ситуацию с позиций либертарно-юридического подхода, можно сказать, что мы имеем дело не со сменой одной правовой парадигмы на другую, а с заменной регулятивной парадигмы, основанной на праве, системой контроля и управления, базирующейся на иных механизмах. Подобное реанимирование старой теории «правообязанностей» (идушей от французских солидаристов и развиваемой российскими евразийцами²⁶) в условиях появления новейших праворазрушающих технологий может иметь крайне негативные для права последствия. Признавая остроту проблем, порождающих актуализацию теории правообязанностей, нельзя не отметить, что для со-

²⁴ Монжаль П. Индивидуальные свободы в условиях кризиса в области климата и здравоохранения: Размышления о тотализирующей идеологии прав человека // Российское правосудие. 2021. С. 37.

²⁵ Монжаль П. Указ. соч. С. 57.

²⁶ См.: Лаптева Л.Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском (спор с неоевразийством) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 81–82.

временного государства она может стать удобным концептом, оправдывающим наступление на права человека.

2. Существенное *отставание международной, наднациональной и глобальной политико-правовой интеграции от процессов финансово-экономической глобализации*, развивающейся в режиме так называемого свободного рынка, — это еще один мощный фактор разрушения правопорядка, касающийся в первую очередь системы международного права. При этом, как отмечает Д. Хелд, за иллюзией «свободного рынка» скрываются сложные комбинации «монополистических структур, императивов системы корпоративной власти и мультинациональных корпораций, кратковременной логики множества коммерческих банковских домов и соперничества региональных силовых блоков. Это не тот мир, — резюмирует он, — в котором можно утверждать, что рынки суть лишь свободные, чуткие механизмы коллективного выбора»²⁷.

Неизбежной составляющей стихийного развития глобального рынка является его монополизация и, как следствие, эскалация неравенства между различными странами и регионами мира²⁸. Решение проблемы возможно на пути формирования глобального права и основанного на нем глобального правопорядка, способного ввести стихию глобального рынка в правовое русло. Однако уже произошедший в последние десятилетия взрывной рост глобального социально-экономического неравенства, все больше приобретающий характер необратимого раскола, становится фактором, блокирующим продвижение в данном направлении. По мнению известного специалиста по проблемам социального неравенства Б. Милановича, «глобальное неравенство значительно превышает неравенство внутри любой страны»²⁹. При этом со времен промышленной революции произошла самая масштабная перестановка экономических позиций населения, по итогам которой верхний 1% богатейших людей планеты (а это более 60 млн человек) и небольшая часть верхних 5% получили значительную выгоду, в то время как следующие 20% получили небольшую выгоду либо столкнулись с тем, что их доходы не менялись³⁰. В ито-

²⁷ Хелд Д. Модели демократии. М., 2014. С. 341.

²⁸ См.: Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2015. С. 103.

²⁹ Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М., 2014. С. 11.

³⁰ См.: там же. С. 15.

ге представители верхнего слоя резко возвысились над остальной частью богатых, получив возможность распоряжаться ресурсами, сопоставимыми с ресурсами целых государств, и достигнув небывалого ранее могущества. Таким образом формируются неподконтрольные обществу огромные ресурсы, которые могут быть использованы в сугубо частных интересах, что существенно затрудняет формирование публичного порядка, основанного на принципе формального равенства сторон.

На этом фоне получает все большую популярность концепция глобальной правовой системы сетевого типа, которая не имеет четкой иерархии и представляет собой сложное взаимодействие частных правовых порядков, характеризуемое специалистами как «глобальный беспорядок нормативных порядков»³¹. У сетевой правовой системы есть несомненные достоинства, связанные с большой свободой договора, с развитием третейского правосудия, с расширением регулятивных возможностей «мягкого права», способного гибко учитывать современные темпы социальных изменений, с формированием так называемой юрисдикционной гибридности, позволяющей субъектам правовых отношений выбирать удобные для них юрисдикции при защите своих прав, и т.д. На этих достоинствах и делают акцент сторонники либерализма без демократии, которые рассматривают свободу рынка как главный механизм коллективного выбора экономической стратегии. По их мнению, правовой плюрализм, сложившийся в результате транснационального саморегулирования, — это и есть искомая модель глобальной правовой системы, обладающая необходимым регулятивным потенциалом для упорядочивания отношений между субъектами глобального взаимодействия. Приверженцы такого подхода не всегда говорят, но, как правило, предполагают, что он плохо согласуется с демократическими принципами правотворчества и уж во всяком случае не нуждается в создании глобальных институтов правовой демократии.

Согласно другой теоретической модели, перспективы развития глобального права тесно связаны с формированием глобального гражданского общества и с созданием неких (пока неясно, каких именно) институциональных форм в рамках той или иной модели глобальной демократии. Данный подход вписывается в теоретическую стратегию гло-

³¹ Walker N. Beyond Boundary Disputes and Basic Grids: Mapping the Global Disorder of Normative Orders // International Journal of Constitutional Law (I-CON). 2008. Vol. 6. № 3. P. 4. Цит. по: Варламова Н.В. Принцип формального равенства как основание легитимации права в гетерархических правовых системах // Принцип формального равенства и взаимное признание права. М., 2016. С. 35–50.

бального конституционализма, суть которой в общем виде можно обозначить как формирование на глобальном уровне «новых форм сдержек и противовесов»³², релевантных задачам обуздания стихийной борьбы интересов субъектов глобального взаимодействия. Именно этот подход в наибольшей мере соответствует либертарно-юридическому типу правопонимания, для которого право — это диалектический синтез нормативной и институциональной форм свободы.

В настоящее время правовая система, складывающаяся в пространстве глобальных отношений, тяготеет к сетевой модели, со всеми ее отмеченными выше плюсами, а также минусами, связанными с отсутствием политико-правовых ограничений против превращения глобальной экономики в арену борьбы эгоистических интересов мощных корпоративных кланов. Однако взгляд на ситуацию с позиций осторожного оптимизма позволяет увидеть в формирующихся на глобальном уровне новых формах взаимодействия частного и публичного права пути создания гибридных правовых режимов, в рамках которых «публичные власти будут искать консенсуса через договоры и другие инструменты консенсуса, а частные режимы обратятся к инструментам, разработанным в контексте публичного права — таким, например, как контроль, участие, прозрачность, — чтобы укрепить собственную легитимность и власть»³³.

3. При всей значимости рассмотренных выше вызовов для правового развития человечества наиболее грозная и уже вполне реальная опасность связана с последствиями **технологической дегуманизации общественной жизни, а в перспективе — и самого человека**. Термин «технологическая дегуманизация» включает в себя весьма широкий спектр коннотаций, связанных с неоднозначностью исходного понятия «дегуманизация»³⁴. В данном случае речь пойдет о подрывающем основы гуманизма влиянии воздействию НБИК-технологий, которые меняют не только внешнюю по отношению к человеку среду, но и самого человека — его сознание, его психические и физические характеристики. Выработанные культурой соционормативные регуляторы,

³² Казак Е.С. Глобальный конституционализм: Проблемы и перспективы // Современный конституционализм: теория, доктрина и практика: Сборник научных трудов. М., 2013. С. 137.

³³ Казини Л. «Вниз по коридору к кроличьему дому»: разграничение публичного и частного за пределами государственных правовых режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 6. С. 63.

³⁴ Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // Personality and Social Psychology Review. 2006. № 10. P. 252–264.

которые до сих пор справлялись с задачей адаптации общественных отношений к растущему инструментальному могуществу человека³⁵, уже не соответствуют масштабам новых вызовов. Одна из важных причин такого положения дел заключается в том, что новейшие технологии XXI в. носят на первый взгляд преимущественно созидательный, а не разрушительный характер. Ожидания, связанные с тем, что мозговые микрочипы и нейроинтерфейсы на порядки усилят интеллектуальный и эмоциональный потенциал человека, что технологии редактирования генов позволят победить наследственные болезни, что искусственный интеллект будет выстраивать людям оптимальные карьерные и жизненные стратегии и т.п., затмевают антигуманистическую направленность подобных технологий, суть которых в том, что «они есть формы, способы воплощения постчеловеческого в жизнь»³⁶.

На данный момент из всех НБИК-технологий наиболее продвинулись в сторону постчеловеческой перспективы биотехнологии, связанные с геной инженерией. Различные подходы к нормативному регулированию процессов создания и применения данных технологий сейчас находятся в центре внимания биоэтики, где каждая проблема — это самый сложный клубок переплетенных правовых, моральных и религиозных составляющих. И если у науки и практики нет ясного критерия выделения правового начала, то невозможно предложить общезначимое решение проблемы. А такого критерия в биоэтике нет, поскольку она выросла из медицинской деонтологии и в своих правовых аспектах ориентируется на юснатурализм, который очень хорошо уживается с доминирующим в этой сфере декларативно-рекомендательным регулированием на уровне «мягкого права», в рамках которого правовые по своей природе нормы сочетаются с моральными и религиозными регуляторами.

Однако в последнее время становится все более очевидно, что «мягкое право» не справляется с нормативным регулированием про-

³⁵ Согласно предложенной А.П. Назаретяном концепции техногуманитарного баланса, чем выше мощь созданных человеком военных и производственных технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения социума (см.: *Назаретян А.П.* Наше нелинейное будущее. М., 2015. С. 116). До сих пор человечеству в целом удавалось удерживать этот баланс и избегать таким образом самоуничтожения. Однако отдельные сообщества, не сумевшие вовремя мобилизовать гуманистические начала разума, «выбраковывались из исторического процесса, разрушив природные и/или организационные основы своего существования» (там же. С. 107).

³⁶ *Маслов В.М.* Постчеловеческие тенденции техногенной цивилизации: нанотехнологии // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 6. С. 872.

цессов создания и применения биотехнологий. Давно поставленная международным научным сообществом задача выстраивания полноценного правового регулирования в данной сфере отношений нуждается в решении. Теория права сможет внести свой вклад в решение этой задачи только в том случае, если сумеет надлежащим образом отграничить право от морально-религиозных норм. А это можно сделать лишь с опорой на либертарно-юридическую теорию, которая в отличие от юснатурализма не растворяется в общественной морали и религии, а в отличие от позитивизма — не является этически нейтральной и «всеядной». Она предлагает собственный *этический принцип*, т.е. *собственный принцип различения добра и зла*: добро для права — это равенство в свободе, а зло — это неравенство в форме любого произвола, в том числе и выступающего в виде требований морали или религии. Именно это качество отличает право от иных феноменов, которые нормативная этика³⁷ в своих поисках рационального «оправдания добра» увязывает с разумной природой человека.

Но есть одна очень важная проблема, которая на данном этапе в принципе не поддается правовому решению. Это проблема наследуемого редактирования генома человека, т.е. редактирования, результаты которого передаются следующим поколениям. Суть проблемы заключается в том, что применение технологий наследуемого редактирования генома в медицинских целях неизбежно приведет к появлению так называемых дизайнерских детей со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями³⁸, а отказ от использования этих технологий означает дискриминацию в лечении людей по основанию особенностей их генетического статуса. Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины³⁹ (Конвенция Овьедо) — единственного юридически обязывающего международного документа по правам человека в сфере биомедицины.

³⁷ О месте нормативной этики, ориентированной на выявление признаков аналитических «истин разума» см.: *Максимов Л.В.* Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39–54.

³⁸ К таким последствиям относится опасность подрыва биосоциального единства человечества вплоть до его раскола на разные биологические касты.

³⁹ Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 14.08.2020).

В ст. 13 данной Конвенции условия вмешательства в геном человека регламентированы следующим образом: 1) модификация генома возможна лишь в медицинских целях и 2) эта модификация не направлена на изменение генома наследников данного человека. Эти два положения содержали в себе позицию ряда стран Совета Европы, которая была предложена остальному миру в качестве ориентира для последующего (как ожидалось) правового урегулирования этих вопросов на глобальном уровне. Однако все дальнейшее международное регулирование данной сферы (за исключением четырех дополнительных протоколов к Конвенции) уже более 20 лет носит характер декларации, рекомендаций, кодексов профессиональной этики, норм саморегулирования в рамках научного сообщества и т.д.

Можно перечислить целый ряд очень серьезных факторов, блокирующих формирование глобального правового регулирования этой важнейшей сферы биотехнологического развития (экономическая конкуренция за рынки медицинских услуг, превращение уровня научно-технологического развития в важнейшее преимущество в системе глобальной политической конкуренции, практическая невозможность остановить применение опасных технологий одновременно во всех регионах мира и т.д.). Но, пожалуй, важнейшим тормозом на пути глобального регулирования технологий наследуемого редактирования генома человека в медицинских целях является тот факт, что запрет на такое редактирование, который мог бы решить проблему, носит неправовой по своей сути характер. Показательно, что даже в рамках рассматриваемой Конвенции этот запрет, который, безусловно, дискриминирует тех, кому будет отказано в лечении из-за особенностей их генетического статуса, противоречит ст. 11, содержащей запрет на дискриминацию, ст. 3, гарантирующей равную доступность медицинской помощи, и, наконец, основополагающей для Конвенции ст. 2, согласно которой интересы и благо человека преобладают над интересами общества или науки. То обстоятельство, что в большинстве случаев устранить генетически обусловленные патологии можно без генетической инженерии, с правовой точки зрения сути дела не меняет: каждый человек имеет равное с другими право на охрану здоровья. Причем, согласно Пакту об экономических, социальных и культурных правах, каждый имеет право на наивысший достижимый уровень здоровья (п. 1 ст. 12) без какой-либо дискриминации (п. 2 ст. 2).

Очевидно, что специалисты Совета Европы, предлагая формулировку ст. 13, видели все связанные с нею противоречия и тем не менее

пошли на это решение, руководствуясь соображениями, которые они посчитали более значимыми, чем идеология прав человека. Логика их рассуждений, по-видимому, вписывается в русло новой этики ответственности, сформулированной в работах выдающегося немецкого философа Г. Йонаса, еще в 70-е гг. прошлого века. Предвидя перспективы и масштабы грядущей технологической дегуманизации, он говорил о необходимости принципиальной смены этических ориентиров от нынешнего антропоцентризма с его кантовским категорическим императивом индивидуальной свободы на новую этику будущего как этику ответственности индивида за общее благо. В свете опасностей, порождаемых развитием биотехнологий, Г. Йонас призывал к подчинению всей соционормативной системы категорическому императиву сохранения человечества в его «неурезанной человечности»⁴⁰.

При этом сам автор признавал, что предлагаемый им императив моральной ответственности выходит за рамки правовой системы. Соглашаясь с данным тезисом, следует добавить, что такой императив — это не только не правовая норма, но это и вообще не норма по своей регулятивной сути. Любая норма существует в рамках дихотомии «правило — отклонение» и предполагает ответственность, соразмерную отклонению. Предлагаемый Г. Йонасом запрет в форме категорического императива — это квазирелигиозная заповедь, призванная вернуть человеку благоговение перед тем, «что ни при каких обстоятельствах не может быть поругано»⁴¹. Ведь только благоговейный ужас перед осквернением святыни, а не расчетливый страх, писал он, может остановить технологическую экспансию в природу человека. В рассматриваемой Конвенции была предпринята попытка придать этому надправовому императиву видимость правовой нормы.

Основанный на этой видимости консенсус удерживался в рамках научного сообщества до тех пор, пока не была создана эффективная технология направленного и точного редактирования генома CRISPR-cas9, открывшая реальную возможность превращения биологической эволюции человечества в управляемый технологический процесс, устремленный в постчеловеческое будущее. Разрушение этого консенсуса было документально зафиксировано в резолюции второго Международного Саммита о редактировании генов человека 2018 г., состоявшегося через несколько дней после объявления о ро-

⁴⁰ Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М., 2004. С. 226.

⁴¹ Там же.

ждении в Китае детей с отредактированным геномом. А Консультативная группа ВОЗ, специально созданная в 2019 г. для выработки подходов к редактированию генома человека, отказалась от идеи полного запрета на редактирование наследуемого генома человека, не поддержала предложение о введении моратория на такое редактирование и обозначила установку на создание стандартов в этой области и механизмов контроля за их выполнением. Аналогичной позиции придерживается влиятельный в биоэтическом сообществе Наффилдский совет по биоэтике⁴² и Международная комиссия по клиническому использованию редактирования генома зародышевой линии человека, учрежденная в 2019 г. Национальными академиями США совместно с Королевским обществом Великобритании⁴³.

Причины такого явного тренда на отход от идеи запретительного регулирования в сфере редактирования наследуемого генома человека связаны, скорее всего, с пониманием невозможности остановить процесс путем безоговорочного запрета. По сути, взят курс на отказ от такого надправового запрета в пользу правовых ограничений. Он, конечно, несет в себе очень большие риски незаметного перехода той, по выражению Ф. Фукуямы, красной линии, которая отделяет человеческое от постчеловеческого, но другого варианта, наверное, просто нет.

Однако идея постчеловеческого будущего пугает далеко не всех. Например, приверженцы набирающего все большую популярность трансгуманистического движения⁴⁴ рассматривают человека лишь как представителя одной из возможных форм «носителей жизни, интеллекта или разума. Именно последние, ...а не человек, как это принято в гуманизме, наделяются высшей ценностью»⁴⁵. Очевидно, что

⁴² В своем аналитическом докладе за 2018 г. Наффилдский совет по биоэтике признал возможность применения данных технологий в терапевтических целях при условии, что это не будет препятствовать благополучию рожденного с помощью данной технологии человека и не приведет к усугублению социального неравенства, к маргинализации или ущемлению отдельных социальных групп. (Genome editing and human reproduction: social and ethical issues. Published 17 July 2018. URL: <http://www.nuffieldbioethics.org/wp-content/uploads> (дата обращения: 05.07.2021).

⁴³ См.: *Andorno R., Darnovsky M., Baylis F., Dickenson D.* Geneva Statement on Heritable Human Genome Editing: The Need for Course Correction // *Trends in Biotechnology*. 2020. Vol. 38. No. 4. P. 351–354.

⁴⁴ См.: *Transhumanist Declaration*. URL: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/> (дата обращения: 11.08.2021).

⁴⁵ *Юдин Б.Г.* Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма. URL: http://lihachev.ru/pic/site/files/lihicht/2013_Sbornik... (дата обращения: 16.08.2021).

подобный отказ от гуманизма означает и отказ от тех достижений человеческой культуры (включая право), которые основаны на гуманистических идеях и принципах. В свете такой перспективы Ф. Фукуяма в работе «Наше постчеловеческое будущее» призывает вернуться к доктринам естественного права, которые основаны на признании имманентной взаимосвязи права с моральными универсалиями, генетически заложенными в природу человека. Он полагает, что возврат к этим биологическим истокам возродит некое подлинное право и поможет остановить крайне опасную технологическую дегуманизацию человека⁴⁶. В данном подходе к проблеме ярко проявляется присущее юснатурализму утверждение приоритета естественного над искусственным, что влечет за собой недооценку творческого потенциала права. Между тем сама по себе апелляция к природе человека не обозначает пути решения проблемы. Показательно, что Ф. Фукуяма, ссылаясь на эту природу, выступает против наследуемого редактирования генома, а выдающийся генетик Д. Уотсон с этих же по существу позиций призывает открыть дорогу такому редактированию⁴⁷.

В отличие от юснатурализма, либертарно-юридическая теория ориентирована не на природно-биологические, а на социальные истоки права. Чтобы пояснить этот тезис, надо обратиться к трактовке В.С. Нерсесянцем генезиса права, в рамках которой следует выделить два принципиальных момента: 1) становление сущности права и возникновение правовых явлений «происходят одновременно и в рамках одного процесса»⁴⁸; 2) процесс правообразования уже изначально имел характер социального творчества, в котором человек проявил себя как разумное существо. В обоснование данной позиции можно сказать следующее.

С точки зрения либертарно-юридического подхода среди так называемых моральных универсалий (а к ним обычно относят взаимность, эмпатию, альтруизм и т.д.) взаимность выделяется тем, что она имеет не моральную, а *правовую* природу. Именно из взаимности как стремлении воздавать равным за равное во взаимодействии свободных субъектов и выросла обязывающая сила права. Поэтому неверно

⁴⁶ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004. Ч. II. Гл. 7 «Права человека». URL: <http://yanko.lib.ru/books/politologiya/fukuyama-nashe...> (дата обращения: 17.07.2021).

⁴⁷ См.: Уотсон Д. ДНК. История генетической революции. СПб., 2019. С. 500.

⁴⁸ Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. С. 63. Это значит, что для В.С. Нерсесянца право изначально не было частью некой синкретичной мононормы, из которой выростала система отношений первобытного общества.

оспаривать разделительный тезис либертарно-юридической теории, ссылаясь на то, что принцип формального равенства предполагает «моральное допущение в форме взаимности признания и уважения свободы»⁴⁹. Более того, и возмездность, выраженная в принципе талиона, и Золотое правило нравственности в его негативной формулировке, и кантовский категорический императив⁵⁰ для В.С. Нерсесянца — это исторически обусловленные модификации принципа формально-правового равенства, которые выросли из идеи взаимности. С позиций такого подхода взаимность — это не «моральное допущение», а генетически заложенная в природу человека как разумного существа способность воспринимать другого в качестве равного себе субъекта и общаться с ним на основании правового принципа формального равенства. В процессе генезиса права взаимность как генетическое свойство человеческой природы выступало в качестве самостоятельного источника правового начала, обладающего соответствующей сущностью.

Наличие такого правового начала в природе человека явилось исходной предпосылкой, необходимым, но не достаточным условием для правового развития. Дело в том, что взаимность, как показывают исследования этологов, четко прослеживается и в поведении высокоразвитых животных. А человек стал человеком и выжил благодаря прежде всего социальному творчеству, в котором нашла выражение его природа как существа не только разумного, но и политического (если воспользоваться определением Аристотеля). При этом, как свидетельствуют работы ряда ведущих антропологов, проточеловек вырвался из животного мира в результате акта не просто социального, но социально-правового по своей сути творчества, направленного на преодоление его агрессивных природных инстинктов и создания условий для социального взаимодействия. Первыми шагами на пути социогенеза и одновременно правогенеза стало разделение родовой общины на две равные части (т.е. создание так называемой дуальной общины), введение табу на инцест внутри каждой из этих частей рода и установление

⁴⁹ Тимошина Е.В. Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 75.

⁵⁰ «Кантовская концепция моральности права, — писал В.С. Нерсесянц, — имеет правовой смысл и значима для философии права именно потому и постольку, поскольку эта моральность по своей сути юридична, а под принципом индивидуальной морали имеется в виду абстрактно-всеобщий принцип права» (Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. С. 623).

обмена брачными партнерами, основанного на сложной системе договорных отношений. Наличие в природе человека духовных универсалий, конечно, способствовало этим процессам, но решающим фактором стало социальное творчество.

И сейчас, когда новейшие технологии уже подвели нас к черте, за которой маячит постчеловеческое будущее, а право как продукт техногенной цивилизации, несущий в себе ее основные риски, демонстрирует пока что неспособность предотвратить связанные с этим опасности, остается, как говорил Ю. Хабермас, «слабая надежда на хитрость разума»⁵¹. Эта надежда питается знанием о том, что на заре своей истории зарождающийся человек нашел в себе ресурсы разума и воли для правового творчества, обеспечившего ему выживание и развитие. Либертарно-юридическая теория, в отличие от юснатурализма, открыта для поиска творческих решений.

В настоящее время одно из широко обсуждаемых направлений такого поиска связано с идеей о том, что с помощью технологий геномного редактирования можно обеспечить моральное совершенствование человека и таким образом предотвратить разрушительные для человечества последствия технологического прогресса. Причем подобный моральный инжиниринг рассматривается в качестве предпосылки построения более разумного и справедливого общественного устройства. «Весь исторический опыт, — утверждает известный отечественный философ Д.И. Дубровский, — однозначно свидетельствует, что нельзя качественно изменить к лучшему социум, о чем всегда мечтали прогрессивные умы, не изменяя качественно самого человека»⁵². Однако проблема состоит как раз в том, что в нынешнем очень несовершенном обществе с его колоссальным социальным расслоением, в обществе, где сама жизнь уже вовлечена в процесс капиталистического производства материальных ценностей и становится предметом купли-продажи, где «все мы одновременно и потребители товаров, и товары, рассчитанные на потребление»⁵³, применение технологий морального совершенствования человека неизбежно приобретет очень опасный характер. По-видимому, решение этой экзистенциальной по своему масштабу проблемы возможно лишь на пути

⁵¹ Хабермас Ю. Вера и знание. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Naiberm/Ver... (дата обращения: 12.01.2020).

⁵² Наука, Техника общество. «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Философия науки и техники» // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 12.

⁵³ Бауман З., Донскис Л. Указ. соч. С. 47.

совершенствования социальных, экономических и политических отношений в русле равносправедливого правового подхода. В контексте такой постановки задачи актуализируется концепция цивилизма, разработанная в рамках либертарно-юридической философии права.

Подводя итоги, можно сказать, что осмысление актуальных социально-правовых проблем с позиций либертарно-юридического типа правопонимания ориентирует на поиск их творческого решения в контексте широких политико-правовых преобразований, способных обеспечить развитие права как синтеза нормативной и институциональной форм свободы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019.

Варламова Н.В. Принцип формального равенства как основание легитимации права в гетерархических правовых системах // Принцип формального равенства и взаимное признание права. М.: Проспект, 2016. С. 35–50.

Выступление с.н.с. лаборатории инновационной экономики Института Гайдара С. Земцова в эфире «Радио 1». (опубликовано 31.08.2020). URL: <https://www.radio1.news/article...o...vo-vnedrenii-robotov-48190> (дата обращения: 11.09.2020).

Интервью с Хабермасом (вопросы задавал Ю.П. Сенокосов) // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 80–83.

Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.

Казак Е.С. Глобальный конституционализм: Проблемы и перспективы // Современный конституционализм: теория, доктрина и практика: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 130–146.

Казини Л. «Вниз по коридору к кроличьему дому»: разграничение публично-го и частного за пределами государственных правовых режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 6. С. 45–69.

Кортунов А. Неомодернизм как отрицание постмодернизма. URL: http://www.russiancouncil.ru/Аналитика_и_комментарии.../ot-postmodernizma-k... (дата обращения: 12.07.2021).

Лапаева В.В. Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях // Государство и право. 2021. № 6. С. 99–113.

Лапаева В.В. Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социс. 2016. № 7. С. 66–77.

Лапаева В.В. Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.

Лантева Л.Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском (спор с неоевразийством) // *Общественные науки и современность.* 2007. № 6. С. 75–85.

Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // *Вопросы философии.* 1998. № 10. С. 39–54.

Маслов В.М. Постчеловеческие тенденции техногенной цивилизации: нанотехнологии // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 6. С. 871–875.

Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

Монжаль П. Индивидуальные свободы в условиях кризиса в области климата и здравоохранения: Размышления о тотализирующей идеологии прав человека // *Правосудие/ Justice.* 2021. № 2. С. 17–61.

Назаретян А.П. Наше нелинейное будущее. М.: Аргамак-Медиа, 2015.

Наука, Техника общество. «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Философия науки и техники» // *Философия науки и техники* 2015. Т. 20. № 2. С. 5–49.

Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма, 2001.

Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // *Вопросы философии.* 2002. № 3. С. 3–15.

Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Российское право, 1992.

Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2006.

Нестик Т.А. Социально-психологические предикторы отношения личности к новым технологиям. Институт психологии РАН. URL: <https://www.openbooks.itmo.ru/file/8480/8480.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015.

Тимошина Е.В. Разделительный тезис либертарно-юридической теории и основания действительности права // *Труды ИГП РАН.* 2018. Т. 13. № 4. С. 57–82.

Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // *Социс.* 2015. № 6. С. 3–13.

Уотсон Д. ДНК. История генетической революции. СПб.: Питер, 2019.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, ЛЮКС, 2004.

Хабермас Ю. Вера и знание. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haberm/Veg... (дата обращения: 12.01.2020).

Харари Ю. Как выжить в XXI веке? Выступление на Международном экономическом форуме в Давосе (2020 г.). URL: [https://www.zen.yandex.ru/media/futurycon/..](https://www.zen.yandex.ru/media/futurycon/) (дата обращения: 11.09.2020).

Хэлд Д. Интервью газете “Die Zeit”. URL: <https://www.socialistinfo.ru/apriori/621.html>. (дата обращения: 14.08.2020).

Юдин Б.Г. Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма. URL: http://lihachev.ru>pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik... (дата обращения: 16.08.2021).

Andorno R., Darnovsky M., Baylis F., Dickenson D. Geneva Statement on Heritable Human Genome Editing: The Need for Course Correction // *Trends in Biotechnology*. 2020. Vol. 38. № 4. P. 351–354.

Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights (2021). Published by ARTICLE19 in January 2021. London: Free Word Centre, 2021.

Genome editing and human reproduction: social and ethical issues. Published 17 July 2018 // <http://www.nuffieldbioethics.org> > wp-content > uploads Дата обращения 5.07.2021.

Global wealth report 2021. Credit Suisse. June 2021.

Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. No. 10. P. 252–264.

Kosinski M. Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images. URL: <http://www.nature.com>articles/s41598-020-79310-1> (дата обращения: 17.08.2021).

Sowers W. How do you solve a problem like law-disruptive technology? // *Law and contemporary problems*. 2019. Vol. 82. No. 3. P. 192–214.

Standing G. Basic income. And how we can make it happen. London: Pelican — Penguin, 2017. URL: www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income (Part 2). (дата обращения: 22.08.2021).

Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. London: Bloomsbury, 2011.

Transhumanist Declaration. URL: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/> (дата обращения: 11.08.2021).

Walker N. Beyond Boundary Disputes and Basic Grids: Mapping the Global Disorder of Normative Orders // *International Journal of Constitutional Law (I-CON)*. 2008. Vol. 6. No. 3. P. 1–21.

REFERENCES

Andorno, R., Darnovsky, M., Baylis, F. and Dickenson, D. (2020). Geneva Statement on Heritable Human Genome Editing: The Need for Course Correction // *Trends in Biotechnology*, 38, 4, pp. 351–354. (in Eng.).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2019). *Moral'naya slepota* [Moral Blindness]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House. (in Russ.).

Cohen, J. (2019). Internet Utopianism and the Practical Inevitability of Law // *Duke Law and Technology Review*. Durham, 18, 1, pp. 86. (in Eng.).

Emotional Entanglement: China's Emotion Recognition Market and its Implications for Human Rights (2021). Published by ARTICLE19 in January 2021. London: Free Word Centre. (in Eng.).

Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchelovcheskoye budushcheye. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii*. [Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnological Revolution]. Moscow: ACT, LUX. (in Russ.).

Genome Editing and Human Reproduction: Social and Ethical Issues (2018). [online]. Available at: URL: <http://www.nuffieldbioethics.org/wp-content/uploads> [Accessed: 05.07.2021].

Global Wealth Report 2021. Credit Suisse. June 2021. (in Eng.).

Habermas, J. (2001). *Vera i znaniye*. [Faith and Knowledge.] [online]. Available at: URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haberm/Ver... [Accessed: 12.01.2020]. (in Russ.).

Harari, Y. (2020) *Kak vyzhit' v XXI veke? Vystupeniye na Mezhdunarodnom ekonomicheskoye forume v Davose* [How to Survive in the 21st Century? Speech at the International Economic Forum in Davos]. [online]. Available at: URL: <https://www.zen.yandex.ru/media/futurycon/>. [Accessed: 09/11/2020]. (in Russ.).

Haslam, N. (2006). Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review*, 10, pp. 252–264. (in Eng.).

Held, D. *Interv'yu gazete "Die Zeit"* [Interview with the Newspaper "Die Zeit"]. [online]. Available at: URL: <https://www.socialistinfo.ru/apriori/621.html>. [Accessed: 14.08.2020]. (in Russ.).

Interv'yu s Khabermasom (voprosy zadaval YU.P.Senokosov) [Interview with Habermas asked by Yu. P. Senokosov] (1989). *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 9, pp. 80–83. (in Russ.).

Jonas, G. (2004). *Printsip otvetstvennosti: Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii*. [Responsibility Principle: Ethics Experience for Technological Civilization]. Moscow: Iris-press. (in Russ.).

Kazak, E.S. (2013). *Global'nyy konstitutsionalizm: Problemy i perspektivy* [Global Constitutionalism: Problems and Prospects]. *Sovremennyy konstitutsionalizm: teoriya, doktrina i praktika* [Modern Constitutionalism: Theory, Doctrine and Practice]. Moscow: INION RAN, pp.130–146. (in Russ.).

Kazini, L. (2015). «Vniz po koridoru k krolich'yemu domu»: razgranicheniye publichnogo i chastnogo za predelami gosudarstvennykh pravovykh rezhimov [“Down the Corridor to the Rabbit House”: Distinguishing Public and Private Outside State Legal Regimes]. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*. [Comparative Constitutional Review], 6, pp. 45–69. (in Russ.).

Kortunov, A. *Neomodernizm kak otritsaniye postmodernizma* [Neomodernism as a Denial of Postmodernism]. [online]. Available at: [russiancouncil.ru/Analytics and comments.../ot-postmodernizma-k...](http://russiancouncil.ru/Analytics-and-comments.../ot-postmodernizma-k...) [Accessed: 17.08.2021]. (in Russ.).

Kosinski, M. *Facial recognition technology can expose political orientation from naturalistic facial images*. [online]. Available at: URL: <http://www.nature.com/articles/s41598-020-79310-1> [Accessed: 17.08.2021].

Lapaeva, V.V. (2016). Pravo i pravovoye gosudarstvo v postsotsialisticheskoy Rossii: sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Law and the Rule of Law in Post-Socialist Russia: State and Development Prospects]. *Sotsis [Socis]*, 7, pp. 66–77. (in Russ.).

Lapaeva, V.V. (2017). Sotsializm kak zakonomernyy etap vseмирno-istoricheskogo protsessa: s pozitsiy konseptsii tsivilizma V.S. Nersesyantsa [Socialism as a Natural Stage of the World-Historical Process: from the Standpoint of the Concept of Civilism by V.S. Nersesyants]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 7, pp. 44–56. (in Russ.).

Lapaeva, V.V. (2021). Ideya bezuslovnogo bazovogo dokhoda i kontseptsiya tsivilizma: razlichiya v filosofsko-pravovyykh osnovaniyakh [The Idea of an Unconditional Basic Income and the Concept of Civilism: Differences in the Philosophical and Legal Foundations]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], pp. 99–113. (in Russ.).

Lapteva, L. Ye. (2007) Dostoinstvo lichnosti i zakon v gosudarstve Rossiyskom (spor s neoyevraziystvom) [Personal dignity and law in the Russian state (dispute with neo-Eurasianism)] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. [Social sciences and modernity], 6. pp. 75–85. (in Russ.).

Maksimov, L.V. (1998). Ocherk sovremennoy metaetiki [Essay on Modern Metaethics]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 10, pp. 39–54. (in Russ.)

Maslov, V.M. (2014). Postchelovecheskiye tendentsii tekhnogennoy tsivilizatsii: nanotekhnologii [Posthuman Tendencies of Technogenic Civilization: Nanotechnology]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental Research], 6, pp. 871–875. (in Russ.).

Milanovich, B. (2014). *Global'noye neravenstvo dokhodov v tsifrakh: na protyazhenii istorii i v nastoyashcheye vremya* [Global Income Inequality in Figures: Throughout History and Present]. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics. (in Russ.).

Monjal, P. (2021). Individual'nyye svobody v usloviyakh krizisa v oblasti klimata i zdravookhraneniya: Razmyshleniya o totaliziruyushchey ideologii prav cheloveka [Individual Freedoms in the Context of the Climate and Health Crisis: Reflections on the Totalizing Ideology of Human Rights]. *Pravosudiye/Justice* [Justice], 2, pp.17–61. (in Russ.).

(2015). Nauka, Tekhnika obshchestvo. «Kruglyy stol» zhurnalov «Voprosy filosofii» i «Filosofiya nauki i tekhniki» [Science, Technology Society. “Round table” of the magazines “Problems of Philosophy” and “Philosophy of Science and Technology”] *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 20 (2), pp. 5–49. (in Russ.).

Nazaretyan, A.P. (2015). *Nashe nelineynoye budushcheye* [Our Non-Linear Future]. Moscow: Argamak-Media. (in Russ.).

Nersesyants, V.S. (2001). *Natsional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom proesse ravenstva, svobody i spravedlivosti* [The National Idea of Russia in the World-Historical Progress of Equality, Freedom and Justice. Manifesto on Civilism]. Moscow: Norma. (in Russ.).

Nersesyants, V.S. (2002). Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kontseptsiya [Philosophy of Law: Libertarian Legal Concept]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 3, pp. 3–15. (in Russ.).

Nersesyants, V.S. (1998). *Filosofiya prava Gegelya* [Hegel's Philosophy of Law]. Moscow: Lawyer. (in Russ.).

Nerseyants, V.S. (1992). *Nash put' k pravu: ot sotsializma k tsivilizmu* [Our Path to Law: from Socialism to Civilism]. Moscow: Russ. law. (in Russ.).

Nerseyants, V.S. (2006). *Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of Law: Textbook for Universities]. Moscow: Norma. (in Russ.).

Nestik, T.A. *Sotsial'no-psikhologicheskiye prediktory otnosheniya lichnosti k novym tekhnologiyam. Institut psikhologii RAN* [Socio-Psychological Predictors of Personality Attitudes to New Technologies.] Moscow: Institute of Psychology RAS. [online]. Available at: URL: <https://www.openbooks.itmo.ru/ru/file/8480/8480.pdf> [Accessed: 12.04.2020]. (in Russ.).

Sowers, W. (2019). How do you solve a Problem Like Law-Disruptive Technology? *Law and Contemporary Problems*, 82(3), pp. 192–214.

Speech senior researcher laboratory of innovative economics of the Gaidar Institute S. Zemtsov on the air of "Radio 1". [online]. Available at: URL: <https://www.radio1.news>article...o...vo-vnedrenii-robotov-48190> [Accessed: 09/11/2020]. (in Russ.).

Standing, G. (2017). *Basic Income. And How We Can Make It Happen*. London: Penguin. [online]. Available at: URL: [www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income-\(Part-2\)](http://www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income-(Part-2)). [Accessed:]. (in Eng.).

Standing, G. (2011). *The Precariat. The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury. (in Eng.).

Stiglitz, J. (2015). *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchem*. [The Price of Inequality. Than the Stratification of Society Threatens our Future]. Moscow: Eksmo. (in Russ.).

Timoshina, E.V. (2018). Razdelitel'nyy tezis libertarno-yuridicheskoy teorii i osnovaniya deystvitel'nosti prava [The Dividing Thesis of the Libertarian Legal Theory and the Foundations of the Validity of Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 13 (4), pp. 57–82. (in Russ.).

Toshchenko, Zh.T. (2015). Prekariat — novyy sotsial'nyy klass [Precariat — a New Social Class]. *Sotsis [Socis]*, 6, pp. 3–13. (in Russ.).

Transhumanist Declaration. [online]. Available at: URL: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/> [дата обращения: 11.08.2021]. (in Russ.).

Varlamova, N.V. (2016). Printsipy formal'nogo ravenstva kak osnovaniye legitimatsii prava v geterarkhicheskikh pravovykh sistemakh [The Principle of Formal Equality as the Basis for the Legitimation of Law in Heterarchical Legal Systems] In: *Printsip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava* [The Principle of Formal Equality and Mutual Recognition of Law]. Moscow, pp. 35–50. (in Russ.).

Walker, N. (2008). Beyond Boundary Disputes and Basic Grids: Mapping the Global Disorder of Normative Orders // *International Journal of Constitutional Law*, 6(3), pp. 1–21.

Watson, D. (2019) DNK. Istoriya geneticheskoy revolyutsii [DNA. History of the genetic revolution]. SPb.: Piter. 2019. (in Russ.).

Yudin, B.G. (2005). V fokuse issledovaniya — chelovek: eticheskiye regulyativnyye nauchnoye poznaniya [The focus of the research is a person: ethical regulations of scientific knowledge]. In: *Etos nauki na rubezhe vekov* [Ethos of science at the turn of the century]. Moscow: IP RAS. (in Russ.).

Yudin, B.G. (2016). Chelovek kak ob"yekt, potrebitel' i mishen' tekhnologii [Human as an object, consumer and target of technoscience]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 5. [online]. Available at: URL: [http://www.zpu-journal.ru/e...2016/5/Yudin... Being-Technoscience/](http://www.zpu-journal.ru/e...2016/5/Yudin...Being-Technoscience/) (Accessed: 05.22.2020). (in Russ.).

Yudin, B.G. Gumanisticheskiye tsennosti v kontekste transgumanizma. [Humanistic Values in the Context of Transhumanism]. [online]. Available at: URL: http://lihachev.ru>pic/site/files/lihicht/2013_Sbornik... (Accessed: 16.08.2021). (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лапаева Валентина Викторовна — главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, доктор юридических наук.

AUTHOR'S INFO:

Valentina V. Lapaeva — Chief Researcher, Department of Legal Philosophy, Legal Theory and Legal History, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences, Doctor of Law.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Лапаева В.В. Либертарно-юридическая философия права как инструмент осмысления актуальных социально-правовых проблем // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 11–38. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-lapaeva

FOR CITATION:

Lapaeva, V.V. (2021) *Libertary-Legal Philosophy of Law as a Tool for Comprehension of Topical Social and Legal Problems. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 11–38. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-lapaeva

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЛЯКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7/9
E-mail: polyakov2008@gmail.com
SPIN-код: 9899-2464
ORCID: 0000-0002-6078-3532

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov

ПРИНЦИП ВЗАИМНОГО ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ: РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПРАВУ*

Аннотация. В статье на основе постклассического анализа отечественной правовой традиции, связанной прежде всего с российским феноменом «возрожденного естественного права» конца XIX — начала XX в., впервые в российской науке раскрывается смысл лежащего в основе естественно-правовых представлений принципа взаимного правового признания (взаимного признания правосубъектности) и вытекающих из него принципов равенства, свободы, справедливости, достоинства, ответственности, солидарности.

Для обоснования своих выводов автор использует постклассическую методологию, рассматривая право не как систему установленных государством норм, а как систему коммуникативных отношений, в которых право рождается из соединения ценностно значимых текстов, их легитимации в intersubъективном сознании коммуникантов и последующего взаимодействия на основе субъективных прав и обязанностей. Такой подход к праву предполагает особое внимание к проблематике мотивов человеческого поведения, для объяснения которых используется методология теории рационального выбора и концепция максимизации благосостояния, разработанные в рамках Чикагской школы экономического анализа права. Данные идеи концептуально соединяются с идеями отечественной естественно-правовой традиции, пытавшейся обосновать справедливость права в единстве с нравственностью и правами человека.

В центре анализа находятся концепции В.С. Соловьева и И.А. Ильина. Установлено, что, несмотря на разность методологических подходов этих мыслителей, их отношение к естественному праву базируется на идеологии взаимного признания. Выявляется онтология отношений между правом и моралью

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00493 «Экономический анализ права Чикагской школы: российский контекст». Автор благодарит И.В. Днепровскую, Д.И. Луковскую, И.И. Осветимскую, Ю.Е. Пермякова, Е.В. Тимошину, С.В. Тихонову за ценные замечания и идеи, высказанные при обсуждении текста статьи.

(нравственностью) на основе обозначенного верховного принципа. Раскрывается экзистенциальный, аксиологический и праксиологический смысл понятий «признание», «правовое признание» и «взаимное правовое признание». Доказывается неотъемлемость взаимного правового признания от самого понятия права.

На основе многочисленных исторических и современных источников классифицируются и анализируются различные способы (варианты) обоснования последнего: теологический, этический, иррационально-мистический, рациональный, естественно-научный, утилитарный, историко-социокультурный. Дается теоретическое объяснение связи между человеческим поведением, теорией рационального выбора, концепцией максимизации человеческого благосостояния и принципом взаимного правового признания. Обосновывается необходимость мыслить основные принципы права как иерархичную систему под управлением верховного принципа взаимного правового признания.

Ключевые слова: взаимное признание правосубъектности, возрожденное естественное право, коммуникативная философия права, максимизация благосостояния, принципы права, рациональный выбор

ANDREY V. POLYAKOV

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya embankment, St. Petersburg,
199034, Russian Federation
E-mail: polyakov2008@gmail.com
SPIN: 9899-2464
ORCID: 0000-0002-6078-3532

THE PRINCIPLE OF MUTUAL LEGAL RECOGNITION: RUSSIAN PHILOSOPHICAL AND LEGAL TRADITION AND COMMUNICATIVE APPROACH TO LAW

Abstract. Based on the postclassical analysis of the domestic legal tradition, associated primarily with the Russian phenomenon of the "revived natural law" of the late 19th — early 20th centuries, for the first time in Russian science, the meaning of the principle of mutual legal recognition (mutual recognition of legal personality) and the principles of equality, freedom, justice, dignity, responsibility, solidarity arising from it.

To substantiate his conclusions, the author uses a postclassical methodology, where law is treated not as a system of state-established norms, but as a system of communicative relations in which law is born from a combination of value-significant texts, their legitimation in the intersubjective consciousness of communicants and

subsequent interaction based on subjective rights and obligations. Such approach to law presupposes special attention to the problems of the motives of human behavior, for the explanation of which methodology of theory of rational choice and the concept of wealth maximization, developed within the framework of the Chicago School of Economic Analysis of Law, are used. These ideas are conceptually combined with the ideas of the domestic natural-legal tradition, which attempted to substantiate the justice of law in unity with morality and human rights.

The analysis focuses on the concepts of V.S. Soloviev and I.A. Ilyin. It has been established that, despite the difference in methodological approaches of these thinkers, their attitude to natural law is based on the ideology of mutual recognition. The ontology of relations between law and morality is revealed on the basis of the indicated supreme principle. The existential, axiological and praxeological meaning of the concepts of recognition, legal recognition and mutual legal recognition is revealed. It is proved that the concept of mutual legal recognition is inseparable from the concept of law.

On the basis of numerous historical and modern sources, various ways (options) of justifying the latter are classified and analyzed: theological, ethical, irrational-mystical, rational, natural-scientific, utilitarian, historical and sociocultural. A theoretical explanation of the relationship between human behavior, the theory of rational choice, the concept of human wealth maximization and the principle of mutual legal recognition is given. The necessity to think of the basic principles of law as a hierarchical system under the control of the supreme principle of mutual legal recognition is substantiated.

Keywords: mutual recognition of legal personality, revived natural law, communicative philosophy of law, wealth maximization principle, principles of law, rational choice

1. Введение

Научные представления относительно основных проблем, существующих как в теории, так и в философии права, необычайно многообразны. Этому можно найти много объяснений, но само наличие многообразия не случайно. Поэтому вряд ли стоит надеяться на то, что только один человек из великого множества философов и правоведов прав, утверждая свою позицию по какому-либо вопросу, а все остальные, с ним не согласные, заблуждались и заблуждаются. Если бы это было так, то свет найденной истины в философии права открыл бы глаза всем на те проблемы, над которыми веками бьются лучшие умы человечества. Но этого не происходит. Каждая теория находит свои аргументы и контраргументы. В конечном счете предпочтение той или иной теории отдается специалистами и читателями зачастую не целиком, а «по частям»; признаются не только и не столько сами выводы, сколько подходы к ним, не вся система аргументации,

а те или иные аргументы, которые «встраиваются» в собственную картину мира, опирающуюся на определенные ценности, эстетику и психологию восприятия действительности. «Перекраивают» мировосприятие каждого человека и те исторические события, которые он лично переживает сегодня и которые заставляют переосмыслить то, в чем был уверен вчера. Но даже такое гуманитарное знание, собранное «по частям», имеет свой смысл, если оно не только служит почвой для произрастания нового знания, но и указывает на некие ориентиры практического поведения, помогающего людям решать свои насущные проблемы.

Поэтому правоведам правильнее было бы не столько говорить об истинности своих суждений и их безальтернативности, сколько пытаться найти такие варианты ответов на возникающие фундаментальные вопросы, которые будут наиболее *оптимальными*, т.е. ценностно обоснованными, верифицируемыми, аргументированными здесь и сейчас с точки зрения максимизации нашего научного и общего благосостояния. И обращение к опыту тех, кто уже занимался решением этих или похожих проблем ранее, совершенно необходимо. Особый интерес здесь представляет отечественная философия права. Ее лучшие образцы должны вызывать наибольшее доверие, поскольку они созданы русскими учеными, но на основе диалога с мыслителями зарубежными, чьи идеи прошли определенный исторический отбор и сегодня включены в тот совокупный духовный опыт человечества, на который ориентируется подавляющее большинство людей, проживающих на земле.

Проблема осмысления равенства, свободы и справедливости права как раз относится к таким основным проблемам философии права, которые могут пролить свет и на решение других вопросов и которые имели и имеют свое специфическое истолкование в рамках российской традиции. Конечно, это означает, что сам перечень мыслителей, занимавшихся этой проблематикой, может быть весьма внушительным. Но в рамках журнальной статьи имеет смысл рассматривать эту проблематику не во всей ее возможной полноте, а исходя из значимости результатов, полученных ее исследователями. Особый интерес в этой связи вызывают фигуры В.С. Соловьева и И.А. Ильина. Для меня значение идей этих философов (в том числе, философов права) определяется в первую очередь тем, что они очень близко подошли к обоснованию (каждый на свой манер) того важнейшего правового принципа, который я называю принципом взаимного правового признания (принципом взаимного признания правосубъектности).

Опираясь на естественно-правовой принцип достоинства человеческой личности и взаимного признания, Соловьев и Ильин объясняли связь между справедливостью, свободой и равенством в единстве с такими, не менее важными правовыми и нравственными ценностями, как ответственность и солидарность, давая таким образом обоснование и тому, что сегодня называется правами и свободами человека и гражданина. Такой подход, основанный во многом на идеях классиков немецкой философской мысли, не являлся тогда и не является сейчас чем-то абсолютно новым для русской философии права¹. Но современная постклассическая правовая наука² помогает найти новые грани в его интерпретации и основания для включения не только в теорию, но и в практику правового регулирования. Соответственно в настоящей статье будет предпринята попытка связать воедино понятия свободы, равенства, справедливости, достоинства, ответственности и солидарности через принцип взаимного правового признания как имплицитной составляющей правовой коммуникации.

Для этого используется постклассическая феноменолого-коммуникативная методология, позволяющая рассматривать право не как систему установленных государством норм, а как систему коммуникативных отношений, в которых право рождается из интерпретации и легитимации (признания) ценностно значимых (общезначимых и общеобязательных) текстов в intersubъективном сознании коммуникантов и последующем их нормативном взаимодействии на основе субъективных прав и правовых обязанностей. Такой подход к праву предполагает особое внимание к рассмотрению проблематики мотивов человеческого поведения и оснований для целеполаганий. Пролить свет на это призвана теория рационального выбора и концепция

¹ Исходные идеи можно найти уже в творчестве А.П. Куницына (см., например: *Волкова С.В., Малышева Н.И., Поляков А.В., Юдина М.И.* А.П. Куницын и проблемы формирования российской идеи правовой справедливости // *Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология.* 2020. № 56. С. 99–106). В советской и постсоветской теории и философии права схожая проблематика разрабатывалась в трудах Е.Б. Пашуканиса, С.С. Алексеева, Л.С. Явича и В.С. Нерсесянца. Идеи этих замечательных правоведов являются составной частью задуманного синтеза, включающего наработки упоминаемых в тексте ученых.

² На постсоветском пространстве в этой парадигме работают Ю.Е. Пермяков, Н.В. Разуваев, И.Л. Честнов, И.Д. Невважай, Е.В. Тимошина, В.И. Павлов, С.И. Максимов, А.В. Стомба, Н.И. Сатохина, В.В. Архипов, И.И. Осветимская, В.В. Денисенко и многие другие. Особое значение имеет творчество «позднего» В.А. Четвернина, чей подход к праву по ряду ключевых параметров близок к коммуникативному правопониманию.

максимизации благосостояния, разработанные в рамках Чикагской школы экономического анализа права. Данные идеи концептуально соединяются с идеями, сформировавшимися в рамках отечественной правовой традиции, пытавшейся обосновать справедливость права в единстве с нравственностью и правами человека.

В свое время лидер московской школы «возрожденного естественного права» П.И. Новгородцев отмечал, что идея естественного права всегда имела «двойкий состав»: она покоилась на *практическом* требовании более совершенного права и на *теоретическом* наблюдении естественной необходимости известных правоположений. «Эти два элемента, — отмечал правовед, — могли поддерживать друг друга, но не могли быть сведены один к другому: в первом случае естественное право ставится над положительным, во втором оно является лишь известной частью положительного»³.

Есть все основания рассматривать принцип взаимного признания, с одной стороны, и как правовой, и как нравственный идеал. В этом качестве он предстает аналогом естественно-правового идеала как ответ на практические запросы совершенствования правопорядков. С другой стороны, тот же принцип взаимного признания, взятый в его теоретическом осмыслении, позволяет определить его как трансцендентальное условие любого правопорядка и позволяет обнаружить себя (с той или иной степенью осознания и институционализации) в рамках любых исторически известных правовых систем (правопорядков) как коммуникативных моделей поведения. И в этом своем качестве он выступает аналогом позитивного естественного права. Обоснование этого тезиса является одной из задач настоящей статьи.

2. Основной принцип нравственности и основной принцип права по учению В.С. Соловьева

В.С. Соловьев (1853–1900) является особо значимой фигурой в истории русской философско-правовой мысли. Его идеи находились в центре внимания представителей русского религиозного ренессанса рубежа XIX–XX в. и во многом формировали представления о возрождаемой в России философии естественного права⁴. Мысли-

³ Новгородцев П.И. Право естественное // Энциклопедический словарь. Т. XXIV-а. СПб., 1898. С. 885.

⁴ См.: Поляков А.В. «Возрожденное естественное право» в России (критический анализ основных концепций): Дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1987.

тель интересен в том числе тем, что показал возможность трактовки принципа взаимного признания и как основного и высшего принципа нравственности (морали), но также и как основного и высшего принципа права. Право, права человека и нравственность оказываются у философа связанными воедино благодаря принципу взаимного признания, но при этом и право, и нравственность получают известную автономию и не зависят, по Соловьеву, всецело от религии (так же как от гносеологии и метафизики). Не религия оправдывает право и нравственность, а право и нравственность, если они опираются на общий для них нравственный принцип (фактически — принцип взаимного правового признания), оправдывают религию (если и она этот принцип выражает)⁵. Такой подход, как представляется, имеет принципиальное значение и для современных философско-правовых построений, позволяя не выводить право из религии, а «подключать» религию к праву, если для этого будут найдены достаточные основания.

Данный комплекс идей нашел наиболее четкое изложение в поздней работе мыслителя «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897). Человек в этой работе рассматривается Соловьевым как существо, имеющее основной признак, отличающий его от всех других живых существ и делающий собственно человеком. Этот признак состоит в том, что каждый человек есть «нравственное существо» и как таковой обладает «безусловным» достоинством и «безусловным правом» на «существование и на свободное развитие своих положительных сил»⁶. Право, о котором говорит мыслитель, несомненно следует понимать как такую конструкцию, которая на современном языке трактуется как права человека. Уже в трактовке В.С. Соловьева их не-

⁵ «...Когда нам указывают на религию как на нормальную нравственную основу общества, то нужно еще посмотреть, имеет ли сама эта религия нравственный характер, согласна ли она с нравственным началом; и значит, последним основанием и критерием остается это начало, а не религия как такая» (Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 348).

⁶ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 345. Идеи Соловьева, по мнению Е.А. Прибытковой, способствует более глубокому пониманию правового концепта человеческого достоинства «в двух взаимосвязанных аспектах: (1) в правовой сфере человеческое достоинство должно быть выражено в форме гарантированного правового притязания на достойное существование; и (2) человеческое достоинство является более релевантным критерием для справедливого распределения благ и зол в обществе, чем формальное равенство в свободе...» (Прибыткова Е.А. Человеческое достоинство и справедливость у И. Канта, Вл. Соловьева и Дж. Ролза // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011. С. 205).

обходимо рассматривать как права неотъемлемые, необходимо связанные с самим представлением о человеческой личности. Они вытекают из присущего человеку и неотъемлемого от него человеческого достоинства⁷, на «формальной бесконечности разума во всяком человеке», на том, что «каждое лицо есть нечто особенное и незаменимое». Поэтому «права общества на лицо... обусловлены признанием личного права». «...Общество может обвязывать лицо к чему бы то ни было лишь через акт его собственной воли, иначе это будет не обязательством лица, а лишь употреблением вещи»⁸. Из этого универсального «нравственного принципа» (лицо есть самоцель) Соловьев логически выводит все остальные права, включая «право каждого дееспособного лица свободно менять подданство, равно как и вероисповедание»⁹.

Как известно, стыд, жалость и благоговение рассматривались Соловьевым как основания нравственности¹⁰. Однако именно с жало-

⁷ Е.А. Прибыткова подчеркивает связь «морального» и «правового» в учении Соловьева и отсылает к аналогичным выводам, сделанным в современной зарубежной философии права. «Из приоритетного морального принципа уважения неотчуждаемого достоинства личности вытекает право требовать его практического воплощения в правовом порядке общества. Таким образом, человеческое достоинство выступает основанием правомочия, которому корреспондируют обязанности других субъектов... Следуя аргументации И. Канта, американский философ А. Гевирт утверждает, что человеческое достоинство является “антецедентом, легитимирующим базисом или основой прав человека”... В этом же ключе американский философ Дж. Файнберг высказывает суждение о том, что человеческое достоинство есть не что иное, как “признанная способность к правовым притязаниям”: “уважать личность или относиться к ней как к обладающей человеческим достоинством просто означает относиться к ней как к потенциальному субъекту притязания”» (Прибыткова Е.А. Указ. соч. С. 198).

⁸ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 345–346.

⁹ Там же. С. 346. На этом примере видно, как мыслитель, провозгласив высший принцип нравственности, в то же время фактически рассматривает его и как высший принцип права, выводя из него дедуктивно иные права человека, логически и ценностно подчиненные высшему принципу права.

¹⁰ Ср.: «В чувстве стыда человек впервые познал инаковость своего я. Это чувство открыло человеку новую перспективу развития. С чувствами стыда и совести человеку открылась новая сфера бытия — сфера «должного». Ведь «должное» несет в себе инаковость человека. «Должное», в отличие от сущего, стремится быть иным. Даже если сфера «должного» является лишь мечтой или идеей, человек все равно располагает всеми реальными инструментами для осуществления этой идеи — чувствами стыда и совести, являющимися, согласно Соловьеву, нравственными предпосылками дальнейшего развития как человека, так и человечества» (Буллер А. Понятие «совести» в нравственной философии Владимира Соловьева // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. С. 176).

стью связывал мыслитель генезис представлений о справедливости. При этом жалость философ понимал не как снисходительное сострадание, сопровождаемое чувством дискомфорта, а скорее как эмпатию, как внутреннюю солидарность с другими, влекущую за собой альтруизм. Эта трактовка, развернутая в своем логическом смысле, и оказывается воплощением того, что я обозначил выше как принцип взаимного правового признания.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вдуматься в следующие строки, где Соловьев, в частности, пишет: «Истинная сущность жалости не есть простое отождествление себя и другого, а признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения — права на существование и наибольшее благополучие. Эта идея жалости... взятая логически, а не психологически... есть правда и справедливость: правда, что и другие существа однородны и подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним, как к себе»¹¹. В этом пассаже жалость не просто связывается с признанием другого, но с признанием его прав, в первую очередь права на существование и права на наибольшее благополучие. Право на благополучное существование может основываться только на признании достоинства человека, а право на наибольшее благополучие есть не что иное, как право на максимизацию своего благосостояния¹². И то, и другое невозможно без взаимного признания (отношения к другому как к себе, воспринятое каждым).

Мыслитель отвергает эгоизм как неправду, поскольку «единичное я вовсе не имеет в самом деле того исключительного и центрального значения, которое оно себе усваивает в эгоизме»¹³. Человеческое я должно получить, следуя этой логике, то, что можно назвать *включительным* значением, т.е. само я становится возможным в своем человеческом качестве лишь через признание этим я *других* (включая правовые и нравственные обязанности по отношению к ним) и ответного признания со стороны этих *других*.

Соловьев формулирует два правила — правило справедливости: никого не обижать и правило милосердия (альтруизма): всем помо-

¹¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 54.

¹² Эту концепцию я буду связывать с теорией максимизации благосостояния Р. Познера (см., например: *Дорохин В.С.* Ричард Познер и его теория максимизации благосостояния // Правоведение. 2017. № 3. С. 28–45; *Дорохин В.С., Поляков А.В.* О некоторых идейных источниках теории максимизации богатства Ричарда Познера: Адам Смит и Иеремия Бентам // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 4. С. 683–696).

¹³ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 54.

гать. При этом философ подчеркивает, что было бы ошибкой «разобщать» и «противопоставлять» справедливость и милосердие, которые есть лишь разные стороны одного нравственного чувства — жалости. Нравственное начало в форме справедливости требует, по мысли философа, «не материального, или качественного, равенства всех субъектов... а лишь того, чтобы при всех необходимых и желательных различиях, сохранялось нечто безусловное и единое для всех — значение каждого как самоцели, т.е. того, что не может быть сделано лишь средством для чужих целей»¹⁴. Эти слова можно прокомментировать с позиций коммуникативного подхода следующим образом. Люди равны не только в своей правосубъектности, но и как нравственные (моральные) личности. Отношение к другому человеку как к цели, с одной стороны, вызывает *нравственные обязанности*, в том числе обязанность всячески *содействовать реализации* собственных интересов другого (принцип милосердия — «всем помогать»). Это, прежде всего, некая *направленность* на нравственное содействие интересам другого. Но, с другой стороны, тот же принцип отношения к другому как к цели, вызывает и *правовые обязанности* — *воздерживаться от действий*, посягающих на само существование человека и его экзистенциальных интересов (принцип справедливости — «никого не обижать»). Если нравственные обязанности относятся целиком к внутренним установкам личности, исполнение которых нельзя потребовать на основании нарушения чьего-либо права, то правовые обязанности коррелируют правам других лиц и их нарушение неисполнением обязанности всегда будет связано с требованием (реальным или потенциальным, личным или институциональным) восстановления нарушенного права и возмещения в той или иной мере причиненного такими действиями вреда («обиды»).

Использование Соловьевым терминов «право» и «обязанность» также нуждается в комментариях. Мыслитель использует понятие «нравственное право» и понятие «право как таковое» или право «в собственном, или тесном, смысле»¹⁵. Праву «в собственном смысле» нравственный характер «не принадлежит как его прямое и ближайшее определение»¹⁶. Такое «юридическое» право имеет форму «принудительного закона»¹⁷. Но у Соловьева фактически присутствует еще и понятие «естественное право» (аналог «моральных прав» в современной

¹⁴ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 447, 448.

¹⁶ Там же. С. 447.

¹⁷ Там же. С. 450.

западной философии права), не совпадающее по смыслу с понятием «нравственное право». Соловьев приводит такие примеры, поясняющие суть последнего: «Я сознаю свою обязанность воздерживаться от всего постыдного, или, что то же, признаю за человеческим достоинством (в моем лице) право на мое уважение; я обязан по мере сил помогать своим ближним и служить общему благу, т.е. мои ближние и целое общество имеют право на мою помощь и службу; наконец, я обязан согласовать свою волю с тем, что считаю безусловно-высшим, или, другими словами, это безусловно-высшее имеет право на религиозное отношение с моей стороны...»¹⁸. Наиболее выразительный пример — любовь к врагам. «Что может быть дальше... от всего юридического, как любовь к врагам? — вопрошает мыслитель. — И, однако, если высший нравственный закон обязывает меня любить врагов, то ясно, что мои враги имеют право на мою любовь. Если я им отказываю в любви, то я поступаю несправедливо, нарушаю правду»¹⁹.

Во всех этих примерах слово «право» используется не в качестве того, что именуется в теории права правом субъективным, а в качестве аналога нормы, выражающей требования нравственного закона. Нравственной обязанности не коррелируют никакие права, которые имеют свой смысл, не сводимый к обязанности. Таким специфическим смыслом субъективного права является его притязательный характер, исходящий от самого носителя субъективного права. Он может требовать от носителя правовой обязанности ее исполнения, и это требование легитимируется (оправдывается и признается другими) не только рациональными аргументами, но и институциональными механизмами (включая государство или надгосударственные образования).

Иначе обстоит дело с «объектным» пониманием права. Действительно, в каком смысле враги могут иметь право на любовь со стороны лица, считающего для себя обязательным исполнять эту нравственную обязанность? Очевидно, что точно в таком же, в каком нищий, сидящий на паперти, имеет право на получение милостыни от прохожих. Это право означает лишь то, что такая милостыня, как и любовь, не противоречит соответствующей норме нравственности и просящий может ее принять и распорядиться по своему усмотрению. Такое нравственное «право» лишено «субъектности».

Человеческое достоинство как раз и определяется тем, что человек может самостоятельно притязать на то, что соответствует его ком-

¹⁸ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 446.

¹⁹ Там же. С. 447.

муникативной природе, т.е. выступать носителем субъективных прав. Об этом пишет и сам Соловьев, именуя основной принцип нравственности (фактически, принцип взаимного правового признания) принципом права: «Принцип права может рассматриваться отвлеченно; и тогда он есть лишь прямое выражение справедливости: я утверждаю мою свободу как право, поскольку признаю свободу других как право. Но в понятии права непременно заключается... элемент объективный или требование реализации: необходимо, чтобы право имело силу всегда осуществляться, т.е. чтобы свобода других, независимо от моего субъективного ее признания... всегда могла на деле ограничивать мою свободу в равных пределах со всеми. Это требование справедливости принудительной привносится из идеи общего блага или общественного интереса, или — что то же — интереса реализации добра, для чего непременно нужно, чтобы справедливость была действительным фактом, а не идеей только... Таким образом право естественное становится правом положительным...»²⁰. Изложенное понимание права Соловьевым (вполне в духе возникшего позже «возрожденного естественного права») облегчало его задачу сближения права и нравственности, но даже при ограничительном толковании права в рамках коммуникативного подхода принцип взаимного правового признания (основной принцип нравственности по Соловьеву²¹) является связующим звеном для права и нравственности (морали). Основанием для этого в учении русского мыслителя выступают идеи, связанные с концепцией категорического императива И. Канта.

Характеризуя этическую философию знаменитого немецкого мыслителя, Соловьев в одной из своей поздних статей, написанных уже в конце его жизни, в частности, констатирует следующее: «Его выведение и троякое определение категорического императива дали этике основание, равное по достоверности аксиомам чистой математики»²². Через несколько страниц он не просто повторяет эту мысль, но и пишет о «безукоризненной» и «окончательной» формуле нравственного принципа, созданного Кантом²³.

²⁰ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 452–453.

²¹ Признание наличия коммуникативных оснований морали в философии В.С. Соловьева можно найти, например, у Р.Г. Апресяна (см.: Апресян Р.Г. Коммуникативный источник морального долженствования // Этическая мысль. Вып. 11. М., 2011. С. 12).

²² Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 473–474.

²³ Там же. С. 478. Первоначально опубликовано: Соловьев В. Кант // Энциклопедический словарь. Т. XIV. СПб., 1895. С. 335, 337.

Именно в этой связи Соловьев пришел к закономерному выводу, согласно которому никакие общественные учреждения, включая государство, не имеют «верховного», «решающего» значения «сами по себе». Безусловное значение имеет лишь «лицо», т.е. человек. Именно этот принцип достоинства человеческой личности, которое должны признавать все и в отношении всех, Соловьев и считает «нравственной нормой общественности». Обоснованию этого положения посвящена, в частности, глава тринадцатая его фундаментального исследования «Оправдание добра»²⁴. Сюда Соловьев включил следующие знаменательные строки, подтверждающие, что в основе его этики и права лежит один основной принцип, который вполне может быть истолкован как принцип взаимного признания, хотя именно так Соловьев его и не называет. «Религия, семья, собственность, — пишет наш философ, — сами по себе, то есть одним фактическим своим существованием, не могут быть, как мы знаем, нормальными нравственными основами общества, и задача не в том, чтобы поддерживать эти учреждения во что бы то ни стало в их *statu quo*, а в том, чтобы сделать их сообразными с единственной нравственной нормой, чтобы всецело прониклись они единым истинным началом. Это начало по существу своему универсально, одно для всех»²⁵. Далее и само это начало еще раз конкретизируется: «...нравственный принцип, безусловно, требует, чтобы мы во всех и каждом уважали человеческое достоинство, на всех и каждого смотрели как на цель, а не как на средство только»²⁶.

Из этого принципа, полагал философ, вытекает и прямая обязанность (правовая по сути) любого общества — обеспечить «всем и каждому некоторый *minimum* благосостояния, именно то, что необходимо для поддержания достойного человеческого существования»²⁷. Решение этого вопроса Соловьев отводил экономической политике, напрямую связывая нравственность, право и экономику. Отметим, что, признавая обязанность общества поддерживать минимум благосостояния каждого своего члена, мыслитель тем самым признавал и возможность цели максимизации благосостояния, если эта максимизация соответствует достоинству человека.

²⁴ См.: Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. С. 341–357.

²⁵ Там же. С. 354.

²⁶ Там же. С. 356. Кантовская максима, в соответствии с которой человек является целью, а не средством только, есть иная формулировка того же принципа взаимного признания.

²⁷ Там же.

Философ признает человека высшей ценностью в соотношении с государством и обществом (ведь и сама человеческая личность есть, по Соловьеву, «сжатое, или сосредоточенное, общество» и наоборот, общество есть «расширенная личность»²⁸). «Принцип безусловного права человеческой личности, — пишет мыслитель, — ни от кого и ни от чего не зависит, но лишь в зависимости от него общества и учреждения получают нравственный характер»²⁹. Более того, самого добра нет там, «где нет его носительницы — свободной личности»³⁰. Таковы вкратце некоторые идеи В.С. Соловьева, позволяющие понять его вклад в развитие российского концепта взаимного правового признания.

3. Принцип взаимного духовного признания как основной принцип права по учению И.А. Ильина

Мне представляется важным подчеркнуть связь коммуникативно-правовой модели интерпретации данного принципа, представленного в настоящей статье, также и с философией права одного из наиболее известных учеников П.И. Новгородцева — И.А. Ильина (1883–1954)³¹, тем более что истоки философствования Ильина имеют не кантианскую, а скорее феноменолого-гегельянскую «окраску». Но недаром существует пословица «все дороги ведут в Рим». Поэтому какими бы ни были исходные методологические идеи того или ино-

²⁸ См.: *Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия. С. 286. Представляется, что и идея всеединства, развиваемая В.С. Соловьевым, является, прежде всего, нравственной идеей, которая реализуется также и через право, но не принадлежит к существу права как таковому. Ведь характеризуя право как «определенный минимум нравственности» (*Соловьев В.С.* Оправдание добра: Нравственная философия С. 448), мыслитель и видел этот минимум в реализации того, что я называю принципом взаимного правового признания (взаимного признания прав и свобод человека), но не в реализации нравственного принципа взаимного признания, идеалом которого является совершенная любовь в рамках человечества.

²⁹ Там же. С. 349.

³⁰ Там же.

³¹ Лишь ограниченный объем статьи не позволяет включить в обзор в полном объеме релевантные идеи Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Н.Н. Алексева, С.Л. Франка, Б.А. Кистяковского, да и многих других представителей российской школы «возрожденного естественного права». Но их интенция может быть передана мыслью П.И. Новгородцева: «...Обязанность взаимного признания не может быть ограничена никакими пределами и различиями» (*Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 111).

го философского подхода к праву, если они служат поиску наилучшего результата, то этот результат оказывается связан с обсуждаемым принципом. Творчество И.А. Ильина является хорошим подтверждением данного тезиса.

Принцип взаимного правового признания был положен в основу теории правосознания этого мыслителя. Так, взаимное духовное признание рассматривается философом и правоведом как третья аксиома правосознания. Ильин не без оснований полагает, что как раз осознание собственных прав и обязанностей уже свидетельствует о духовной природе человека. А это означает наличие в человеке «безусловного» достоинства и способности к автономному самоопределению³². Поэтому, по Ильину, любое правоотношение покоится на *взаимном духовном признании людей*, которое понимается философом в коммуникативном духе: «Кто говорит о своем полномочии, тот подразумевает соответствующую ему обязанность другого, но признать за кем-нибудь правовую обязанность — значит утвердить его правоспособность, т.е. признать его *духовную природу*. И точно так же, кто говорит о своей обязанности, тот признает соответствующие ей полномочия другого; а это значит утвердить его правоспособность, т.е. его *духовную сущность*»³³.

В основе всякого правоотношения лежит, по Ильину, тройкое признание, дважды осуществленное. «Во-первых, каждый из субъектов, вступая в правоотношение, признает *право* как основу отношения, как форму жизни, как объективно значащую идею... Во-вторых, каждый из субъектов признает свою *духовность*, т.е. *свое достоинство и свою* автономию как правотворящую силу... В-третьих, каждый из субъектов признает *духовность другого субъекта*, т.е. *его* достоинство и *его* автономию как силу, способную к правотворчеству»³⁴. Стоит отметить, что Ильин отнюдь не полагал, что все эти акты признания всегда и во всем объеме фактически присутствуют в правоотношениях, т.е. имеют индивидуальную психическую природу. Он придавал им значение, близкое к понятию правовой презумпции и одновременно принципа права. Именно поэтому «акты признания, не требуются *формально*; и в *действительности* они могут отсутствовать; они как бы молчаливо предполагаются, но именно это молчаливое предположение содействует забвению о них, их утрате, их жизненному бес-

³² См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 363.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 364.

силию и вырождению. Однако в строении правосознания все эти акты не только необходимы, но составляют самую глубокую сущность правоотношения»³⁵.

Понимание правовых норм и согласие подчиняться им предполагает в живом существе, по мысли правоведа, не только наличие духовной силы вообще, но и значительную умственную и духовную зрелость. Именно поэтому «*в основе всякого нормального правоотношения лежит взаимное духовное признание...* Поэтому *правопорядок* должен рассматриваться как *система взаимного духовного признания*»³⁶. Такое признание осуществляется, по мысли Ильина, не только через право. Оно лежит в основании всего духовного общения людей, всякого религиозного общения, «возможного только между людьми, способными к молитве и ищущими подлинного благовосприятия»³⁷.

Но правовое общение, убежден Ильин, есть именно духовное общение; поэтому оно является *разновидностью* такого признания. В этом мыслитель видел глубочайший смысл всякого правового и политического единения. Ведь такое понимание права и государства вновь обнаруживает «духовное братство всех людей». Более того, Ильин убежден, что оно подтверждает также отсутствие принципиального расхождения между *правопорядком* и евангельским учением о любви, ибо «отношение “в праве” и отношение “в любви” являются одинаково разновидностью духовного признания»³⁸. Таким образом,

³⁵ См.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 364

³⁶ Там же. С. 365.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 365. С.Л. Франк также сближал любовь и взаимное признание. Он полагал, что речь здесь идет «об основоположном общем явлении, управляющем всей человеческой жизнью: ибо некоторым образом и в какой-то мере усмотрение и признание “ты” как равноценной мне и по характеру своего бытия мне однородной реальности образует основу всей человеческой жизни как непосредственного самобытия. Любовь в этом ее существе обнаруживается не только в эротической или супружеской любви, в материнской любви, в любви к родителям, братьям и сестрам, в истинной интимной дружбе, но и во всяком вообще отношении к “ты” как однородной мне подлинной реальности, — во всяком отношении к “ты” как к “ближнему”. Всякое “сочувствие” — сострадание и сорадование, — как бы поверхностно и мимолетно оно ни было, и даже простая улыбка приветия — в конечном счете даже простая “вежливость”, поскольку она не есть внешняя, заученная манера, а истекает из непосредственного “уважения” к человеческой личности, — есть проявление любви в... метафизической ее сущности» (*Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 376–377).

и у Ильина мы находим такое же двойственное назначение принципа взаимного признания, какое имело место и у В.С. Соловьева, — право и нравственность находят свое обоснование в этом принципе.

4. Понятие взаимного правового признания в современной философии права

Рассмотренные выше выводы русских философов-правоведов дают основания считать, что идея взаимного признания, не будучи формализована лингвистически, концептуально не просто находила в России своеобразное выражение, но являлась центральной для либерально-консервативной правовой философии. Ее даже можно считать квинтэссенцией «возрожденного» естественного права и важнейшей составной частью философско-правовой традиции российского юснатурализма. Но истоки этой традиции все же следует искать не в России. Предпосылки для подобного, по сути коммуникативного, понимания права можно найти уже в философии Аристотеля и Г. Гроция. Значительный вклад в ее развитие сделали немецкие мыслители И. Кант, И.Г. Фихте и особенно Г.Ф.В. Гегель. В современной западной социальной философии и философии права данную проблематику в самых разнообразных контекстах успешно разрабатывали и разрабатывают М. Вебер, М. Бубер, А. Кожев, Г. Мид, Э. Левинас, Ж.-П. Сартр, Л. Фуллер, Дж. Ролз, П. Рикёр, Р. Дворкин, Ч. Тейлор, Ю. Хабермас, А. Хоннет, О. Хёффе, Р. Познер, Ф. Фукуяма и др. Растет и число аналитических исследований сделанных работ³⁹. Тем не менее я буду отталкиваться, прежде всего, от идей

³⁹ См., например: *Sigwart H.-Y. Axel Honneth, Kampf um Anerkennung (1992) // Geschishte des politischen Denkens. Das 20 Jahrhundert / Herausgeg. von M. Brouck. Berlin, 2018. P. 789–804; Ван ден Бринк Б. Парадигма признания в современной философии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 5–15; Заковоротная М.В. Стратегии социального и культурного признания в эпоху постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 6. С. 27–35; Исаков А.Н. Человек как признание Другого: проблема intersубъективности в философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/isakov/chelovek-kak-priznanie-drugogo-problema-intersubektivnosti-v-filosofskoy-antropologii> (дата обращения: 14.08.2021); Кожуховский П.С. Признание и культурная деформация личности в философии Нэнси Фрейзер // Философская мысль. 2017. № 11. С. 77–82. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.11.21107; Кожуховский П.С. Концепция трех измерений Акселя Хоннета // Философская мысль. 2016. № 2. С. 91–104. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17717; Лехциер В.Л. Вступление в разговор: заметки о коммуникативном признании // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 37–44; Михайлов И.А. «Борьба за признание». Идея*

собственной коммуникативной концепции права и пытаться обосновывать необходимость выделения самостоятельной разновидности взаимного признания — взаимного правового признания (наряду с взаимным нравственным признанием), а также самостоятельное значение *принципа* взаимного правового признания. Для этого необходимо обратиться еще раз к основным понятиям, на которых будет строиться аргументация.

Понятие признания. Взаимное признание и коммуникация. Человеческая жизнь и деятельность в целом протекает в двух формах, двух аспектах, двух ипостасях: *познание* себя и окружающего мира и *отношение* к себе и к окружающему миру. Знание (познание) определенных фактов окружающего мира может быть связано с их признанием через определенные языковые игры. Можно, например, спросить другого человека: ты признаешь, что $2 \times 2 = 4$? И получить ответ, подтверждающий признание этого факта. В подобном утверждении уже в слабой форме содержится отношение к этому факту как к достоверному, что является ценностным отношением (см. проблему перлокутивного акта в теории речевых актов⁴⁰), подтверждающим признание.

признания в социально-критической теории А. Хоннета // Западная философия конца XX — начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Отв. ред. И.И. Блауберг. М., 2012. С. 64—102; *Слыщенков В.А.* Право и нравственность: различия понятий. М., 2020; *Смирнова Т.В.* Концепция признания в свете христианской антропологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 30—38; *Татарникова Ю.М.* Теория признания в соотношении морали и права в немецком идеализме: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2009; *Тетеркин А.* Анализ нормативной грамматики социальной жизни в теории борьбы за признание // Топос. 2009. № 1 (21). С. 60—76; *Тухиян В.А.* Проблема признания в политической философии Ч. Тэйлора // Вестник РУДН. Серия Философия. 2016. № 4. С. 161—163; *Феррони В.В.* Признание как путь к Другому (концепт признания и фигура Другого в философии П. Рикера) // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 76—89; *Фурс В.Н.* Борьба за признание и моральный прогресс общества в концепции А. Хоннета // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 159—171; *Фурс В.Н.* Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс, 2006; *Фурс В.Н.* Феменистки-социалистическая критическая теория позднего капитализма Н. Фрейзер // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 89—226; *Циплакова Ю.В.* Установка признания как ответ на вызов индивидуализма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 18—29; *Шавеко Н.А.* Категорические правовые принципы в эпоху постмодерна. Интервью с профессором Отфридом Хёффе // Кантовский сборник. 2018. Т. 37. № 1. С. 62—73. DOI: 10.5922/0207-6918-2018-1-4.

⁴⁰ См., например: *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22—130.

Отношение к себе и к окружающему социальному миру уже непосредственно выводит на проблему признания. Ведь такое отношение может быть либо позитивным, либо негативным. Таким образом, *признание*, в самом общем виде, представляет собой *позитивное ценностное отношение субъекта к явлениям внутреннего и внешнего мира*.

Согласно П. Рикеру, термин «признание» получает свой смысл в зависимости от того, применяют ли его к предметам, к себе или к взаимному отношению людей. «Признание предметов есть их *идентификация* в суждении и памяти; признание себя есть *удостоверение* того, что мы являемся субъектами собственных опытов, слов и деяний; наконец, взаимное признание связывает это удостоверение с *одобрением другими*»⁴¹. Взаимное признание основано на долженствовании, требует соответствующих коррелятивных действий от признающих субъектов, и само взаимодействие является подтверждением взаимности признания. Взаимность в отношениях между людьми, как и феномен признания, являются следствием *коммуникативной природы человека*.

Если рассматривать социальную коммуникацию не просто как передачу информации от одного субъекта к другому, а как такой обмен информацией, который нацелен на взаимодействие, то подобное понимание коммуникации (межличностного общения) позволяет раскрыть понятия обмена, взаимности и признания. Сама передача в этом случае осмысленной информации от человека к человеку представляет собой обмен сообщениями. Это означает, что в ответ на переданное сообщение адресант ожидает ответное сообщение (ответную реакцию). Даже если информация имеет не прескриптивный (нормативный), а дескриптивный (описательный) смысл, например, сообщение о погоде на сегодня, адресованное конкретному лицу, то ответное сообщение адресата должно подтвердить получение и правильное понимание переданной информации. Таким образом, все коммуникации между людьми представляют собой обменные операции на основе взаимности. Взаимность, как и обмен, «встроена» в саму структуру коммуникации⁴². Но также в структуру межчеловеческой коммуникации

⁴¹ Вдовина И.С. Признание — категория духовная // Рикер П. Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М., 2010. С. 253.

⁴² Как пишет Р.Г. Апресян, взаимность выступает «социально-коммуникативным механизмом, обеспечивающим удовлетворение потребностей и интересов одного социально-коммуникативного агента при условии прямого или косвенного содействия другого/других» (Апресян Р.Г. Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 76).

имплицитно «встроено» и взаимное признание. Дело в том, что человеческое текстуальное (языковое, знаково-символическое) общение (межличностная коммуникация) является тем необходимым и самодостаточным «инструментом», при помощи которого можно убедиться в том, что субъекты коммуникации (общения) способны друг друга понимать и тем самым демонстрировать свою общую природу. Признание и означает в этой ситуации понимание другого как “alterego” и перенесение ценности собственной личности на ценность личности другого (осознание равноценности)⁴³. Поэтому понимание всегда присутствует в признании как его основа, а взаимное признание является первоначальным актом сугубо человеческой коммуникации⁴⁴.

Но от взаимного признания как интеллектуально-эмоционального (духовного) и психологического акта (о чем пойдет речь ниже) следует отличать индивидуальное признание как акт сугубо интеллектуальный (признание по расчету) и взаимное признание как нравственный и правовой принцип. В последнем случае идейные составляющие данного принципа не только представлены доктринально (на фило-

⁴³ А. Хоннет утверждал в этой связи, что мы в рамках социальной интеракции обычно сначала воспринимаем в другом «ценностные качества интеллигибельной личности, и только лишь когнитивная идентификация человека представляет собой особый случай нейтрализации первоначального признания. Приоритету признания в нашей социальной жизненной форме соответствует особая значимость тех жестов и выражений лица, которыми мы всегда демонстрируем друг другу мотивационную готовность ориентировать наше поведение на моральный авторитет другого» (*Хоннет А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. 2009. Вып. 1 (29). С. 90*).

⁴⁴ О связи человеческой коммуникации с естественным правом, основным принципом «человеческих устремлений» и принципом взаимного признания выразительно пишет в своей полемике с Г.Л.А. Хартом американский философ права Л. Фуллер. Коммуникацию он понимает не просто как условие появления и выживания человечества, но и как важнейшую предпосылку его дальнейшего развития. «Если в будущем человеку удастся выжить, преодолев собственные способности к саморазрушению, это произойдет благодаря тому, что он может общаться и достигать взаимопонимания с себе подобными... Коммуникация есть нечто большее, чем способ оставаться в живых. Это способ быть живым... Если бы меня спросили о том, как распознать центральный и неоспоримый принцип того, что можно назвать материальным естественным правом — Естественным Правом с большой буквы — я бы нашел его в указании: устанавливать, поддерживать и охранять целостность каналов коммуникации, посредством которых люди передают друг другу то, что они воспринимают, ощущают и желают» (*Фуллер Л.Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М., 2007. С. 220—221*). Если рассмотреть поближе «неоспоримый принцип» Фуллера, то совершенно понятно, что за его «спиной» стоит все тот же принцип взаимного правового признания, без которого никакая коммуникация невозможна.

софском и теоретическом уровне), но находят свое отражение в социальных институтах, в том числе в общественной нравственности и существующем правопорядке, несмотря на отдельные факты, демонстрирующие нарушения данного принципа, его «усеченное» понимание или даже его временную недееспособность в рамках каких-либо социальных отношений⁴⁵.

Коммуникативный подход к пониманию признания не является единственно возможным, иные варианты уже были частично рассмотрены в рамках настоящей статьи и будут еще рассмотрены в ходе дальнейшего изложения. Само их наличие говорит о значимости этой проблематики. Однако, несмотря на серьезную философскую и научную ее проработку, даже само понятие признания продолжает ставить в тупик некоторых исследователей. Один из авторов, например, пишет о том, что «понятие признания отличается удручающей неопределенностью, которая, кажется, должна была бы поставить под вопрос саму его эпистемологическую оправданность, эвристичность»⁴⁶. Исследователь обращает внимание на то, что если всякое человеческое сосуществование являет собой некое признание, то «границы применимости данного понятия, очевидно, совпадают с границами человеческого (гуманного) как такового: за исключением зверских преступлений (бесконтрольного истребления “без суда и следствия”) оно оказывается применимо... всегда, когда речь идет о человеческих взаимоотношениях»⁴⁷.

И в такой оценке есть своя «правда». Эта правда как раз и заключается в том, что границы человеческого (гуманного), как это было хорошо прояснено уже В.С. Соловьевым и его последователями, определяются как раз наличием или отсутствием взаимного призна-

⁴⁵ Принцип взаимного признания не выдумывается теоретиками, а открывается из наблюдений, из опыта человеческого общения, из анализа исторических источников, из данных современных наук. В этом смысле он похож на естественные законы, которые также проявляют себя и открываются человеческому сознанию постепенно. Но это не отменяет их неуклонного действия, которое можно использовать себе на пользу, а можно пытаться им сопротивляться себе во вред. Представляется, что непонимание значения данного принципа для представлений об истоках права и морали является одной из проблем теории максимизации благосостояния Р. Познера, который ссылается на моральные интуиции, но не видит их генезиса и онтологии, не признает их рационального смысла и экзистенциальное значение (см., например: *Познер Р.А. Утилитаризм, экономика и теория права*. С. 55, 67, 77, 79).

⁴⁶ См.: *Щитцова Т.С.* За границами признания: к хоннетовской актуализации Гегеля // *Топос*. 2009. № 1. С. 34.

⁴⁷ Там же.

ния. Интересно и точно писал об этом М. Бубер, несмотря на то, что взаимное признание лишь имплицитно присутствует в его диалогике, весьма близкой к коммуникативному подходу⁴⁸. Он, в частности, утверждал, что фундаментальным фактом человеческого существования является не отдельный человек, взятый сам по себе, а такое его бытие, которое можно обозначить как «человек с человеком». Мир людей характеризуется тем, «что возникает здесь между существом и существом, подобного чему нигде в природе не найти. Язык для него только знак и коммуникативное средство, вся духовная работа пробуждена через это. Оно делает человека человеком... Оно коренится в том, что существо имеет в виду другое как другое, как это определенное другое существо, чтобы коммуницировать с ним в общей для обоих, но выходящей за собственные области обоих сфере»⁴⁹.

Помимо Другого для коммуникации и взаимного признания необходимо также существование самосознания человека в виде «Я» (самоидентификация, идентичность). Сложность структуры самосознания включает в себя также осознание своей конечности и не самодостаточности. Только в этом случае возможно адекватное понимание и Другого и взаимопонимание с ним.

Очевидно есть необходимость в определении своеобразного «пограничного» минимума реализации взаимного признания для того, чтобы можно было вообще говорить о человеческих отношениях, и лишь затем обсуждать его максимизацию через различные формы⁵⁰. Таким минимальным уровнем реализации взаимного признания

⁴⁸ Ср.: «В диалоге происходит утверждение чужого Я, а следовательно, и утверждение собственного Я. Утвердить чужое Я не как объект, а как другой субъект — это принцип, лежащий в основе диалога, в основе бытия, в основе самосознания» (Зиновьева А.А. Диалог с Другим: М. Бубер и М.М. Бахтин // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 45). Уже у К. Маркса в «Капитале» можно встретить мысль о том, что «...человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к себе как к человеку» (Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. С. 59).

⁴⁹ Бубер М. Проблема человека / Пер. с нем. Н. Кушнира. Киев, 1998. С. 93. В другой его работе можно найти и такую сентенцию, проясняющую приведенные выше рассуждения: «Не пытайтесь выхолостить смысл отношения: отношение есть взаимность» (Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М., 1993. С. 9).

⁵⁰ Для А. Хоннета, например, такими формами являются любовь, право и солидарность (см.: Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischer Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt/M., 1992).

и в правовом, и в моральном (нравственном) смысле можно считать наличие правовой системы, в рамках которой признается (защищается на уровне закона) правосубъектность каждого члена данного общества, его основных прав и свобод⁵¹. В этом случае можно говорить не просто об актах признания на уровне межсубъектных отношений (уровне сущего), но и о существовании принципа права — принципа взаимного правового признания (реализуемого на уровне должных отношений). Максимизация степени реализации принципа взаимного правового признания выражается в максимизации возможностей реализации всех прав и свобод, принадлежащих членам общества, следствием чего является и максимизация благосостояния всех⁵². Максимальным уровнем реализации принципа взаимного морально-го (нравственного) признания может явиться деятельная любовь как высшее чувство, связывающее членов общества в «царство целей»⁵³.

Взаимное правовое признание. Принцип взаимного правового признания нельзя, как уже было отмечено, отождествлять с индивидуальным психологическим переживанием каким-либо лицом ценности другого лица. Само существование этого принципа не зависит от того, как конкретное лицо относится к другим лицам. Это может быть и искренняя любовь к ближнему у одних и холодное интеллектуальное понимание того, что у другого человека есть неотъемлемые

⁵¹ Представляется, что подобный подход к данному принципу позволил В.С. Соловьеву считать право «минимумом нравственности» — минимум, чего можно требовать от права, чтобы оно было правом — признание человека как цели, а не средства только, т.е. признание его автономии на уровне правосубъектности.

⁵² Этим предлагаемый вариант максимизации благосостояния отличается от концепции максимизации благосостояния Р.А. Познера (см., например: *Познер Р.А. Утилитаризм, экономика и теория права // Правоведение. 2017. № 3. С. 46–89*). У Познера и мораль, и право выводятся из экономической эффективности. В предлагаемом подходе экономическая эффективность подчинена высшим ценностям взаимного правового признания, в том числе основным правам и свободам человека, включая право на достойное существование.

Под максимизацией благосостояния в коммуникативном смысле можно понимать процесс социальной жизнедеятельности человека, направленный на аккумуляцию основополагающих ценностей, позволяющих человеку и его социальным агентам (коммуникативным акторам) достигать поставленных целей наиболее оптимальным образом.

⁵³ Ср.: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признавать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе» (*Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. С. 511*).

права, включая право на жизнь, которые признаются всеми и на которые нельзя покушаться под страхом наказания, — у других. Возможно даже незнание этого принципа вовсе в его языковой формулировке, но фактическое признание его будет иметь место, исходя из внутреннего понимания невозможности посягать на личность другого человека, присваивать ее себе как вещь. Предпосылкой для конструирования и реализации данного принципа является существование *Другого* как любого, кто отличен от меня, но принадлежит к человеческому роду⁵⁴.

Такая принадлежность определяется не только морфологическими признаками. Другой — это прежде всего человек, от которого ты ожидаешь признания твоей личности, т.е. твоей правосубъектности, твоей свободы, твоей ответственности, твоего достоинства и в самом этом признании — утверждения и своей, и твоей суверенности. Это тот, кого ты сам готов признавать как правосубъектное лицо, т.е. такое лицо, которое обладает правовым иммунитетом против любых произвольных действий и которое может требовать от любого другого действий, которые необходимо совершить для реализации прав этого лица. Тем не менее подобное признание, как уже было отмечено, является не только и не столько фактом определенных межсубъектных отношений, сколько нормативным правовым принципом, закрепленным (прямо или опосредованно) в конкретной правовой системе⁵⁵. Хотя такое признание, прежде всего презюмируется в общественном сознании и объективируется в правовых и нравственных нормах, но оно также актуализируется и при непосредственном межсубъектном взаимодействии — в коммуникативном правовом акте встречи двух говорящих и понимающих друг друга людей.

⁵⁴ В этой связи может возникнуть вопрос относительно того, возможно ли взаимное признание между Богом, ангелом, демоном, инопланетянином, зверем или даже природой в целом и человеком. Ответ будет отрицательным и с отсылкой к Аристотелю, который, как мы помним, именно Богам и зверям отказывал в настроенности на общение, а следовательно, делаю вывод, и на возможность взаимного признания. Взаимное признание возможно только между равными по своим коммуникативным способностям и психофизиологическим параметрам людьми. Но это не мешает человеку признавать Бога, ангелов и демонов, инопланетян, зверей и окружающую природу и ценить их, даже придавая им высшую ценность в определенных случаях (каждому — по вере его).

⁵⁵ Если в правовой системе имеются нормы, запрещающие произвольное лишение жизни человека, посягательство на его здоровье, собственность и безопасность, признающие его право на самостоятельное развитие и реализацию своих потребностей, то само наличие этих норм отражает принцип взаимного признания как идеологическое основание, на котором если не эксплицитно, то имплицитно вырастает данный правовой порядок.

Соответственно Другим может выступать также и юридическое лицо, и государство, поскольку во всех подобных случаях и юридическое лицо, и государство персонифицированы и представляют собой коллективных субъектов права. Между этими субъектами права и человеком (гражданином) также устанавливаются (должны устанавливаться) правовые отношения на основе принципа взаимного правового признания. Гражданин также вправе и от государства ждать признания своей правосубъектности, признавая правосубъектность государства.

Итак, признание человека человеком означает и признание его прав и обязанностей (его правовую субъектность), которые конституируются понятием «человек», поскольку само это понятие всегда указывает на взаимные отношения между людьми⁵⁶. Эту идею можно найти и у Акселя Хоннета. Смысл взаимного правового признания раскрывается им в следующем тезисе, который оказывается очень созвучным по сути рассмотренным выше выводам В.С. Соловьева и И.А. Ильина: «Мы можем считать себя носителями права, только если мы одновременно усваиваем нормативные обязательства по отношению к другому»⁵⁷.

Комментируя эту мысль, Поль Рикер говорит о двоякой ориентации признания: к Другому и к норме. «Если говорить о норме, то признание, в лексическом значении слова, означает “считать ценным”, “принимать за правильное”; если говорить о человеке, то признавать означает идентифицировать каждую личность как свободную и равную любой другой личности»⁵⁸. Утверждение верное, но и в нем нет ничего нового по сравнению с теми положениями, которые уже были сформулированы в русской философско-правовой мысли.

Признавая других людей участниками правового взаимодействия, мы необходимо признаем их разумность, свободу, ответственность, изначальное человеческое достоинство и общее формальное равенство (равенство правосубъектности). Достоинство человека вытека-

⁵⁶ Ср.: «Дедукция права является у Фихте доказательством того положения, что взаимоотношение я и ты... есть прежде всего правоотношение. Если этика выставляет требование, что «с другим нужно обращаться как с свободным существом, а не как с вещью... то это значит, что к нему следует относиться как к субъекту права» (*Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. 2-е изд. М., 2010. С. 396).

⁵⁷ Цит. по: *Рикер П.* Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М., 2010. С. 186.

⁵⁸ Там же. С. 187. Отсюда проистекает и идея легитимности правовых текстов и легитимности права как такового (см.: *Денисенко В.В.* Легитимность права: теоретико-правовое исследование: Дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2021).

ет из его способности подниматься над миром природы и действовать на основании разума и ценностных представлений. Другой ипостасью достоинства являются способность и стремление человека отстаивать свои права⁵⁹. Формальное правовое равенство определяется общей принадлежностью к человеческому роду, пониманием и усвоением основополагающих ценностей, одинаковыми (равными) возможностями для коммуникативного взаимодействия на основе взаимного правового признания, способностью отвечать за свои действия⁶⁰. Неспособность понимать смысл норм и смысл своих действий исключает возможность правовой коммуникации.

Ответственность применительно к коммуникативному подходу и принципу взаимного признания играет основополагающую роль. Она неотделима от понимания права как правовой коммуникации, т.е., прежде всего, коррелятивной (коммуникативной) связи между носителями субъективных прав и исполнителями правовых обязанностей. Чтобы подтвердить возможность такой логики, обращаюсь за поддержкой к авторитету Дж. Финниса. Философ и правовед в диалоге со студентами Санкт-Петербургского университета, в частности, сказал следующее: «...Категория *права* — права других лиц на исполнение мной обязанности по отношению к этим лицам — возникает в качестве *коррелята обязанности* (responsibility). Итак: моя обязанность заключается в том, чтобы дать вам то, на что вы имеете право — мое уважение, мое необходимое содействие: вы можете быть моим ребенком или незнакомцем на улице, обязанности в этих случаях сильно отличаются, но в принципе это все те же обязанности перед другими людьми. Мои обязанности существуют не только для меня, но и для других, и это позволяет нам говорить о правах. У другого есть право требовать, чтобы я выполнил свою обязанность перед ним»⁶¹. Отмечу, что

⁵⁹ В данном контексте характерна мысль, которая принадлежит Хоннету и которую цитирует Рикер: «То, что называют человеческим достоинством, не может быть не чем иным, кроме признанной способности отстаивать свои права» (см.: Рикер П. Путь признания. С. 190). Эту сентенцию можно найти у многих авторов, в том числе, у Г.Ф.В. Гегеля.

⁶⁰ Речь идет о равенстве основных способностей к пониманию и коммуникации, которые не исключают того, что одни понимают лучше, тоньше, вариативнее, чем другие. Равенство в этом смысле не исключает «инаковость». Именно поэтому коммуникация, основанная на полном понимании невозможна, но она невозможна и при полном непонимании. Нормальная коммуникация — это и есть коммуникация на среднем уровне, уровне равенства возможностей для взаимодействия.

⁶¹ Finnis J.M. Law and moral truth: a philosophical response to seven questions // Правоведение. 2017. № 5. С. 212–213.

английское слово *responsibility* имеет значение как *обязанности*, так и *ответственности*. А это означает, что правовые обязанности не исполняются «сами собой» или от страха перед возможным наказанием. Исполнение обязанности предполагает осознанный и свободный *ответ* на притязание управомоченного. И в этом смысле ответственность как необходимая составляющая правовой коммуникации является важнейшей ее частью, свидетельствующей о достоинстве самих коммуникантов⁶².

Это означает, что ни государство, ни общество не могут считать граждан своей собственностью (вещами, инструментами, средствами для достижения политических целей), как не могут произвольно ограничивать их свободу и присваивать себе функции определения их намерений, желаний, возможных действий. Человек в этом контексте принадлежит самому себе («сам себе господин»). Это и есть его изначальное суверенное право, которое можно трактовать и как право на свободу, свободу от любого произвольного вмешательства и свободу для реализации своих целей и замыслов⁶³.

⁶² Ср.: «В широком плане проблематика признания конгруэнтна проблематике морали, по крайней мере, с коммуникативной ее стороны, в частности, проблеме ответственности. Ответственность сопряжена со свободой. Но, вместе с тем, представляет своего рода зависимость человека от того, что воспринимается им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий. Человек ответствен перед теми, зависимость от кого/чего он чувствует. Человек ответствен за то, что, как он полагает, от него ожидается, что он сам от себя ожидает как от потенциально совершенной личности, предстоящей нравственному идеалу. Это отношение зависимости невозможно без признания источника зависимости. Человек отвечает за себя и за других в той мере, в какой он признает других своими-другими. Он не может отвечать за тех, кого он не признает в качестве своих других. Такая постановка вопроса позволяет конкретизировать ответственность как нравственную задачу человека и увязать ее с кругом реальных отношений человека — отношений, признаваемых и принимаемых им» (*Апресян Р.Г.* Важность идеи признания для понимания морали // *Философско-этический альманах*. Вып. V. Материалы конференции «Моральная ответственность в современном мире», посвященной 75-летию академика РАН А.А. Гусейнова. М., 2015. С. 55).

⁶³ Здесь появляется повод еще раз вернуться к высказанному мною ранее в другой статье тезису о том, что право не стоит уподоблять бочке с медом, которую можно испортить ложкой дегтя. Рассуждать о том, может ли ложка дегтя испортить бочку меда имеет смысл тогда, когда в бочке действительно находится мед. Но возможна и такая ситуация, когда в бочке с надписью «мед» находится совсем другая субстанция, хотя и похожая на мед по каким-то внешним параметрам. В случае с правом таким критерием является наличие или отсутствие в взаимоотношениях между людьми принципа взаимного правового признания. О его отсутствии

5. Признание другого как духовный акт

Человеческая личность, как высшая ценность, получает такое значение не сама по себе, а в специфическом модусе социальных отношений, которые были обозначены выше как отношения взаимного признания. В своем эгоистическом самолюбании или в состоянии войны «против всех» человек отнюдь не представляет собой искомую высшую ценность. Свобода не есть вседозволенность, формальное равенство не есть дар небес, человеческое достоинство не проистекает из вертикального способа передвижения и способности издавать определенные звуки. Ответственность не предполагает бездумное следование инстинктам. Свобода появляется тогда, когда человек познает и признает границы своего произвола в существовании личности другого человека, ничем принципиально от него не отличающегося. На этой коммуникативной основе взаимного признания рождается и идея формального равенства — равенства в основных и взаимообусловленных правах и обязанностях, и равенства неформального, основанного на духовном единстве всех людей и их солидарности, несмотря на все возможные отличия в их физической и даже интеллектуальной природе. Человеческое достоинство является следствием этих сугубо человеческих качеств — признания своей свободы и свободы другого как ответственного, духовного по своей сути выбора, предполагающего наличие не только прав, но и обязанностей по отношению к обобщенному Другому.

Как уже было показано выше, русские мыслители (но не только они) уделяли духовному аспекту признания особое внимание. Способ-

на уровне системы отношений общества свидетельствует непризнание суверенитета человеческой личности и ее основных прав. Суверенитет в этом контексте понимается не как сила произвола, а как *свобода от произвола*, когда никто не может по своему усмотрению распоряжаться другим человеком как вещью, включая распоряжение его жизнью. Права человека при таком подходе являются основой правовых законов, и эти законы являются обязательными для всех, включая власть в государстве. Существование многих политических систем в мире исторически представляли собой системы именно произвола, когда не только имущественное и семейное положение, социальный статус и возможности самореализации, но и сама жизнь любого человека, от обывателя до высшего чиновника государства, в конечном счете зависела от «милости» (произвола) царя, императора, диктатора, фюрера, вождя и т.д. Наибольшая замаскированность под правовой «мед» имеет место тогда, когда сами правовые законы в государстве, номинально провозглашенные и юридически действующие, получают такое извращенное истолкование со стороны власти, что утрачивают свою связь с принципом взаимного правового признания, или просто перестают применяться на практике, превращаясь в пресловутое «право в книгах».

ность видеть в Другом человека — это не только рациональная способность, а эмоционально-ценностная восприимчивость, эмпатия, некий духовный акт⁶⁴. *Он не совершается однократно, а проявляется в человеческой жизни через поведение и взаимодействие с другими людьми*⁶⁵. Готовность к такого рода актам признания формируется на протяжении человеческой жизни, начиная с кормления и ухода матерью за ребенком. Первое, что человек осознает в окружающей его жизни, является не познание врага, а полное и безусловное признание своей личности со стороны матери. Отсутствие или неполнота такого признания является одной из наиболее серьезных проблем деформации личности формирующегося подростка. Осознавая себя, ребенок осознает свои возможности и свои ограничения, которые постепенно трансформируются в его сознании во взаимные права и обязанности. Дальнейшая жизнь человека — это стремление раскрыть себя в своей правосубъектности, а значит, это и борьба (в том числе, духовная, интеллектуальная) за признание в окружающем мире, которая осуществляется на всех уровнях и во всех формах человеческой организации, в первую очередь через реализацию основных прав и приобретение прав вторичных. Сюда же входит борьба за свои и чужие права, если эти права нарушаются. Борьба за признание занимает большую часть человеческой жизни⁶⁶; это и политическая борьба, направленная против различных форм дискриминации, и стремление реализовать себя в какой-либо профессии или роде деятельности, это и спортивные со-

⁶⁴ Именно поэтому правосубъектностью не могут обладать ни искусственный интеллект, ни животные, ни вещи: они лишены способности признавать. Б. Латуру и его последователям никогда не удавалось придать объектам/вещам хотя бы подобия правосубъектности, хотя в других отношениях объектно-ориентированная философия заслуживает внимания.

⁶⁵ Признание укорененности человеческого бытия в со-бытии с Другими можно найти и в творчестве М. Хайдеггера. Философ, в частности, писал: «В отношениях обстоятельств дела уже заключено понимание способности быть, присущей вот-бытию (Dasein) как совместному-бытию с другими. Это понимание, как вот-бытие (Dasein), сущностным образом открыто бытию-рядом других. Фактическое Dasein, явно или неявно, есть ради способности бытия друг с другом. Но это возможно лишь потому, что Dasein как таковое исконно определено через совместное-бытие с другими» (*Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии* / Пер. с нем. А.Г. Чернякова.. СПб., 2001. С. 393).

⁶⁶ Борьба за престиж, о которой повествует М. Мосс и его последователи и которая лежит в основе становящихся человеческих обществ, также является разновидностью борьбы за признание (см.: *Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах* // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М., 2011. С. 134–285).

ревнования, и научное творчество, это и война, но это и мир: любовь, семья, воспитание детей и т.д. Такая борьба может носить не только личный характер, но и коллективный⁶⁷. В то же время правовое признание включает в себя и другую составляющую, которую можно обозначить как солидарность. Солидарность можно рассматривать как модификацию ответственности. Она предполагает осознанное исполнение правовых обязанностей в интересах управомоченных и стремление при реализации своих прав максимизировать блага других участников правовой коммуникации.

6. Способы (варианты) обоснования принципа взаимного (правового) признания

Взаимное признание как имплицитная идея разума или эксплицитная философская или религиозная установка, моральное требование или этический постулат существует в человеческом обществе на протяжении тысячелетий (хотя только в последнее столетие произошел коренной перелом в его осознании на уровне всех человеческих обществ). Поэтому существуют исторически различные варианты его обоснования в качестве основы человеческого общения⁶⁸. Эта основа выступала как моральным (нравственным), так и правовым принципом разной степени формализованности. Попробую эти варианты представить в систематизированном виде, не претендуя на законченность. При этом сразу отмечу невозможность на данный момент выделения «чистых» способов (вариантов) обоснования взаимного признания. Один способ (вариант, тип, форма) неизбежно перекликается, пересекается, а то и частично входит в другой.

⁶⁷ Начиная с Гегеля, диалектике борьбы за признание уделяется в литературе особое внимание. См., например: *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М., 2000. С. 97–104 и сл.; *Кожев А.* Очерк феноменологии права: глава I // Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М., 2006. С. 295–322; *Рикер П.* Путь признания: три очерка; *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Zug moralischer Grammatik sozialer Konflikte; *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вст. ст. Б.Н. Бессонова. М., 1988. С. 420–426. Фактически на эту же тему написана книга *Ф. Фукуямы* (см.: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М., 2004).

⁶⁸ Ср.: «Необходимо задаться вопросом, является ли потребность людей в особых отношениях признания антропологической данностью или специфическим феноменом нашего историко-культурного развития» (*Ван ден Бринк Б.* Парадигма признания в социальной философии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 11).

Теологическое обоснование. Религия и богословие являются традиционными и наиболее древними источниками для утверждения нормативности взаимного признания. Это можно показать на примерах самых различных религий. Так, одной из основных заповедей христианства является заповедь любви к ближнему: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37-40). Любовь к ближнему в данном контексте можно рассматривать как версию взаимного признания. Она не предполагает исключительной индивидуализации объекта любви («ближний» существует не в единственном экземпляре) и чувственного с ним общения. Любовь к ближнему означает признание его (ближнего) принципиальной однородности с любящим, признание за ним всех атрибутов свободной личности, включая права, отказ от любых форм агрессивного воздействия на него, стремление содействовать его правомерным целям⁶⁹. Это означает и признание взаимного равенства. Евангельская заповедь «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12) находится у истоков «золотого правила» морали и также предполагает взаимное признание⁷⁰.

Апостол Павел в «Послании к Римлянам» писал о том, что чувство «законного» и «беззаконного» вложено всякому человеку Создателем в его сердце вне зависимости от правильности его веры (Послание к Римлянам святого апостола Павла. 2:15). Тот же апостол Павел писал: «...Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к Колоссянам святого апостола Павла. 3:11). В этих заповедях помимо религиозного призыва легко читается идея взаимного равенства и взаимного признания. Интересным в этой связи является и предположение о том, что признание Другого требует веры. «Вера же по сво-

⁶⁹ Интересно, что и любовь, по В.С. Соловьеву, имеет схожие характеристики: «Это отношение полного и постоянного обмена между двумя, построенное на взаимодействии и общении, на способности жить не только в себе, но и в другом, на признании за другим центрального значения» (*Апресян Р.Г.* Коммуникативный источник морального должностования. С. 11–12).

⁷⁰ Р.Г. Апресян подчеркивает, что «золотое правило» формируется постепенно — «в ходе практического взаимодействия и общения людей, на основе накапливаемого коммуникативного опыта (опыта конфликтов, страданий от их углубления и облегчений от их разрешения — благодаря взаимопониманию, компромиссам, согласованию интересов), в результате одухотворения и возвышения этого опыта» (*Апресян Р.Г.* Генезис золотого правила // *Вопросы философии.* 2013. № 10. С. 47–48). Тем самым подчеркивается универсальность принципа взаимного признания, который имеет и моральное (нравственное), и правовое измерение.

ей изначальной сути есть отношение взаимности: с миром, с богом, с самим собой или в обобщенной форме — с бытием как таковым»⁷¹.

Этическое обоснование. Человек в этом варианте рассматривается как высшая ценность. Каждый человек переживает уникальность собственной личности, ощущает ее неповторимость, конечность и не желает для себя зла, страданий и смерти. Защиту от внешних угроз, включая проблему выживания, человек может получить только от других людей, с которыми находишься в состоянии мира и взаимодействия. Способность человека переносить свои ценностные представления на другого (эмпатия) убеждает его в том, что другой — такой же человек, способный вступать в коммуникацию, т.е. понимать и сопереживать. Другой становится или является альтер-эго, ценностное признание которого нравственным сознанием так же необходимо, как признание собственного Я.

В качестве примера обратимся еще раз к идеям В.С. Соловьева. Как было продемонстрировано выше, В.С. Соловьев связывал принцип взаимного признания с моральным чувством жалости. Он, в частности, писал: «Когда я жалею другого человека или животное, я во все не смешиваю себя с ним, не принимаю его за себя и себя за него, а только вижу в нем сродное и однородное со мною, подобное мне существо, одушевленное, как и я, желающее, как и я, жить и наслаждаться благами жизни. Признавая за самим собою право на исполнение такого желания, я признаю его и за другими <...> Это уравнение (а не отождествление) между другим и собою, сразу и безотчетно совершаемое в чувстве жалости, возводится разумом на степень ясной и разделенной мысли»⁷².

В такой же парадигме решал данную проблему И.Г. Фихте. Так, П.П. Гайденко отмечала, что «согласно Фихте мы не *познаем*, а *признаем* существование других подобных нам существ; с теоретической точки зрения никогда нельзя доказать этого, но нравственный закон, т.е. наша совесть, категорически требует *признания* в других людях таких же свободных и самостоятельных субъектов, как и мы сами»⁷³. Приведу еще некоторые из его рассуждений на этот счет в переводе и изложении еще одного представителя российской школы «воз-

⁷¹ *Исаков А.Н.* Человек как признание Другого: проблема интерсубъективности в философской антропологии.

⁷² *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. С. 165.

⁷³ *Гайденко П.П.* Философия Фихте и современность. М., 1979. С. 125.

рожденного естественного права» Б.П. Вышеславцева, который, будучи учеником П.И. Новгородцева, посвятил свою магистерскую диссертацию 1914 г. этому немецкому мыслителю. И.Г. Фихте, в частности, утверждал, по Вышеславцеву, следующее: «Система индивидуумов (или “система многих я” ...) представляет собою одно из расчленений объективного мира... и является основной формой наличного бытия... Система интеллигенций представляет собой... взаимодействие противопоставленных и сопоставленных элементов. Но взаимодействие я и ты есть нечто совсем особое. Ведь каждое из этих действующих лиц есть свободный субъект, действующий по целям и обладающий способностью выбора... Поэтому отношение между ними есть свободное взаимодействие... и оно отличается от того взаимодействия, которое существует в царстве природы... Обращаясь к кому-либо (к “ты”), я предполагаю в нем свободу и разумность, способность понимать мой призыв (Aufforderung); я не просто воздействую на него (Handlung), я обращаюсь с ним (Behandlung) как с личностью. И взаимодействие лиц покоится на принципе строгой взаимности: только потому я обращаюсь с этим индивидуумом как с личностью... что и он со своей стороны обращается со мною так же. Откуда иначе могу я узнать, что предо мною свободно-разумное существо, а не зоологический индивидуум, не стихийная природа? Я признаю его за разумное существо, так как и он признает меня за таковое; но это взаимное признание может выразиться только в действии: “Что я думаю, другой не может знать”; “если я признаю другого как разумное существо, то это значит, что я обращаюсь с ним как с таковым — ибо только действие является таким общезначимым признанием”... Только потому, что я говорю ему “ты”, что и он говорит мне “ты”, и разумное слово, обращенное к человеку, есть уже действие, взаимодействие интеллигенций, обращение с индивидуумом как с лицом, а не с вещью. Так создается общение лиц... своеобразная сеть, сотканная из действий, система интеллигенций, различных и связанных друг с другом, своеобразное единство противоположностей»⁷⁴.

Иррационально-мистическое обоснование. Человек тяготеет к себе подобным и не может жить в одиночку (даже религиозные отшельники не одиноки — они общаются с Богом). Но в основе такого тяготения находится некая нематериальная сила, свидетельствующая о духовном

⁷⁴ *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. С. 378–38. См. также: *Гайденок П.П.* Философия Фихте и современность. С. 132–136.

единстве всех людей. Русский мыслитель-правовед А.С. Яценко писал об этом так в начале XX в.: «В сфере социальных явлений необходимо допустить существование некоторой первоначальной силы, постоянно действующей на образование различных общественных форм и устанавливающей связи и соединения между отдельными индивидами и их совокупностями. Эта первоначальная сила соединения есть необходимое условие общественной жизни и нечто постоянно проявляющееся в человеческом мире, подобно силе физического тяготения, неизменно действующей во всех материальных частицах и способствующей образованию разнообразных видимых материальных форм. Эту силу влечения, притяжения, существующую между психическими элементами, индивидами, и создающего разнообразие социальных форм, можно назвать силой социально-психического тяготения (“общезительной природой”)⁷⁵.

Хорошей иллюстрацией к такому обоснованию взаимного признания является и диалектика «Я» и «Мы», развиваемая С.Л. Франком. Мыслитель, в частности, писал: «Лишь проникая к невидимой глубине сущности и жизни человека, мы можем воссоздать его адекватную картину. Сколь ни значим... тот факт, что люди в своей чувственно-эмпирической жизни привязаны к отдельным телам и, тем самым, неизбежно отделены друг от друга, что они узнают друг друга лишь извне и могут извне воздействовать друг на друга, существует, однако, и другой слой человеческого бытия, его иное, глубинное измерение, в котором все совершенно иначе. В этом глубинном измерении, которое доступно другому, интуитивному рассмотрению “я”, люди срастаются в общей почве благодаря подземным ходам или корням, через которые протекает одна жизнь... Указание на пространственную разделенность человеческих тел, а тем самым и связанных с телом “человеческих душ” не может опровергнуть духовное единство, в котором и через которое люди живут внутренне и которое одно лишь делает возможным осуществление их внешней связности»⁷⁶.

Таким образом, доверие, симпатия, уважение, подчинение, дружба, поклонение, восхищение, любовь — это все формы признания, неотъемлемые компоненты человеческого общения и общества, иррациональная основа его существования. Чем меньше в человеке го-

⁷⁵ Яценко А.С. *Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства*. СПб., 1999. С. 176–177.

⁷⁶ Франк С.Л. «Я» и «Мы» (К анализу общения) // *История философии*. 2010. № 15. С. 262–263. Первоначально: Frank S. “Ich” und “Wir” // *Der russische Gedanke*. Bonn, 1929. Heft I. S. 49–62.

товности признавать других (в любых формах), тем меньше в нем человечности.

Рациональное обоснование. Признание другого выступает в этом случае необходимым требованием разума. Если другой ничем не отличается от меня по своим основным человеческим качествам и способностям (в этом легко убедиться вступив с ним в коммуникацию), то признание его свободы, ответственности и равного достоинства есть требование практического разума, который подчиняется не природным инстинктам и наклонностям, а лишь собственному категорическому императиву (философия практического разума И. Канта⁷⁷).

Именно право в трудах немецких мыслителей оказывалось неразрывно связанным с исходным началом взаимного признания, и можно вслед за Г.Ф.В. Гегелем сказать: право — это и есть взаимное признание. Гегель объяснял эту сентенцию требованиями разума и аргументировал следующим образом: «Право есть отношение лица в его поступках к другим, всеобщая стихия его свободного бытия, или же определение, ограничение его пустой свободы. Это отношение, или ограничение, я не должен для себя высиживать или заимствовать, но предмет сам есть это порождение права вообще, то есть отношения признания. В признании самость перестает быть отдельным (индивидом), она есть правовая в признании, то есть уже не в своем непосредственном наличном бытии. Признанное признано как непосредственно значащее, благодаря его бытию, но именно это бытие порождено из понятия; это — признанное бытие. Человек необходимо признается (другими) и необходимо признает (других людей). Эта необходимость есть его собственная, а не необходимость нашего мышления в противоположность содержанию. Как признание он сам есть движение, и именно это движение снимает его естественное состояние: он есть признание; естественное лишь есть, оно не есть духовное»⁷⁸.

И.А. Ильин добавляет новые аспекты для понимания связи личности с правом по Гегелю: «Лицо есть свободная, бесконечная и, в то же

⁷⁷ См., например: *Кант И. Основы метафизики нравственности* // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 219–310. Хотя Кант и не говорит прямо о взаимном признании как о требовании категорического императива, но его идея «царства целей» представляет собой парафраз концепта взаимного признания. В литературе, тем не менее, возникновение самого концепта взаимного признания связывают чаще всего с именами Фихте и Гегеля (см., например: *Татарникова Ю.М. Теория признания в соотношении морали и права в немецком идеализме: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук.* С. 13 и др.).

⁷⁸ *Гегель Г.В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 315–316.*

время, ограниченная и конечная человеческая монада. С одной стороны, личность есть самоопределяющаяся духовная единичность, сознающая себя “бесконечным, всеобщим и свободным” началом... Личность начинается там, где самосознание овладело всеми своими внутренними определениями и где воля утвердила себя как чистое мышление своей тождественности... Такая воля доросла до правового состояния, т.е. до права: личность способна жить в праве, или “правоспособна”...»⁷⁹. О необходимости взаимного признания по Гегелю Ильин пишет следующее: «Понятно, что лицо как “внутренне-духовно-правое” начало есть *existenz-minimum* объективного духа и основа всей первой ступени его — “абстрактного права”. Все дальнейшее развитие ведет свое начало от “личности”, творится ею и в ней. Человек, если он не “личность”, не способен быть “правом”, не может углубиться до морального состояния и возвыситься до нравственности; ему нет, следовательно, и пути к прекрасному искусству, истинной религии и абсолютной философии. Поэтому голос всеобщей, субстанциальной воли человека, т.е. “право само по себе” зовет человека к тому, чтобы он стал личностью. “Правовое повеление” гласит: “будь лицом и уважай других, как лиц”... Это необходимо потому, что вне этого нет путей к духу. Это включено уже в субъективно-зрелый *modus vivendi* потому, что самосознание, испытав всю горечь “естественной покорности”, научилось уже создавать свою внутреннюю свободу через признание чужого самосознания...: лицу, не признающему “личность” в другом, пришлось бы опять вынести борьбу на жизнь и на смерть и пройти через школу рабства. Вот откуда вытекает и основное запрещение естественного права поражать... личность, ее жизнь, ее деятельность и сферу ее свободы. Это запрещение Гегель считает лежащим прямо в основании всех правовых явлений...”⁸⁰.

Естественно-научное обоснование. У социального «тяготения» есть и естественно-научное объяснение. Например, современный немецкий ученый-нейробиолог И. Бауэр в своих исследованиях утверждает и доказывает, что человек по своей биосоциальной природе склонен к кооперации (за которой, как было обосновано выше, стоит взаимное признание). Если генетические структуры человека поддерживаются соответствующими условиями окружающего мира, то чело-

⁷⁹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. СПб., 1994. С. 316–317.

⁸⁰ Там же. С. 317–318. Отсюда становится понятной связь принципа взаимного правового признания через В.С. Соловьева с И. Кантом, а через И.А. Ильина — с Г.Ф.В. Гегелем.

век, благодаря определенным системам, имеющимся в его организме, предстает существом, «ориентированным на кооперацию и “человечность”»⁸¹. Человеческая агрессия с этих позиций рассматривается как защита от боли, возникающей в виде реакции организма на социальную изоляцию, на разрушение социальных коммуникаций⁸².

С несколько других позиций, но по сути к аналогичным выводам пришел один из родоначальников Чикагской школы экономического анализа Г.С. Беккер. Беккер, в частности, высказал мысль о том, что у альтруистов в процессе естественного отбора больше шансов на выживание. Создавая семьи, именно альтруисты стремятся иметь больше детей, чем эгоисты; они больше вкладывают в своих детей и получают большую отдачу от них, когда они становятся взрослыми. Поэтому, по мнению Беккера, альтруизм должен с течением времени распространяться на все большее количество семей⁸³.

Эти выводы, как полагают многие исследователи, дают дополнительные основания к тому, чтобы и саму природу права стараться понять не просто как инструмент власти, господства и подавления, но как средство для развития человеческой личности, для разрешения социальных конфликтов, средство, настроенное (благодаря взаимному правовому признанию) на справедливость и взаимодействие (коммуникацию).

Утилитарное обоснование. Взаимное правовое признание в этом варианте рассматривается как наиболее оптимальный путь к счастью и процветанию. Оно выгодно всем участникам такого взаимодействия и способствует *максимизации благосостояния каждого*. Отсутствие взаимного признания ведет к «войне всех против всех», что создает чрезмерные риски и грозит слишком большими (транзакционными) издержками. На основе взаимного признания и доверия работает рыночная экономика и демократия. Непризнание другого (обобщенного

⁸¹ Бауэр И. Принцип человечности. Почему мы по своей природе склонны к кооперации / Пер. с нем. И. Тарасовой. СПб., 2009. С. 42–43. Борьба с человеческой деструктивностью (в том числе с агрессией) возможна и даже необходима, считал, например Э. Фромм, но успех такой борьбы определяется наличием тех же компонентов принципа взаимного правового признания: правового порядка, опирающегося на закон и отвергающего произвол в отношении личности. См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М., 2016. С. 389.

⁸² См.: Бауэр И. Указ. соч. С. 45–55.

⁸³ См.: Becker G.S. Altruism, Egoism and Genetic Fitness: Economics and Sociobiology // Journal of Economic Literature. 1976. Vol. 14. No. 3. P. 817–826.

другого) означает и собственное пребывание вне права. Но вне права и общения могут жить либо боги, либо звери⁸⁴. Человек рациональный в этом смысле призван к признанию другого.

Близкой к такому варианту обоснования принципа взаимного правового признания является и концепция трансцендентального обмена О. Хёффе. Трансцендентальный обмен, по мысли Хёффе, заключается во взаимном отказе посягать на чужую неприкосновенность и жизнь, но также на свободу совести и мнений, личную собственность и т.д. Можно сказать, что это есть отказ от посягательства на чужую правосубъектность или, что фактически то же самое, признание чужой правосубъектности на основе признания собственной правосубъектности. Фактически это означает и признание взаимных прав и обязанностей всех людей. Обменом это, по мысли Хёффе, является потому, что человек может получить чью-то обязанность соблюдать его права только при наличии ответной обязанности соблюдать права этого человека. Соблюдение прав другого есть отказ от посягательства на его права. Такой отказ возможен только в том случае, если и другой отказывается от посягательства на права своих визави. Обмен таким образом совершен. Это обмен собственной безопасностью на безопасность другого. Трансцендентальным такой обмен (взаимный отказ или, что то же, взаимное признание) именуется потому, что без этой предпосылки (обмена/взаимного признания) само право, по мысли немецкого ученого, оказывается невозможным. Необходимость такого обмена является предпосылкой существования и человеческой личности, и самого понятия субъекта права — физического лица.

Кроме того, для оправдания социальной власти нужна, по Хёффе, гарантия того, что социальная власть в принципе выгодна, т.е. дает прибыль, которая впоследствии, будучи распределенной среди членов данной группы, хотя бы потенциально может быть полезной каждому⁸⁵. Слово «прибыль», судя по всему, у Хёффе синонимично слову

⁸⁴ «А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством» (*Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 379*). Общение у Аристотеля выступает аналогом коммуникации. При этом и «государство» у Аристотеля скорее выступает организованным общением — обществом общающихся.

⁸⁵ Изложенные идеи О. Хёффе сформулированы им в ряде работ. См.: *Хёффе О. Справедливость: Философское введение / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова под ред. Т.А. Дмитриева. М., 2007. С. 99–102; он же. Справедливость как обмен? О политическом проекте современности // Политическая философия в Германии: Сборник статей. М., 2005. С. 274–286; он же. Политика. Право. Справедливость. Осново-*

«благо». И вследствие этого можно сделать вывод, что политическая власть в государстве призвана максимизировать (увеличивать) благосостояние субъектов. Благосостояние максимизируют любые правомерные действия субъекта, результатом которых является получение, достижение, приобщение к определенной ценности, материальной или духовной, т.е. приобщение к благу. Таким образом, в концепции Хёффе мы видим интересную попытку связать принцип взаимного правового признания с меновой теорией⁸⁶ и теорией рационального экономического выбора, показывая, таким образом, еще один аспект, сближающий право и экономику.

Историко-социокультурное обоснование. Все развитие человеческого общества свидетельствует о постепенном утверждении принципа взаимного признания в качестве основы и права, и морали. Уже у самых древних народов мира можно найти мысли, свидетельствующие о постепенном формировании идеологии взаимного признания. Об этом говорит и «золотое правило нравственности»: не делай другим того, чего не желаешь, чтобы делали тебе⁸⁷. Христиан Томазий выводил из этого правила *принцип права*: человек не должен делать никому другому того, чего он не желает, чтобы другой сделал ему. Иногда выделяют два аспекта этого правила: отрицательный (отрицающий не должное поведение) «не делай» и положительный (утверждающий

положения критической философии права и государства / Пер. с нем. Вл.С. Малахова при участии Е.В. Малаховой. М., 1994. С. 241–247; *Шавело Н.А.* Категорические правовые принципы в эпоху постмодерна: интервью с профессором Отфридом Хёффе. С. 62–76.

⁸⁶ Меновая теория отсылает нас к концепции Е.Б. Пашуканиса. См., например: *Пашуканис Е.Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. Как заметил Л. Фуллер, Пашуканис даже категорический императив Канта трактовал с позиции взаимных обменных отношений, поскольку «мы можем заставить других служить нашим целям и в то же время служить целям этих других, лишь вступив в отношения обмена... Любой вид взаимности, каким бы окольным путем он ни действовал через социальные формы, приговаривает людей к двойной роли: как целей-в-себе и как средства для целей других людей» (*Фуллер Л.Л.* Мораль права. С. 37–38). О понятии взаимности по Фуллеру см.: там же. С. 30–38.

⁸⁷ «Золотое правило формируется постепенно — в ходе практического взаимодействия и общения людей, на основе накапливаемого коммуникативного опыта (опыта конфликтов, страданий от их углубления и облегчений от их разрешения — благодаря взаимопониманию, компромиссам, согласованию интересов), в результате одухотворения и возвышения этого опыта. Описывая таким образом генезис золотого правила, я предполагаю, что оно еще и тем “золотое”, что всецело представляет феномен морали» (*Апресян Р.Г.* Генезис золотого правила. С. 49).

дающий должное) «делай». По верному замечанию Р.Г. Апресяна, В.С. Соловьев как раз отрицательный аспект «золотого правила» называл *правилом справедливости*, а положительный аспект — *правилом милосердия*⁸⁸.

О значении взаимного признания для формирования человеческого общества свидетельствуют и этнографические, культурологические, антропологические исследования. Значительный вклад в раскрытие этой проблематики именно с этой стороны внес современный французский исследователь Марсель Энафф. Как и другие, упоминавшиеся уже мыслители, Энафф старается понять, «что связывает одно человеческое существо с другим человеческим существом? Откуда берется само желание установить такую связь? Каким образом сосредоточенное в себе существо, каким является каждый из нас, может принять другого, жаждать его присутствия, его уважения? Благодаря каким мыслительным или аффективным процессам, каким средствам коммуникации или объединения? Каким институтам? Почему все это может сохраняться во времени и обновляться? Что заставляет нас жить вместе и образовывать сообщества, политические объединения, нации?»⁸⁹. М. Энафф полагает, что ответы на эти вопросы следует искать не в психике людей и не в специфике социальных отношений, а в изучении онтологических (и символических) социальных структур, свойственных всему человеческому роду⁹⁰.

Критикуя мировоззренческую позицию эпатажного писателя и философа М. де Сада, ученый отмечает, что сексуальные извращения и антирелигиозные выпады у Сада — не самое в ней существенное. Важнее то, что она разрушает саму возможность взаимности и признания людьми друг друга. Центр этого разрушения, его движущая сила — отрицание запрета инцеста. Этот запрет, убежден Энафф, является тем, что привело к созданию собственно человеческого общества. Его функция изначально была позитивной: обязать любую группу единокровных родственников выйти за свои пределы, исключить супружеский союз с дочерью или сестрой и тем самым обеспечить продолжение жизни, принуждая всю группу к союзу с другой группой. Однако это обязательство искать супругу на другой стороне было

⁸⁸ См.: Апресян Р.Г. Золотое правило // Этика: новые старые проблемы. К шестидесятилетию Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М., 1999. С. 25.

⁸⁹ Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / Пер. с франц. И.С. Вдовина, Г.В. Вдовина, Л.Б. Комиссарова. М., 2015. С. 6.

⁹⁰ См.: там же.

возможно лишь при одном простом и всеобщем условии: оно должно быть взаимным. Стало быть, по Энаффу, человеческие общества рождаются вместе с требованием обоюдного признания, т.е. благодаря союзу, в соответствии с которым «каждая группа дает другой группе и получает от нее существо, через которое претворяется сама жизнь: супругу, которая, как говорит Леви-Строс, конституирует “дар как таковой”»⁹¹. Ученый имеет в виду не милосердный, или беспричинный, дар, а дар взаимный, дар как договор. «Это — основополагающий договор, делающий так, что для нас, человеческих существ, тождественное держится только благодаря посредничеству другого. Идентичность предполагает различие. Для нас, человеческих существ, сама биологическая жизнь никогда не бывает непосредственной: она всегда производится при условии существования инаковости»⁹².

Многообразие возможных вариантов обоснования принципа взаимного признания (в его правовой и нравственной разновидностях) лишь подчеркивает его значимость в эволюции человеческого общества. Сегодня можно констатировать, что от локального действия принципа взаимного признания (семья, община, род, нация) человечество постепенно переходит к универсальному его пониманию и отрицанию того, что ему противоречит, включая захватнические войны, господство в обществе произвола, применение жестоких наказаний, дискриминацию по различным основаниям, нетерпимость к другим,

⁹¹ Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / Пер. с франц. И.С. Вдовина, Г.В. Вдовина, Л.Б. Комиссарова. М., 2015. С. 6.

⁹² Там же. С. 8. М. Энафф полагает, что в матримониальном союзе ему удалось выявить факт того, что любая человеческая группа предполагает неявное соглашение, договор о признании между «я» и другим, между Мы и Они. С возникновением государств публичное признание гарантируется всем с помощью закона. Вместе с тем, полагает ученый, наблюдается умножение полезных обменов и увеличение благ, которые имеют отношение не к формированию «общностных связей», а к достижению богатств. Эти богатства повсюду становятся средствами господства. Энафф предлагает переосмыслить проблему торгового обмена, прибыли, богатства и их претензии на то, чтобы стать целостным проектом общества. Мыслитель видит опасность в том, что основополагающее отношение людей — отношение взаимного признания — в механизме власти стремится стать второстепенным и изменчивым. Отсюда возникает необходимость вернуться к основополагающим процедурам любого общества, каковыми, по его мнению, являются процедуры церемониального дара (квинтэссенцией которого выступает экзогамный союз), и показать, что «наше человечество не переставало осмыслять себя родившимся от взаимного признания. Иначе говоря, могущество ничего не стоит без уважения, богатство — ничто без достоинства, господство без справедливости заслуживает презрения» (Энафф М. Указ. соч. С. 9).

нищету населения и т.д. — все, что можно определить как практику нарушения прав и свобод человека⁹³.

7. Почему люди следуют нормам права?

Разумность человека имеет много проявлений. Одними из главных являются рациональность мышления и рациональность поведения. Рациональность правового мышления и правового поведения проявляется в способности осознавать правовые тексты, выводить из них релевантные нормы права, оценивать эти нормы и следовать им на основе своего ценностного выбора. Если бы нормы права и следование этим нормам не имели бы ценностного значения в глазах тех, кому эти нормы адресуются, то и права как социального института, реально воздействующего на общественные отношения, не было бы в помине. Смешно и даже нелепо думать, будто бы угроза применения санкций к нарушителям нормы сама по себе могла бы быть достаточным основанием для того, чтобы этой норме всегда следовали. Ведь и установление санкций за совершение каких-либо действий представляет собой акт ценностного выбора, за которым стоят определенные люди со своими интересами⁹⁴. Конечно, угрозами, или даже силой можно заставить людей совершить определенные действия. Но если эти действия, как и применение силы, не имеют никакого ценностного оправдания, они никогда не станут и правовыми действиями, как не станут правовыми действия бандитов, которые с применением силы отбирают чье-то имущество.

Ценностное значение нормы права связывается с должным содержанием самого правила, должным его оформлением (объективацией) и должной его реализацией. Только совокупность или комбинация перечисленных «долженствований» позволяют признать норму и следовать ее предписаниям. Но поскольку и само признание есть, как уже было определено выше, позитивное ценностное отношение субъекта к явлениям внутреннего и внешнего мира, то и правовое призна-

⁹³ Еще раз обращу внимание на то, что принцип взаимного признания раскрывается в истории человеческого общества постепенно. Долгое время он может существовать в своем несовершенном и усеченном виде. От этого он не перестает быть принципом взаимного признания. Как уже было отмечено выше, этот принцип есть везде, где жизнь, свобода и другие основные права признаются за субъектами правовой коммуникации. Но насколько широк будет круг этих участников — это уже проблема раскрытия (осознания и осуществления) данного принципа.

⁹⁴ Любые правовые санкции имеют правовой смысл и оправдание только в том случае, если они вытекают из правовых ценностей и направлены на их защиту.

ние не может быть исключением и также может быть определено как *позитивное ценностное отношение к праву, к его установлениям и к его субъектам*.

Если человек есть существо разумное (рациональное), то и его поведение так же должно быть рациональным, т.е. основанным не на эмоциях и инстинктах, а на ценностном выборе, в рамках которого высшие (наиболее значимые) ценности предпочитаются низшим (менее значимым). Теория рационального (ценностного) выбора разработана и применяется, прежде всего, в экономической теории. С ней тесно связан экономический анализ права, в том числе, теория максимизации благосостояния Р. Познера⁹⁵. Рациональное поведение означает, что человек выбрал тот вариант действия, который он считает необходимым для себя, т.е. наиболее значимым, наиболее ценным здесь и сейчас. Поэтому рациональное поведение — это поведение оптимальное в стратегическом смысле. Оно способствует приобщению к ценностям, а в идеале увеличивает благосостояние человека (максимизирует его благосостояние), дает ему наибольшее количество благ, как духовных, так и материальных⁹⁶.

Под благом как ценностью можно понимать то, что способно удовлетворять запросы, интересы, потребности человека. При этом вопрос о том, в какой степени эти запросы удовлетворяются и на какое время, тесно связан с вопросом о том, существуют ли иерархии ценностей и насколько такие возможные иерархии «объективны»? Представляется, что «объективность» каких-либо ценностей определяется научными данными (в первую очередь — нейронаук), моральной интуицией за «визуалью неведенья», аксиологической очевидностью, рациональной непротиворечивостью.

Ориентация на ценности свойственна любому варианту рационального поведения⁹⁷. В праве мы также имеем дело с рациональным

⁹⁵ См. выше. Особый интерес теория рационального выбора применительно к праву представляет в связи со взглядами Г.С. Беккера, одного из ключевых мыслителей, связанных с Чикагской школой экономического анализа права (см., например: *Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории* / Пер. с англ., сост., научн. ред., послесл. Р.И. Капелюшников. М., 2003).

⁹⁶ Рациональное поведение предпочтительнее по сравнению с иррациональным, но оно не является гарантией того, что максимизация благосостояния всегда будет успешной сама по себе как для отдельного человека, так и для общества в целом.

⁹⁷ Даже в учении Канта о необходимости следовать категорическому императиву исключительно из чувства долга, даже если человек испытывает отвращение

поведением по преимуществу. Право рассчитано на такое поведение, поскольку оно оперирует понятием должного и недолжного (запрещенного), вводит понятия вины и ответственности. Тот, кто находится в сфере права, должен понимать смысл и значение своих действий, соотносить их с нормами права (делать ценностный выбор), руководить своими действиями (волей) и нести ответственность в том случае, если эти действия являются правонарушающими.

Иногда возникают сомнения в том, что любой человек, исполняющий свои правовые обязанности или даже реализующий свои субъективные права, осуществляет ценностный выбор. В качестве примера приводят действия людей, которые вообще не знают действующее законодательство или ведут себя так, как ведет себя большинство, ни на минуту не задумываясь о том, почему они так поступают, и т.д. Но и в этих случаях ценностный выбор неизбежно присутствует. Человек, который действует тем или иным образом, не будучи досконально знаком с законодательством, поступает так потому, что следует своему ценностному выбору, который предписывает ему экономить силы, не тратить их на бесполезное изучение законов, потому что выгоднее (проще и эффективнее) действовать так, как действуют окружающие его люди в подобных ситуациях⁹⁸.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что должное в праве определяется не волей законодателя, а соответствием этой воли тем основополагающим ценностям, без которых само право превращается в ничего не значащий набор знаков на казенной бумаге. Если пра-

к объекту его приложения, его поддерживает получаемая при этом ценность — собственное достоинство, честь и самоуважение (см.: *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Сочинения в шести т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 415).

⁹⁸ В этой связи возникает вопрос о том, в каком степени поведение людей может быть нерациональным или иррациональным. Представляется, что иррациональность поведения в сфере права сильно преувеличена. Имеет смысл говорить не об иррациональности того или иного правового поведения, а о неинформированном ценностном выборе конкретного человека. Например, тот факт, что обыватель чаще всего голосует за популистские законы, говорит не об иррациональности его выбора, а о недостаточном знании подлинного ценностного «веса» предлагаемых популистами мер. Неумение самостоятельно «взвешивать» ценности и видеть их реальный «вес» большинством граждан предполагает существование в любом обществе определенных делиберативных процедур, помогающих находить выход из подобных ситуаций через анализ необходимых аргументов в процессе общественного диалога. Интересные размышления относительно рациональности человеческого поведения можно найти у Г.С. Беккера. См., например: *Becker G.S.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago. 1976; *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории).

во неразрывно связано с поведением и без своего признания (легитимации) нормы права не могут в полной мере быть таковыми (могут не стать действительными), то говорить о состоявшемся праве надо не тогда, когда текстуальное правило создается, формализуется и доводится до сведения адресатов, а тогда, когда адресаты предписанным образом на него отреагируют, т.е. вступят в правовую коммуникацию. Такое возможно в том случае, если ценностное содержание нормы, релевантное и другим нормам правопорядка, будет преобразовано в связанное поведение участников коммуникации на основе их субъективных прав и правовых обязанностей, и уже это поведение позволит переинтерпретировать смысл правовых предписаний⁹⁹.

Конечно, у людей могут существовать и существуют весьма разные ценностные представления. Это факт, с которым невозможно не считаться. Более того, наличие у людей разных ценностей является необходимым и даже желательным обстоятельством, но до известных пределов. Таким пределом являются те ценности, без признания которых невозможно существование самого человеческого общества, включая и всех граждан с их разнообразными ценностями¹⁰⁰. Парадоксально, но верно утверждение, согласно которому само существование разных ценностей у членов общества возможно только при наличии у них и определенных общих ценностей, обеспечивающих не просто выживание людей (тезис Г.Л. Харта¹⁰¹), но достойное выживание, способствующее их развитию и процветанию¹⁰². Только в этом случае возможно развитие и процветание общества, государства, нации, национальной культуры. Если разнообразие ценностей повлечет за собой «войну всех против всех», то этому разнообразию неминуемо при-

⁹⁹ См.: Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. 2-е изд. М., 2016.

¹⁰⁰ Изложенный здесь подход можно сопоставить с экономической теорией поведения Г.С. Беккера. Для последнего «максимизирующее поведение» (максимизация благосостояния) и «стабильность предпочтений» (основные жизненные ценности) являются, наряду с «рыночным равновесием» основой экономического подхода в рамках современного развития идей Чикагской школы экономического анализа права. По Беккеру, и «максимизирующее поведение», и «стабильность предпочтений» могут быть выведены из «концепции естественного отбора пригодных способов поведения в ходе эволюции человека» (Беккер Г.С. Указ. соч. С. 33).

¹⁰¹ См.: Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ. СПб., 2007. С. 194–195.

¹⁰² Об этом писал уже А. Смит, который связывал само существование общества не только с принципом взаимного признания, но и с необходимостью поддерживать на этой основе экономические, моральные и политические отношения. См., например: Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 103 и сл.

дет конец, и утвердится монополия той ценности, которая, победив в этой войне силой, не будет нуждаться и в каком-либо ценностном разнообразии. Но без такого разнообразия невозможно нормальное развитие общества и государства. Поэтому ценностный релятивизм должен иметь границы, за которые ему нельзя переступить¹⁰³. Философия права призвана эти границы определять, выявляя общезначимые ценности, обосновывать, демонстрировать и содействовать их наиболее полной реализации в правовой системе¹⁰⁴.

8. Иерархия принципов права

Как уже было пояснено выше, такими естественными границами права выступают его основные принципы, которые имеют иерархическую структуру. Это означает, что и ценности, которые неразрывно

¹⁰³ Признание этого вывода можно найти и в поздних трудах Г. Кельзена, в которых мыслитель причисляет себя к сторонникам «релятивистской философии справедливости», обладающей «особыми» моральными принципами. В частности, таким принципом Кельзен объявляет принцип относительной толерантности. Он пишет следующее: «Совершенно ясно, что релятивистская философия ценностей не может предписывать абсолютной толерантности; речь может идти только о толерантности в рамках некоего существующего правопорядка, который гарантирует мир путем запрета и предотвращения использования силы теми, кто принадлежит этому правопорядку, но который не запрещает или не препятствует мирному выражению идей... Если демократия является справедливой формой правления, то только потому, что она означает свободу, а свобода означает толерантность. Если демократия перестает быть толерантной, то она перестает быть демократией. Но может ли демократия быть толерантной, защищаясь от антидемократических тенденций? Это возможно в определенных пределах — демократия не должна подавлять мирное выражение антидемократических идей. Именно за счет такой толерантности демократия отличается от автократии» (*Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. С. 372, 373*). Если релятивистская философия ценностей основана на принципе толерантности, который включает ценностные различия, но при условии признания общей всем ценности — взаимного правового признания (нечего иного не может стоять за понятием мира, основанного на неприменении силы и свободе личности), то что можно возразить против такого «позитивистского» подхода? Он ничем принципиально не отличается от концепций «возрожденного естественного права» — естественного права с изменяющимся содержанием.

¹⁰⁴ Судя по всему, такой подход весьма близок методу нормативной реконструкции, на который опирался А. Хоннет. Последний признавался, что принадлежит к традиции, в которой «общественные порядки или общества понимаются как объединяемые общими для всех людей нормами, которые они стремятся удержать, ...мы можем понять различные социальные подсистемы, только учитывая руководящие ими имманентные нормы и принципы» (*Honneth A. Das Recht der Freiheit:*

или относительно связаны с правом, также структурированы и имеют определенную иерархию. Например, нормы закона запрещают покушаться на чужую собственность и предоставляют право заключать сделки; запрещают применять произвольно насилие и предоставляют право свободно выбирать свой образ жизни, сферу интересов и т.д. Эти правила устанавливаются не произвольно, как результат случайного ценностного выбора, а как логические следствия, выводимые из вышестоящих ценностных принципов. Собственность является ценностью и защищается не потому, что когда-то в прошлом имел место факт такой защиты, который впоследствии стал повторяться, а потому, что ценность собственности является производной от ценности человеческой личности, чья способность использовать предметы материального мира в личных целях и придает этим предметам искомую ценность. Но из этого вытекает и то, что ценность человеческой жизни является высшей по сравнению с зависимой от нее и относительной ценностью вещи. Соответственно и право заключать сделки является ценностью не потому, что кто-то когда-то подобные сделки стал заключать, а потому, что такое право логически вытекает из изначальной свободы человека и способности договариваться с другими относительно обмена ценностями, призванными увеличивать (максимизировать) благосостояние каждого участника сделки. Ценность человеческой свободы является основанием для закрепления ценностного значения за правом на заключение сделок. Эту логику можно продолжить в отношении всех правовых норм. Все нормы права как ценностные предписания должны подчиняться (т.е. логически развивать и не противоречить) тем вышестоящим нормам и принципам, которые придают им правовой ценностный смысл. Но и вышестоящие нормы и принципы сами должны иметь нормативное основание для своего существования (действительности), каковым и является принцип взаимного правового признания. Этот принцип не обосновывается никаким высшим принципом. Именно поэтому он играет фактически ту же роль, что и основная норма в «Чистом учении о праве» Ганса Кельзена¹⁰⁵. Но в отличие от представлений Кельзена относительно Grundnorm, принцип взаимного признания имеет отчетливый нормативный смысл и высшую правовую ценность.

Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin, 2011. P. 28. Цит. по: Кукарцева М.А. Аксель Хоннет — социальный теоретик и социолог // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 40).

¹⁰⁵ Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливости и естественное право. С. 168–170.

9. Справедливость как принцип права

Как уже было отмечено, являясь основой права и правопорядка, коммуникативный принцип взаимного правового признания выступает и как основной принцип справедливости права. Можно согласиться с Г. Кельзенем в том, что справедливость есть соответствие некоей норме, которая предусматривает определенное поведение, т.е. устанавливает его в качестве должного. При этом такое поведение состоит «в обращении с другими людьми»¹⁰⁶. Этим критериям вполне соответствует принцип взаимного правового признания, при этом данный принцип необходимо рассматривается как высший, т.е. определяющий собой и справедливость выводимых из него принципов. Поэтому право справедливо в той мере, в какой оно следует принципу взаимного правового признания, в какой оно его развивает и реализует.

Можно ли данный принцип считать пустым и бессодержательным, как полагал Кельзен, приписывая эти качества любым ценностным принципам, претендующим на универсальное значение в праве¹⁰⁷? Думается, что нет. Ведь из этого принципа, в соответствии с логикой того же Кельзена, можно вывести все остальные принципы права, соответствующие его представлению о статичной правовой системе¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливости и естественное право. С. 378.

¹⁰⁷ См.: Поляков А.В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, естественное право и справедливость: взгляд коммуникативиста // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: Сборник трудов международной научной конференции. Саратов, 2019. С. 205–224. Как представляется, аргументы Кельзена против справедливости, определяющей собой право, и изложенные им в своих основных трудах, «не работают» применительно к обсуждаемому принципу взаимного правового признания. См., например: Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. С. 339–374; Кельзен Г. Проблема справедливости // Там же. С. 375–496.

¹⁰⁸ См., например: Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. С. 165–166. В этой связи интересны поздние (послевоенные) размышления австрийского правоведа, дополнительно проливающие свет на его представления о справедливости: «Я не знаю, — пишет Кельзен, — и не могу сказать, что есть справедливость — та справедливость, по которой тоскует человечество. Я вынужден согласиться на относительную справедливость и могу лишь сказать, что является справедливостью для меня. Поскольку моей профессией является наука и поскольку она — важнейшая вещь в моей жизни, то справедливостью является тот социальный строй, под защитой которого может процветать поиск истины. Тогда “моей” справедливостью является справедливость свободы, справедливость мира, справедливость демократии — справедливость терпимости»

Кратко об этом уже было сказано выше. Отмечу еще раз, что взаимность правового признания предполагает ценность каждой человеческой личности в качестве высшей правовой ценности именно потому, что само существование права невозможно без признания уникальной человеческой личности в качестве автономного правового центра, чья автономия поддерживается и определяется солидарной автономией всех других таких же личностей.

Отсюда же, как было показано выше, выводятся правовая *свобода (права человека)*¹⁰⁹ и формальное (правосубъектное) *равенство, достоинство* и разновидности правовой справедливости: *ответственность (обязанности человека), солидарность* и сама идея *правопорядка*¹¹⁰.

Все эти принципы являются основаниями для своей конкретизации как в отношении определения границ человеческой свободы и представлений о равенстве, так и при определении человеческого достоинства и взглядов на правовую и социальную справедливость. Этот же принцип является основанием для понимания меры и границ

(Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. С. 374). Мне представляется, что и эти представления о справедливости Кельзена могли бы быть реализованы там, где принцип справедливости как взаимного правового признания был бы полноценно реализован. Действительно, поиск истины может процветать только при том условии, если в соответствующем обществе защищается свобода такого поиска как право каждого человека. Но свобода поиска истины в качестве права человека на свободу слова, мнений и совести возможна, в свою очередь, только при взаимном признании правосубъектности каждого как условия существования любого правопорядка.

¹⁰⁹ Ср.: «Понятие прав человека тем и было дорого, что оно указывало на такую безусловность, на такой неотъемлемый признак в субъекте прав — на нечто такое, из чего все требования справедливости могли выводиться с внутренней обязательностью нормальной логики» (Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. С. 565).

¹¹⁰ Ср. с определением права Р. Алекси: «Право — это система норм, которая 1) содержит в себе притязание на правильность; 2) состоит из совокупности норм, которые принадлежат в общем и целом к социально действенной конституции и не являются крайне несправедливыми, а также из совокупности установленных в соответствии с этой конституцией норм, которые обладают определенным минимумом социальной действенности или потенциальной возможности такой действенности и не являются крайне несправедливыми; и, наконец, 3) включает в себя принципы и иные нормативные аргументы, на которых основывается и/или должна основываться процедура правоприменения, чтобы соответствовать притязанию на правильность» (Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А. Лаптева, Ф. Кальшойера. М., 2011. С. 157). Притязание на правильность можно рассматривать как слабый аналог принципа взаимного правового признания.

человеческой ответственности и правовых обязанностей, отражающих принцип солидарности¹¹¹.

10. Заключение

Справедливость применительно к праву в рамках коммуникативного подхода следует понимать как необходимость следовать принципам права. Если все принципы права выводимы из основного принципа, то и следование этим принципам будет выражением справедливости. И наоборот, любое нарушение принципов права будет проявлением несправедливости и правонарушающим действием.

Признание трансцендентальной (статичной — в терминологии Кельзена) системы основных принципов права позволит дедуцировать из них вторичные принципы и нормы права, в том числе применительно к российской правовой системе. В настоящий момент, анализируя действующее российское законодательство и правоприменительную практику, сложно понять, какие представления о системе принципов права в них воплощены. Об этом же говорит и анализ существующих учебников по теории государства и права. Какие-то принципы присутствуют у большинства авторов, какие-то встречаются эпизодически или игнорируются. Между обозначенными принципами нет ни единства аксиологического, ни единства онтологического. Само наличие тех или иных принципов права в этих учебниках никак не объяснено, не лучше обстоят дела и в серьезных монографиях.

Вариантом выхода из этой ситуации могло бы быть переосмысление самого понятия «принцип права» на основе коммуникативного подхода и идеологии взаимного правового признания. Культуры взаимного правового признания явно не хватает российскому правосознанию. По-видимому, настало время продолжить то дело, которое не успели завершить российские сторонники «возрожденного естественного права» более 100 лет тому назад. К самой идее «ребрендинга» естественного права можно относиться по-разному. Можно видеть в естественном праве определенную философскую концепцию, которая должна служить оправданием праву позитивному и являться для него своеобразным компасом, по которому необходимо всегда сверяться. Можно придавать естественному праву непосредственно пра-

¹¹¹ См., например: *Поляков А.В.* Основной принцип права и проблема обоснования универсальных правовых ценностей // *Философия и психология права: современные проблемы. Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.И. Жукова.* Отв. ред. А.Б. Дидикин. М., 2018. С. 159–162.

новой смысл, реализующийся помимо воли государства в основных принципах и институтах права и естественных правах человека. Можно эти идеи даже совмещать, что имеет место в коммуникативном подходе. С ними нельзя сделать только одно — их нельзя «закатать в асфальт» и тем самым «поставить на них крест». Все попытки, которые имели место в этом отношении в России, начиная со времен А.П. Куняцины и заканчивая сегодняшним днем, приводили лишь к тому, что сквозь «асфальт» самовластия все равно рано или поздно пробивались живые ростки человеческой свободы, равенства, ответственности, достоинства — всего того, что является следствием взаимного признания. Чтобы ускорить этот процесс, сделать его перманентным, идея должна стать идеологией. Одного формального закрепления в Конституции РФ ряда статей, соответствующих представлению о правовом государстве, в частности, ст. 2, провозглашающей права и свободы человека высшей ценностью, а обязанностью государства — их признание, соблюдение и защиту, явно недостаточно. Нужны серьезные усилия на уровне общества и самой власти для того, чтобы «вращивать» в нем идеологию прав и свобод человека как идеологию взаимного правового признания, рассматривая ее как одну из основ российской духовной и интеллектуальной жизни, вектор совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011.

Апресян Р.Г. Важность идеи признания для понимания морали // Проблемы этики: Философско-этический альманах. Выпуск V. Часть I: Материалы конференции «Моральная ответственность в современном мире», посвященной 75-летию академика РАН А.А. Гусейнова / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.В. Разина, И.А. Авдеевой. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 55–67.

Апресян Р.Г. Генезис золотого правила // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 39–49.

Апресян Р.Г. Золотое правило // Этика: новые старые проблемы. К шестидесятилетию Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 1999. С. 9–29.

Апресян Р.Г. Коммуникативный источник морального долженствования // Этическая мысль. Вып. 11. М.: Институт философии РАН, 2011. С. 5–29.

Апресян Р.Г. Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 75–90.

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

Бауэр И. Принцип человечности. Почему мы по своей природе склонны к кооперации / Пер. с нем. И. Тарасовой. СПб.: Издательство Вернера Регена, 2009.

Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Пер. с англ., сост., научн. ред., послесл. Р.И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Бубер М. Проблема человека / Пер. с нем. Н. Кушнира. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998.

Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М.: Высшая школа, 1993.

Буллер А. Понятие «совесть» в нравственной философии Владимира Соловьева // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / Под ред. Н.С. Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. С. 173–184.

Ван ден Бринк Б. Парадигма признания в современной философии / Пер. с англ. А.С. Меньшикова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 5–15.

Вдовина И.С. Признание — категория духовная // Рикёр П. Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 249–261.

Волкова С.В., Малышева Н.И., Поляков А.В., Юдина М.И. А.П. Куницын и проблемы формирования российской идеи правовой справедливости // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 99–106.

Вышеславцев Б.П. Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2010.

Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. М.: Мысль, 1979.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вст. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000.

Денисенко В.В. Легитимность права: теоретико-правовое исследование. Дисс. ... док. юрид. наук. СПб., 2021.

Дорохин В.С. Ричард Познер и его теория максимизации благосостояния // Правоведение. 2017. № 3. С. 28–45.

Дорохин В.С., Поляков А.В. О некоторых идейных источниках теории максимизации богатства Ричарда Познера: Адам Смит и Иеремия Бентам // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 4. С. 683–696.

Заковоротная М.В. Стратегии социального и культурного признания в эпоху постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 6. С. 27–35.

Зиновьева А.А. Диалог с Другим: М. Бубер и М.М. Бахтин // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 40–49.

Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 149–414.

Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994.

Исаков А.Н. Человек как признание Другого: проблема интерсубъективности в философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/isakov/chelovek-kak-priznanie-drugogo-problema-intersubektivnosti-v-filosofskoy-antropologii> (дата обращения: 14.08.2021).

Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 311–504.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 219–310.

Кельзен Г. Проблема справедливости / Пер. с нем. М.В. Антонова // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. С. 375–496.

Кельзен Г. Что есть справедливость? / Пер. с нем. М.В. Антонова // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. С. 339–374.

Кожев А. Очерк феноменологии права: глава I // Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Практикс, 2006. С. 295–322.

Кожуховский П.С. Признание и культурная деформация личности в философии Нэнси Фрейзер // Философская мысль. 2017. № 11. С. 77–82. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.11.21107

Кожуховский П.С. Концепция трех измерений Акселя Хоннета // Философская мысль. 2016. № 2. С. 91–104. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17717

Кукарцева М.А. Аксель Хоннет — социальный теоретик и социолог // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 38–45.

Лехциер В.Л. Вступление в разговор: заметки о коммуникативном признании // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 37–44.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955.

Михайлов И.А. «Борьба за признание». Идея признания в социально-критической теории А. Хоннета // Западная философия конца XX — начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Отв. ред. И.И. Блауберг. М.: ИФРАН, 2012. С. 64–102.

Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.

Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.

Новгородцев П.И. Право естественное // Энциклопедический словарь. Т. XXIV-а. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1898. С. 885–890.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–130.

Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980.

Познер Р.А. Утилитаризм, экономика и теория права // Правоведение. 2017. № 3. С. 46–89.

Поляков А.В. «Возрожденное естественное право» в России (критический анализ основных концепций): Дисс. ... канд. юрид. наук. Л.: ЛГУ, 1987.

Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. 2-е изд. М.: Проспект, 2016.

Поляков А.В. Основной принцип права и проблема обоснования универсальных правовых ценностей // Философия и психология права: современные проблемы. Сборник научных трудов / Под общ. ред. В.И. Жукова. Отв. ред. А.Б. Дишкин. М., 2018. С. 159–162.

Поляков А.В. Чистое учение о праве Ганса Кельзена, естественное право и справедливость: взгляд коммуникативиста // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: Сборник трудов международной научной конференции. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 205–224.

Прибыткова Е.А. Человеческое достоинство и справедливость у И. Канта, Вл. Соловьева и Дж. Ролза // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / Под ред. Н.С. Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. С. 196–220.

Рикёр П. Путь признания. Три очерка / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. М.: Юрлитинформ, 2020.

Смирнова Т.В. Концепция признания в свете христианской антропологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 30–38.

Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.

Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 562–581.

Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 441–479.

Соловьев Вл. Кант // Энциклопедический словарь. Т. XIV. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1895. С. 321–339.

Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.

Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.

Татарникова Ю.М. Теория признания в соотношении морали и права в немецком идеализме: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М.: РУДН, 2009.

Тетеркин А. Анализ нормативной грамматики социальной жизни в теории борьбы за признание // Топос. 2009. № 1 (21). С. 60–76.

Тухиян В.А. Проблема признания в политической философии Ч. Тэйлора // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 4. С. 161–163.

Феррони В.В. Признание как путь к Другому (концепт признания и фигура Другого в философии П. Рикёра) // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 76–89.

Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 183–559.

Франк С.Л. «Я» и «Мы» (К анализу общения) // История философии. 2010. № 15. С. 246–264.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Издательство АСТ, 2016.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Фуллер Л.Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007.

Фурс В.Н. Борьба за признание и моральный прогресс общества в концепции А. Хоннета // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 159–171.

Фурс В.Н. Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ, 2006.

Фурс В.Н. Феменистски-социалистическая критическая теория позднего капитализма Н. Фрейзер // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 89–226.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007.

Хёффе О. Справедливость: Философское введение / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова под ред. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2007.

Хёффе О. Справедливость как обмен? О политическом проекте современности // Политическая философия в Германии: Сборник статей. М.: Современные тетради, 2005. С. 274–286.

Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / Пер. с нем. Вл. С. Малахова при участии Е.В. Малаховой. М.: Гнозис, 1994.

Хоннет А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. 2009. Вып. 1 (29). С. 79–91. DOI: 10.5922/0207-6918-2009-1-8

Циплакова Ю.В. Установка признания как ответ на вызов индивидуализма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 18–29.

Шавеко Н.А. Категорические правовые принципы в эпоху постмодерна. Интервью с профессором Отфридом Хёффе // Кантовский сборник. 2018. Т. 37. № 1. С. 62–73. DOI: 10.5922/0207-6918-2018-1-4

Щитцова Т.С. За границами признания: к хоннетовской актуализации Гегеля // Топос. 2009. № 1. С. 33–52.

Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / Пер. с франц. И.С. Вдовина, Г.В. Вдовина, Л.Б. Комиссарова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2015.

Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, изд-во «Алетейя», 1999.

Becker G.S. Altruism, Egoism and Genetic Fitness: Economics and Sociobiology // Journal of Economic Literature. 1976. Vol. 14. No. 3. P. 817–826.

Becker G.S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, 1976.

Finnis J.M. Law and moral truth: a philosophical response to seven questions // Правоведение. 2017. № 5. С. 202–217.

Frank S. “Ich” and “Wir” // Der russische Gedanke. Bonn, 1929. Heft I. S. 49–62.

Fuller L.L. The Morality of Law. Revised edition. New Haven and London: Yale University Press, 1969.

Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin: Suhrkamp, 2011.

Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischer Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992.

Sigwart H.-Y. Axel Honneth, Kampf um Anerkennung (1992) // Geschichte des politischen Denkens. Das 20 Jahrhundert / Herausgeg. von M. Brouck. Berlin: Suhrkamp, 2018. S. 789–804.

REFERENCES

Alexy, R. (2011). *Ponyatie i deistvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [The Concept and Validity of Law (Response to Legal Positivism)]. Translated from German by A. Laptev, F. Kalshoyer. Moscow: Infotropik Media. (in Russ.).

Apresyan, R.G. (1999). Zolotoe pravilo [Golden Rule]. In: R.G. Apresyan, ed. *Etika: novye starye problemy. K shestidesyatiletiju Abdusalama Abdulkirimovicha Guseinova* [Ethics: New Old Problems. On the Occasion of the Sixtieth Birthday of Abdusalam Abdulkirimovich Huseynov]. Moscow: Gardariki, pp. 9–29. (in Russ.).

Apresyan, R.G. (2011). Kommunikativnyi istochnik moral'nogo dolzhenstvovaniya [A communicative source of moral obligation]. *Eticheskaya mysl', Vypusk 11* [Ethical Thought, Issue 11]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, pp. 5–29. (in Russ.).

Apresyan, R.G. (2012). Fenomen vzaimnosti: kommunikativnye i normativnye predposylki istoricheskogo formirovaniya morali [The Phenomenon of Reciprocity: Communicative and Normative Preconditions for the Historical Formation of Morality]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], (1), pp. 75–90. (in Russ.).

Apresyan, R.G. (2013). Genezis zolotogo pravila [Genesis of the Golden Rule]. *Vo-prosy filosofii* [Philosophical Issue] (10), pp. 39–49. (in Russ.).

Apresyan, R.G. (2015). Vazhnost' idei priznaniya dlya ponimaniya morali [The Importance of the Idea of Recognition for Understanding Morality]. In: A.V. Razin, I.A. Avdeeva, ed. *Problemy etiki: Filosofsko-eticheskii al'manakh. Vypusk V. Chast' I: Materialy konferentsii «Moral'naya otvetstvennost' v sovremennom mire», posvyashchennoi 75-letiyu akademika RAN A.A. Guseinova* [Problems of Ethics: Philosophical and Ethical Almanac. Release V. Part I: Proceedings of the Conference “Moral Responsibility in the Modern World” Dedicated to the 75th Anniversary of the Academician of the Russian Academy of Sciences A.A. Huseynov]. Moscow: Publisher A.V. Vorobiev, pp. 55–67. (in Russ.).

Aristotle. (1983). Politika [Politics]. In: Aristotel'. *Sochineniya v 4 tomah. T. 4.* [Aristotle. Works in 4 volumes. Vol. 4]. Moscow: Mysl', pp. 375–644. (in Russ.).

Austin, J. (1986). Slovo kak deistvie [Word as Action]. In: B. Yu. Gorodetsky, ed. *No-voe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17* [New in Foreign Linguistics. Edition 17]. Moscow: Progress, pp. 22–130.

Bauer, I. (2009). *Printsip chelovechnosti. Pochemu my po svoei prirode sklonny k kooperatsii* [The Principle of Humanity. Why We are Inherently Cooperative]. Translated from German by I. Tarasova. St. Petersburg: Publ. Vernerer Regena. (in Russ.).

Becker G.S. (1976). Altruism, Egoism and Genetic Fitness: Economics and Sociobiology. *Journal of Economic Literature*, 14, (3), pp. 817–826. (in Eng.).

Becker, G.S. (2003). *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii* [Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory]. Translation from English, compilation, scientific. ed., afterword. R.I. Kapelyushnikova. Moscow: State University Higher School of Economics. (in Russ.).

Buber, M. (1993). *Ya i Ty* [Me and You]. Translated from German by Yu. S. Terent'ev, N. Feingold. Moscow: Higher School. (in Russ.).

Buber, M. (1998). *Problema cheloveka* [Human Problem]. Translated from German by N. Kushnir. Kiev: Nika-Centr, Vist-S. (in Russ.).

Buller, A. (2011). Ponyatie «sovest'» v npravstvennoi filosofii Vladimira Solov'eva [The Concept of “Conscience” in the Moral Philosophy of Vladimir Solovyov]. In: N.S. Plotnikov, ed. «*Pravda*»: *diskursy spravedlivosti v russkoi intellektual'noi istorii* [“Pravda”: Discourses of Justice in Russian Intellectual History]. Moscow: Kljuch-S, pp. 173–184. (in Russ.).

Denisenko, V.V. (2021). *Legitimnost' prava: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Legitimacy of Law: Theoretical and Legal Research]. The Doctor of Legal Sciences Thesis. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (in Russ.).

Dorokhin, V.S. (2017). Richard Pozner i ego teoriya maksimizatsii blagosostoyaniya [Richard Posner and His Theory of Wealth Maximization]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (3), pp. 28–45. (in Russ.).

Dorokhin, V.S., Polyakov, A.V. (2020). O nekotorykh ideinykh istochnikakh teorii maksimizatsii bogatstva Richarda Poznera: Adam Smit i Ieremiya Bentam [On Some Ideological Sources of Richard Posner's Wealth Maximization Theory: Adam Smith and Jeremiah Bentham]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 14 (4), pp. 683–696. (in Russ.).

Feroni, V.V. (2019). Priznanie kak put' k Drugomu (kontsept priznaniya i figura Drugogo v filosofii P. Rikera) [Recognition as a Path to the Other (the Concept of Recognition and the Figure of the Other in the Philosophy of P. Ricoeur)]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*. [VSU Bulletin. Series: Philosophy], (3), pp. 76–89. (in Russ.).

Finnis, J.M. (2017). Law and moral truth: a philosophical response to seven questions. *Jurisprudence*, 5, pp. 202–217. (in Eng.).

Frank S. (1929). «Ich» und «Wir» [“I” and “We”]. *Der russische Gedanke* [Russian Thought]. Bonn, v. 1, pp. 49–62. (in Germ.).

Frank, S.L. (1990). Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii [Incomprehensible. Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. In: S.L. Frank. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda Publishing House, pp. 183–559. (in Russ.).

Frank, S.L. (2010). «Ya» i «My» (K analizu obshcheniya) [“I” and “We” (To the Analysis of Communication)]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], (15), pp. 246–264. (in Russ.).

Fromm, E. (2016). *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness]. Translated from German by E.M. Telyatnikova. Moscow: Publishing House AST. (in Russ.).

Fukuyama, F. (2004). *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Translated from English by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: OOO «Publishing House ACT»; ZAO NPP «Ermak». (in Russ.).

Fuller L.L. (1969). *The Morality of Law*. Revised edition. New Haven and London: Yale University Press.

Fuller, L.L. (2007). *Moral' prava* [The Morality of Law]. Translated from English by T. Danilova, edited by A. Kuryaev. Moscow: IRISJeN. (in Russ.).

Furs, V.N. (2004). Femenistski-sotsialisticheskaya kriticheskaya teoriya pozdnego kapitalizma N. Freizer [The Feminist Socialist Critical Theory of Late Capitalism N. Fraser]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. [Policy. Political Studies], (6), pp. 89–226. (in Russ.).

Furs, V.N. (2005). Bor'ba za priznanie i moral'nyi progress obshchestva v kontseptsii A. Khonneta [Struggle for Recognition and Moral Progress of Society in the Concept of A. Honneth]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions], (1) pp. 159–171. (in Russ.).

Furs, V.N. (2006). *Sotsial'naya filosofiya v nepopulyarnom izlozhenii* [Social Philosophy in an Unpopular Explanation]. Vilnius: EGU. (in Russ.).

Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenевtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translation from German, general edition and introductory article by B.N. Bessonov. Moscow: Progress. (in Russ.).

Gaidenko, P. P. (1979). *Filosofiya Fikhte i sovremennost'* [Fichte's Philosophy and Modernity]. Moscow: Mysl'. (in Russ.).

Hart, H.L.A. (2007). *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. Translation from English. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Publ. (in Russ.).

Hegel, G.V.F. (1970). *Raboty raznykh let*. [Works of Different Years]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl'. (in Russ.).

Hegel, G.V.F. (2000). *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit]. Translated from German by G.G. Shpet. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Heidegger, M. (2001). *Osnovnye problemy fenomenologii* [The Main Problems of Phenomenology]. Translated from German by A.G. Chernyakov. St. Petersburg: Higher Philosophical School. (in Russ.).

Henaff, M. (2015). *Dar filosofov. Pereosmyslenie vzaimnosti* [The Gift of the Philosophers. Rethinking Reciprocity]. Translated from French by I.S. Vdovina, G.V. Vdovin, L.B. Komissarov. Moscow: Humanitarian Literature Publishing House. (in Russ.).

Höffe, O. (1994). *Politika. Pravo. Spravedlivost'*. *Osnovopolozheniya kriticheskoi filosofii prava i gosudarstva* [Politics. Law. Justice. Foundations of Critical Philosophy of Law and State]. Translated from German by Vl. S. Malakhov with the participation of E.V. Malakhova. Moscow: Gnozis. (in Russ.).

Höffe, O. (2005). *Spravedlivost' kak obmen? O politicheskom proekte sovremennosti* [Justice as an Exchange? About the Political Project of Our Time]. In: *Politicheskaya filozofiya v Germanii: Sbornik statei* [Political Philosophy in Germany: Collected Articles]. Moscow: Modern Notebooks, pp. 274–286. (in Russ.).

Dmitrieva, T.A. ed. (2007). Höffe, O. *Spravedlivost': Filosofskoe vvedenie* [Justice: A Philosophical Introduction]. Translated from German by O.V. Kildyushov. Moscow: Praxis. (in Russ.).

Honneth, A. (2009). *Nevidimost'. O moral'noi epistemologii priznaniya* [Invisibility. On the Moral Epistemology of Recognition]. *Kantovskii sbornik* [Kantian Collection], 1 (29), pp. 79–91. DOI: 10.5922/0207-6918-2009-1-8 (in Russ.).

Honneth, A. (1992). *Kampf um Anerkennung. Zur moralischer Grammatik sozialer Konflikte*. Frankfurt/M.: Suhrkamp. (in German.).

Honneth A. (2011). *Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit*. Berlin: Suhrkamp. (in German.).

Ilyin, I.A. (1994) *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Legal Consciousness]. In: *Il'in, I.A. Sobranie sochinenij: V 10 t.* [Ilyin I.A. Collected works: In 10 volumes]. V. 4. Moscow: Russian Book, pp. 149–414. (in Russ.).

Ilyin, I.A. (1994). *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka.a* [Hegel's Philosophy as a Doctrine of the Concreteness of God and Man]. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.).

Isakov, A.N. *Chelovek kak priznanie Drugogo: problema intersub"ektivnosti v filosofskoi antropologii* [Man as recognition of the Other: the problem of intersubjectivity in philo-

sophical anthropology] [online]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/isakov/chelovek-kak-priznanie-drugogo-problema-intersubektivnosti-v-filosofskoy-antropologii> [Accessed: 14.08.2021]. (in Russ.).

Kant, I. (1965). *Kritika prakticheskogo razuma* [Criticism of Practical Reason]. In: Kant, I. *Sochineniya v shesti tomah* [Works in Six Volumes]. V. 4. P. 1. Moscow: Mysl', pp. 311–504. (in Russ.).

Kant, I. (1965). *Osnovy metafiziki nravstvennosti* [Foundations of the Metaphysics of Morality]. In: Kant, I. *Sochineniya v shesti tomah* [Works in Six Volumes]. V. 4. P. 1. Moscow: Mysl', pp. 219–310. (in Russ.).

Kelsen, G. (2015). *Chto est' spravedlivost'?* [What is Justice?]. Translated from English by M.V. Antonov. In: *Gans Kel'zen: chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Hans Kelsen: Pure Doctrine of Law, Justice and Natural Law]. St. Petersburg: Alef-Press, pp. 339–374.

Kelsen, G. (2015). *Problema spravedlivosti* [The Problem of Justice]. Translated from German by M.V. Antonov, S.V. Lyozov. In: *Gans Kel'zen: chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Hans Kelsen: Pure Doctrine of Law, Justice and Natural Law]. St. Petersburg: Alef-Press, pp. 375–496.

Kojève, A. (2006). *Ocherk fenomenologii prava: glava I* [Essay on the Phenomenology of Law: Chapter I]. In: Kojève, A. (2006). *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other Works] Translated from French by A.M. Rutkevich. Moscow: Praxis, pp. 295–322. (in Russ.).

Kozhukhovskiy, P.S. (2016). *Kontseptsiya trekh izmereniy Akselya Khonneta* [Axel Honneth's Concept of Three Dimensions]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], (2), pp. 91–104. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17717 (in Russ.).

Kozhukhovskiy, P.S. (2017). *Priznanie i kul'turnaya deformatsiya lichnosti v filosofii Nensi Freizer* [Recognition and Cultural Deformation of Personality in the Philosophy of Nancy Fraser]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], (11), pp. 77–82. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.11.21107 (in Russ.).

Kukartseva, M.A. (2014). *Aksel' Khonnet — sotsial'nyi teoretik i sotsiolog* [Axel Honneth — Social Theorist and Sociologist]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (4), pp. 38–45. (in Russ.).

Lehtsier, V.L. (2014). *Vstuplenie v razgovor: zametki o kommunikativnom priznani* [Entering a Conversation: Notes on Communicative Recognition]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Samara State University Bulletin], 5 (116), pp. 37–44. (in Russ.).

Marx, K. (1955). *Kapital* [Capital]. In: Marx, K. and Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2 ed. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.).

Mikhailov, I.A. (2012). «Bor'ba za priznanie». *Ideya priznaniya v sotsial'no-kriticheskoi teorii A. Khonneta* [“Struggle for Recognition”. The Idea of Recognition in the Social-critical Theory of A. Honneth]. In: Blauberg, I.I. (2012). *Zapadnaya filosofiya kontsa XX — nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendentsii* [Western Philosophy of the late XX — early XXI century. Ideas. Problems. Trends]. Moscow: IFRAN, pp. 64–102. (in Russ.).

Moss, M. (2011). *Opyt o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh* [Experience about the Gift. Form and Basis of Exchange in Archaic Societies].

In: Moss, M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Translated from French by A.B. Hoffmann. Moscow: KDU, pp. 134–285. (in Russ.).

Novgorodtsev, P.I. (1898). Pravo estestvennoe [Natural Law]. In: Brockhaus, F.A. and Efron, I.A. (1898). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. V. XXIV-a, pp. 885–890. (in Russ.).

Novgorodtsev, P.I. (1991). *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow: Press. (in Russ.).

Pashukanis, E.B. (1980). *Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva* [Selected Works on the General Theory of Law and State]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Polyakov, A.V. (1987). «Vozrozhdennoe estestvennoe pravo» v Rossii (kriticheskii analiz osnovnykh kontseptsii) [“Revived Natural Law” in Russia (Critical Analysis of Basic Concepts)]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Leningrad: Leningrad State University. (in Russ.).

Polyakov, A.V. (2016). *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda. 2-e izd* [General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of a Communicative Approach. 2 ed.]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Polyakov, A.V. (2018). Osnovnoi printsip prava i problema obosnovaniya universal'nykh pra-vovykh tsennostei [The basic principle of law and the problem of substantiating universal legal values]. In: Didikin, A.B. ed. *Filosofiya i psikhologiya prava: sovremennye problemy. Sbornik nauch-nykh trudov* [Philosophy and psychology of law: modern problems. Collection of scientific works]. Moscow, 2018, pp. 159–162. (in Russ.).

Polyakov, A.V. (2019). Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena, estestvennoe pravo i spravedlivost': vzglyad kommunikativista [Hans Kelsen's Pure Doctrine of Law, Natural Law and Justice: A Communicative Perspective]. In: *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie — 6. Normy myshleniya, vospriyatiya, povedeniya: skhodstvo, razlichie, vzaimosvyaz': sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Human World: Normative Dimension — 6. Norms of Thinking, Perception, Behavior: Similarity, Difference, Interconnection: Collection of Proceedings of an International Scientific Conference]. Saratov: FGBOU VO «Saratov State Law Academy» Publ. (in Russ.).

Posner, R.A. (2017). Utilitarizm, ekonomika i teoriya prava [Utilitarianism, Economics and Theory of Law]. *Izvestiya russkikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (3), pp. 46–89. (in Russ.).

Pribytkova, E.A. (2011). Chelovecheskoe dostoinstvo i spravedlivost' u I. Kanta, VI. Solov'eva i Dzh. Rolza [Human Dignity and Justice in I. Kant, VI. Soloviev and J. Rawls]. In: Plotnikov, N.S.ed. «Pravda»: diskursy spravedlivosti v russkoi intellektual'noi istorii [“Pravda”: Discourses of Justice in Russian Intellectual History]. Moscow: Kluch-S, pp. 196–220. (in Russ.).

Ricoeur, P. (2010). *Put' priznaniya. Tri ocherka* [The Path of Recognition. Three Essays]. Translated from French by I.I. Blauberg, I.S. Vdovina. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPJeN). (in Russ.).

Shaveko, N.A. (2018). Kategoricheskie pravovye printsipy v epokhu postmoderna. In-terv'y u s professorom Otfridom Kheffe [Categorically Legal Principles in the Postmodern

Era. Interview with Professor Otfried Höffe]. *Kantovskii sbornik* [Kantian Collection], 37, (1), pp. 62–73. DOI: 10.5922/0207-6918-2018-1-4 (in Russ.).

Shchitzova, T.S. (2009). Za granitsami priznaniya: k khonnetovskoi aktualizatsii Gегel'ya [Beyond the Boundaries of Recognition: Toward Honneth's Actualization of Hegel]. *Topos* [Topos], (1), pp. 33–52. (in Russ.).

Sigwart H.-Y. (2018). Axel Honneth, Kampf um Anerkennung (1992) [Axel Honneth, Fight for Recognition (1992)]. In: M. Brocker, ed. *Geschichte des politischen Denkens. Das 20 Jahrhundert* [History of Political Thought. The 20th century]. Berlin: Suhrkamp, pp. 789–804. (in German.).

Slyshchenkov, V.A. (2020). *Pravo i npravstvennost': razlichiya ponyati* [Law and Morality: Differences in Concepts]. Moscow: Jurlitinform. (in Russ.).

Smirnova, T.V. (2014). Kontseptsiya priznaniya v svete khristianskoi antropologii [The Concept of Recognition in the Light of Christian Anthropology]. *zvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences], 2 (128), pp. 30–38. (in Russ.).

Smith, A. (1997). *Teoriya npravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Moscow: Respublika. (in Russ.).

Soloviev, V.S. (1990). Kant [Kant]. In: Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 tomah* [Soloviev, V.S. Essays in 2 volumes]. V. 2. Moscow: Mysl', pp. 441–479. (in Russ.).

Soloviev, V.I. (1895). Kant [Kant]. In: Brockhaus, F.A. and Efron, I.A. (1898). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. V. XIV, pp. 321–339. (in Russ.).

Soloviev, V.S. (1990). Opravdanie dobra. Npravstvennaya filosofiya [Justifying Good. Moral Philosophy]. In: Solov'ev, V.S. *Sochineniya* [Soloviev, V.S. Essays in 2 volumes]. V. 1. Moscow: Mysl', pp. 47–580. (in Russ.).

Tatarnikova, Yu.M. (2009). *Teoriya priznaniya v sootnoshenii morali i prava v nemetskom idealizme* [The Theory of Recognition in the Relationship between Morality and Law in German Idealism]. The Candidate of Philosophical Sciences Thesis. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (in Russ.).

Teterkin, A. (2009). Analiz normativnoi grammatiki sotsial'noi zhizni v teorii bor'by za priznanie [Analysis of the Normative Grammar of Social Life in the Theory of the Struggle for Recognition]. *Topos* [Topos], pp. 60–76. (in Russ.).

Tsiplakova, Yu.V. (2014). Ustanovka priznaniya kak otvet na vyzov individualizma [Setting Recognition as a Response to the Challenge of Individualism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3. Social sciences], 2 (128), pp. 18–29. (in Russ.).

Tukhikyan, V.A. (2016). Problema priznaniya v politicheskoi filosofii Ch. Teilora [The Problem of Recognition in the Political Philosophy of Charles Taylor]. *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya*, (4), pp. 161–163. (in Russ.).

Van den Brink, B. (2014). Paradigma priznaniya v sovremennoi filosofii [The Paradigm of Recognition in Modern Philosophy]. Translation from English. A.S. Menshikova. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3. Social sciences], 2 (128), pp. 5–15. (in Russ.).

Vdovina, I.S. (2010). Priznanie — kategoriya dukhovnaya [Recognition is a Spiritual Category]. In: Rikjor, P. *Put' priznaniya. Tri ocherka* [Riker P. The Way of Recognition. Three essays]. Translated from French by I.I. Blauberg, I.S. Vdovina. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPJeN), pp. 249–261. (in Russ.).

Volkova, S.V., Malysheva, N.I., Polyakov, A.V., Yudina, M.I. (2020). A.P. Kunitsyn i problemy formirovaniya rossiiskoi idei pravovoi spravedlivosti [A.P. Kunitsyn and the Problems of the Formation of the Russian Idea of Legal Justice]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [TSU Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science], (56), pp. 99–106. (in Russ.).

Vysheslavtsev, B.P. (2010). *Etika Fikhte: Osnovy prava i npravstvennosti v sisteme transsental'noi filosofii* [Fichte's Ethics: Foundations of Law and Morality in the System of Transcendental Philosophy]. Ed. 2. Moscow: KRASAND. (in Russ.).

Yashchenko, A.S. (1999). *Filosofiya prava Vladimira Solov'eva. Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva* [The Philosophy of Law of Vladimir Solovyov. The Theory of Federalism. The Experience of the Synthetic Theory of Law and State]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, publishing house "Aletheia". (in Russ.).

Zakovorotnaya, M.V. (2016). Strategii sotsial'nogo i kul'turnogo priznaniya v epokhu postmoderna [Strategies for Social and Cultural Recognition in the Postmodern Era]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], (6), pp. 27–35. (in Russ.).

Zinovieva, A.A. (2011). Dialog s Drugim: M. Buber i M.M. Bahtin [Dialogue with the Other: M. Buber and M.M. Bakhtin]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences], (1), pp. 40–49. (in Russ.).

СВЕЛЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Поляков Андрей Васильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

AUTHOR'S INFO

Andrey V. Polyakov — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov

FOR CITATION:

Polyakov, A.V. (2021). The Principle of Mutual Legal Recognition: Russian Philosophical and Legal Tradition and Communicative Approach to Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 39–101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov

КАРЭН ВЛАДИМИРОВИЧ АГАМИРОВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: agamirow@yandex.ru
SPIN-код: 4520-6749

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-agamirov

ВЗАИМНОЕ САМООГРАНИЧЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН КАК УСЛОВИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ РАВНОВЕСНОГО СОСТОЯНИЯ МЕЖДУ НИМИ

Аннотация. Отчуждение человека от государства и права детерминировано несогласованностью потребностей государства и нужд личности. Для преодоления данного феномена необходимо привести государственные и частные интересы к общему знаменателю. Один из действенных способов достижения справедливого равновесного состояния между ними — взаимное самоограничение публичной власти и граждан. Самоограничение публичной власти и личности благоприятствует учреждению правовой среды, в которой равномерно распределяются позитивная (нормативная, ограниченная) и практическая (фактическая, реальная) свобода и устанавливается практическая рациональность в праве, всемерно поддерживающая пропорции практической свободы и условия ее реализации, зависящие от вклада члена социума в его направленное совершенствование, определяющего, в свою очередь, границы возможностей воспользоваться государственными и общественными благами. Практическая рациональность в праве характеризует его в качестве инструмента формирования такого социального порядка, при котором члены общества совместным трудом достигают осуществления насущных запросов в первостепенных благах. Соединение самоограничения государства и личности выступает критерием жизнестойкости позитивистской и либертарно-юридической теорий правовопонимания — соответственно этатизма и человеческого измерения права как прогноза постоянства влияний. Самоограничение государства и личности — это своего рода симфония закона и права — комбинация и согласованность нормативной и фактической свободы, сводящие правообразующие нужды к взаимодействию государственных, общественных и личных целей, обеспечивающему реализацию интересов индивида (социальной группы, социальной общности) без ущемления свободы других граждан и групп. При этом однозначно ответить на вопрос, каким образом разработка, принятие и реализация нормативных правовых актов могут способствовать защите одновременно государственных интересов и прав личности, невозможно, так как общие парадигмы здесь неприемлемы в силу того, что установленные эталоны справедливости какого-либо нормативного установления весьма условны, однако проблема их исследований должна оставаться

в поле зрения философии и теории и социологии права. Ведь для одного человека (социальной группы, социальной общности) существующие государственные строй и общественный порядок, как и фиксирующие их правовые нормы, являются справедливыми, а для другого человека (социальной группы, социальной общности) они таковыми не являются. Современное нормотворчество носит достаточно противоречивый характер. С одной стороны, принято много важных социальных законов, отвечающих материальным и моральным запросам человека. С другой стороны, значительное количество нормативных правовых актов не соответствуют потребностям времени, носят отвлеченный характер, оторваны от реальной действительности. Некоторые законодательные установления ущемляют права человека, среди которых выделяются регулирующие правовую жизнь в условиях пандемии. В заключение автор делает вывод о необходимости не допустить перевода права из средства устойчивого развития государства и личности в инструмент нарушения баланса между ними.

Ключевые слова: гражданин, право, государство, самоограничение, закон, практический цивилизм, практическая рациональность, позитивная свобода, реальная свобода

KAREN V. AGAMIROV

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation

E-mail: agamirov@yandex.ru

SPIN-код: 4520-6749

RECIPROCAL SELF-RESTRAINT OF PUBLIC AUTHORITY AND CITIZENS AS A CONDITION FOR JUSTICE AND ACHIEVEMENT OF EQUILIBRIUM STATE BETWEEN THEM

Abstract. The exclusion of a person from the government and the law is determined by disagreement between the needs of the government and the needs of an individual. To overcome that phenomenon, it is necessary to reconcile public and private interests. One of the effective ways to achieve a fair equilibrium between them is a mutual self-restraint of public authority and citizens. The self-restraint of public authority and an individual favors the establishment of a legal environment in which positive (normative, limited) and practical (actual, real) freedoms are evenly distributed, and practical rationality is established in law, which fully supports the proportions of practical freedom and the conditions for its realization, depending on the contribution of a member of society to its directed improvement, which, in turn, determines the boundaries of opportunities to take advantage of public and social goods. Practical ratio-

nality in law characterizes it as an instrument for the formation of a social order in which members of society jointly achieve the implementation of urgent needs in the primary benefits. The combination of the self-restraint of the government and a personality was a criterion for the resilience of the positivist and libertarian-legal theories of legal understanding — respectively, ethatism and the human dimension of law as a forecast of the constancy of influences. Self-restraint of the government and an individual is a kind of symphony of law and justice — a combination and consistency of normative and factual freedom, reducing legal needs to interaction between the government, social and personal goals, ensuring the realization of interests of an individual (social group, social community) without impairing the freedom of other citizens and groups. At the same time, it is impossible to answer the question unequivocally how the development, adoption and implementation of normative legal acts could contribute to the protection of government interests and rights at the same time, since the general paradigms were unacceptable because the established standards of fairness of any normative establishment were very conditional, but the problem of their research should be raised in the field of philosophy and theory and sociology of law. Indeed, for one person (social group, social community), the existing government system and social order, like the legal norms fixing them, are fair, and for another person (social group, social community) they are not. The contemporary rulemaking is quite controversial. On the one hand, many important social laws have been adopted to meet the material and moral demands of an individual. On the other hand, a significant number of normative legal acts do not correspond to time requirements, are distracted, and disconnected from the reality. Some legislative provisions infringe on human rights, among which are those governing legal life in a pandemic. In conclusion, the author concludes that it is necessary to prevent the transition of law from a vehicle of sustainable development of the government and an individual to an instrument of disequilibrium between them.

Keywords: citizen, law, government, self-restraint law, practical civilism, practical rationality, positive freedom, real freedom

1. Введение

В динамическом ряду «социальная ориентация права — авторитет права — результативность правового регулирования» первая составляющая обеспечивает согласованную совокупность обозначенных в ст. 2 и 7 Конституции РФ оснований правового и социального государства, а именно прав и свобод личности и средств достижения достойной жизни.

Лишь обратив усилия на всемерное исполнение социально-правовых запросов граждан, публичная власть может рассчитывать на изживание их отчуждения от государства и права и возрождение веры в институты государственной власти, а морально-нравственная категория доверия служит определяющей прогностической движущей силой поступательного правообразования и законопослушного поведения.

2. Практический цивилизм как условие самоограничения государства и граждан

Философский релятивизм отражает методологический принцип метафизического возведения в Абсолют — неподступную для практики и сознания крепость — условности предмета человеческого познания; практическая же рациональность в праве, или практический цивилизм, нацеливает на согласование позитивного (локального) и неограниченного (за рамками позитивного) права и обуславливает встречные обязательства и самоограничение государства и личности, гарантирующие, с одной стороны, направленность государственных социальных программ на общепринятые нормы социальной поддержки, обеспечивающие достойные качество и уровень жизни, и, с другой — ликвидацию узкопотребительских наклонностей и правового инфантилизма некоторого сегмента современного социума¹.

Самоограничение государства и индивидуумов способствует формированию правового пространства, всемерно способствующего определению пропорции практической свободы и средств ее осуществления, т.е. практической рациональности в праве, квалифицирующего его как средство организации справедливого общественного устройства, при котором члены социума общими усилиями добиваются реализации жизненных установок и потребностей в приоритетных благах.

Государство и гражданское общество — не сиюминутные феномены; они непрерывно модернизируются. Одновременно совершенствуется правовая система, и ее бесконечное движение так или иначе согласуется с обстоятельствами, в которых действуют структуры публичной власти и социума. При этом правовая система должна эволюционировать ускоренными темпами применительно к государственным и общественным институтам.

Практическая рациональность в праве как результат самоограничения публичной власти и личности — не самоцель, а локомотив их непрерывного роста, способствующего воспроизведению в правовых нормах злободневных и проекционных нужд государства и гражданского общества, определению стратегических приоритетов правового регулирования, прогнозирования и планирования законодательства на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

¹ См.: *Агамиров К.В.* Государство и личность: взаимодействие и взаимная ответственность в прогностическо-регулятивном восприятии // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении. Сборник материалов двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца (Москва, 2017 г.). М., 2018. С. 97–99.

3. Юридическое прогнозирование как фактор интеграции самоограничения государства и граждан

Юридическое прогнозирование, фиксирующее перманентное расширение правового пространства, благоприятствует трансформации представления о праве в смысл права — правовой эйдос, представляющий собой непосредственную и, следовательно, очевидную явление сознанию². Фактически как раз восприятие природы права различает выработку доктрины и догмы права, обнаруживая глубокое влияние на правотворчество правосознания законодателя, ориентируя его на возрастание качества правовых решений³.

Удержание фокуса юридического прогнозирования на теме взаимного самоограничения государства и личности будет способствовать поступательному движению научных идей и в отраслевых юридических дисциплинах, формирующих путь от теоретических построений общей теории права к их практическому применению, ибо невзирая на возрождение полемики о типологии правопонимания, человекоцентризм так и не обрел какого-либо явственного распространения, сдавая позиции ортодоксальному легистскому подходу к праву⁴. Между тем интегрирование самоограничения публичной власти и индивидов выступает прогностическим мерилем жизнеспособности как позитивной, так и либертарной концепций правопонимания в русле соответственно этатизма и человеческого измерения права, согласуясь таким образом с прогностической теорией права О.У. Холмса, трактующей право как прогноз и предполагающей постоянство влияний⁵.

4. Самоограничение публичной власти и граждан как совокупность позитивной и реальной свободы

Постижение права возможно, только если:

а) сама правовая система внутренне согласованна;

² См.: Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003. С. 254.

³ См.: Ланаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 11–12.

⁴ См.: Ланаева В.В. Указ. соч. С. 13–14; Шафиров В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 28.

⁵ См.: Holmes O.W. The path of the law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. P. 461. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2373/2373-h/2373-h.htm> (дата обращения: 08.09.2021).

б) существует относительная гармония между всеми основными сферами общественной жизнедеятельности — социально-экономической, политической, духовно-нравственной, демографической и проч.

Нормативным правовым актам и сберегаемым ими приоритетами (труду и образованию, культуре и творчеству, равенству и свободе и т.д.) надлежит пребывать в системно-целостном единстве между собой⁶. Данный тезис из ушедшего века вполне может рассматриваться ключевым и сегодня. Ценность закона как классической формы права состоит в гарантиях общественного одобрения права и противоборства произволу. Закон мобилизован на ликвидацию социальных проблем, а не привнесение новых⁷.

Самоограничение публичной власти и граждан представляет собой оригинальную «симфонию закона и права» (по образцу византийской «симфонии властей» сообразно к социальному взаимодействию государства и церкви⁸), а именно, с одной стороны, сочетание и координация позитивной и реальной свободы, выводящих правообразующий интерес как итог коммуникации социальных стремлений на основе формального равенства, в соответствии с которым свобода осуществления интересов индивида (социальной группы, социальной общности) не может ограничивать свободу других людей и групп⁹, и, с другой стороны, сближение социальных прав и традиционных свобод, испытывающих давление социальных требований¹⁰.

5. К вопросу о рациональности законов, направленных на обеспечение интересов государства и защиту прав человека

Но каким же образом можно установить, правилен, рационален или неправилен, иррационален определенный действующий нормативный правовой акт либо подготовленный законопроект? В какой пропорции они защищают государственные интересы и права чело-

⁶ См.: *Право и социология* / Под ред. Ю.А. Тихомирова и В.П. Казимирчука. М., 1973. С. 85.

⁷ См.: *Лукьянова Е.Г.* Концепции закона и современное государственно-правовое развитие // *Труды Института государства и права РАН*. 2016. № 1. С. 138, 145.

⁸ См.: *Золотухина Н.М.* Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл». М., 2015.

⁹ См.: *Лапаева В.В.* Указ. соч. С. 250.

¹⁰ См.: *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / Пер.с венгер. А.П. Гуськовой, Б.В. Сотина. М., 1999. С. 39.

века? Очевидно, что общие подходы здесь невозможны, ибо заданное мерило справедливости того или иного законодательного установления, той или иной общественной системы, как и в целом справедливости, — не более чем игра воображения, однако тема ее поиска продолжает оставаться в фокусе правового и философского дискурсов.

Для конкретного человека, социальной группы, социальной общности наличные государственное устройство и общественный порядок, их закрепляющие и олицетворяющие нормативные установления являются или справедливыми, или несправедливыми. Стереотип справедливости — это должное, которое опять же представляется неодинаково.

В советские времена справедливость истолковывалась как группа ценностей, прописанных моральным кодексом строителя коммунизма — монолитном собрании принципов морали и норм нравственности, взывающих к общинному духу и товарищеской поддержке, человеческим отношениям и взаимному признанию, правдивости и честности, скромности и простоте и, разумеется, непримиримости к противникам коммунистической доктрины.

В то же самое время жизнь непрерывно уточняла заявленные теоретические позиции, знаменуя тем самым бессмысленность попыток помещения ее в какие-либо рамки. Отмеченные ценности — идеалы навеки, однако каждый воспринимает их индивидуально, а следование стандартам социогруппы и социообщности происходит в основном благодаря традиционным установлениям, силе привычки и, не в последнюю очередь, страху перед возможными негативными последствиями отклонения от них, который получил у советского человека гипертрофированное развитие. Это и неудивительно — авторитаризм и тоталитаризм не приемлют многообразия мнений и жестко запрещают посягающие на их основы доктрины¹¹, обращая людей в сакральный трепет.

Отметим, однако, что нормативная официализация доминирующего государственного строя отнюдь не всегда согласуется с первоначально поставленными целями, и суждение Ю.А. Тихомирова о том, что все советские законы отражали волеизъявление трудящихся масс и были обращены на торжество пролетарской диктатуры¹², следует принять как доказательное лишь отчасти.

Многие нормативные предписания шли вразрез с интересами и надеждами людей и, соответственно, не служили социалистической

¹¹ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. С. 142.

¹² См.: Тихомиров Ю.А. Теория закона. М., 1982. С. 15.

идею, а дискредитировали ее; в противном случае первая в истории власть рабочих и крестьян продержалась бы более продолжительное время. Возьмем хотя бы Китайскую Народную Республику, экстравагантно связавшую коммунистическую идеологию с конкурентной рыночной средой («социализм с китайским лицом») и правовым режимом с народно-демократической диктатурой в сердцеvine.

Возможно ли дать оценку таким нормативным актам советского времени, которые лимитировали свободу передвижения, выражение мнений, использование трудовых способностей граждан, приобретение ими товаров повседневного спроса и проч., как соответствующие их чаяниям? То же самое можно сказать и о неудовлетворительном правовом регулировании экономических отношений, повлекшем грубые перекосы в системе государственного управления, диспропорции и центристремительные тенденции, спровоцировавшие глубокий кризис ключевых отраслей народно-хозяйственного комплекса и всей экономической системы страны.

6. Взаимопроникновение государственных нужд и потребностей личности в условиях с овременного нормотворчества

Нормотворчеству современной Российской Федерации не помешало бы принять во внимание опыт минувшей эпохи. Многие законодательные установления нашего времени также оторваны от реальной жизни, отличаются детерминированной формально-волюнтаристской трактовкой закона политизированностью. Среди подобных актов можно отметить новшества в правовом урегулировании порядка организации и проведения публичного мероприятия, противодействия терроризму и экстремистской деятельности и проч.¹³.

Отдельно следует сказать о нормативных установлениях, регламентирующих правовую жизнь в условиях пандемии. Сегодня можно сделать вывод о том, что невзирая на прогнозируемость COVID-19 (до прихода нового вируса мир прошел атипичную пневмонию, птичий грипп и лихорадку эбола), ни одна страна не проявила готовности к полновесному правовому регулированию в условиях пандемии и не предусмотрела надлежащие законодательные маневры¹⁴. Пра-

¹³ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. С. 145–147.

¹⁴ См.: Лунгу Е.В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 71.

вотворчество «на скорую руку» повсеместно проводилось «методом тыка», порождая несогласованные и, как следствие, контрпродуктивные правовые порядки, необоснованно ограничивающие права и свободы человека, и законодательные неувязки, доходящие порой до нелепостей¹⁵, и они продолжают расти, как снежный ком (новые ограничения на посещение общепита и массовых мероприятий, которые то снимаются, то вводятся вновь, обязательная вакцинация работников отдельных сфер и проч.).

Между тем бесполезно добиваться осуществления той или иной специфической цели, которой право служит как таковое, кроме поддержки ориентиров человеческого поведения и стандартов его порицания¹⁶.

Вместе с тем подобное пожарное нормотворчество очертило современные направления научных изысканий в «удаленном режиме»¹⁷.

Следует также отметить, что Российская Федерация и до пандемии не отличалась долговременным и научно обоснованным планированием правовой политики, выявляющим возможности поступательной модернизации нормативного массива, и это крайне отрицательно влияет на законодательный процесс. Стратегия развития законодательства на федеральном уровне фактически сводится к составлению плана по вынесению проектов законов на очередную сессию Государственной Думы. Федеральные целевые программы не располагают должной организационной базой и тоже обходят вопросы совершенствования правового регулирования стороной. Аналогичная ситуация наблюдается и в региональном правотворчестве¹⁸.

Неупорядоченность законотворческих процедур находит свое выражение в том числе в количестве принятых нормативных актов

¹⁵ См.: *Черногор Н.Н., Залоило М.В.* Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5–26.

¹⁶ См.: *Hart H.L.A.* The concept of law / With a postscript edited by P.A. Bulloch and J. Raz. 2nd ed. Oxford, 1994. IX.P. 248–249.

¹⁷ См.: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75, 83–84. См. также по данному вопросу: *Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии* / Под общ. ред. проф. В.В. Блажеева, проф. М.А. Егоровой. М., 2020.

¹⁸ См.: *Агамиров К.В.* Теоретико-методологические вопросы юридического прогнозирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 6.

высшей юридической силы: в 2019 г. Государственная Дума приняла 530 законов (примерно полтора закона в сутки), в 2020 г. — 553 закона, а за одну только весеннюю сессию 2021 г. — 2672 (!) закона.

Масса бланкетных норм, внесенных дополнений и изменений, «изменений в изменения», формируют правовую фикцию как идущее вразрез с реальностью правовое образование¹⁹ и в конце концов, по образному высказыванию Л. Фуллера, порождают отвращение к закону²⁰, в значительной степени усложняют правоприменение, тогда как подготовка концептуально обоснованных проектов нормативных правовых практически сошла на нет. Именно поэтому важнейшая задача юридического прогнозирования состоит в том, чтобы наличное действительное сущее встроить в еще отсутствующее надлежащее, нивелируя таким образом различие между действительностью и действительностью²¹.

7. Заключение

Если критический порог будет перейден и право из инструмента устойчивости государства и защиты прав и свобод гражданина трансформируется в орудие нарушения баланса между интересами того и другого, то вполне возможно «законодательное хакири», грозящее непредсказуемыми последствиями для всего социального организма. И хотя метафизика справедливости неисчерпаема, именно она в силу воспринимаемой социумом очевидной несправедливости постсоциалистического устройства выводится в центр общественно-политического дискурса²².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова Е.В. Правовые фикции — идеологический источник права? Постановка проблемы // *Правоприменение*. 2019. Т. 3. № 4. С. 24–29.

Агамиров К.В. Государство и личность: взаимодействие и взаимная ответственность в прогностическо-регулятивном восприятии // *Современное государство*

¹⁹ См.: *Абрамова Е.В.* Правовые фикции — идеологический источник права? Постановка проблемы // *Правоприменение*. 2019. Т. 3. № 4. С. 24–29.

²⁰ См.: *Фуллер Лон Л.* Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Коряева. 2-е изд., перераб. идоп. М., 2007.

²¹ См.: *Kelsen H.* The Pure Theory of Law, Its Method and Fundamental Concepts // *L.Q.REV.* 1934. P. 312.

²² См.: *Лапаева В.В.* Соотношение права и справедливости в либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. Т. 13. № 4. С. 31.

и личность в историческом и философско-правовом осмыслении. Сборник материалов двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца (Москва, 2017 г.). М.: Норма, 2018. С. 96–102.

Агамиров К.В. Теоретико-методологические вопросы юридического прогнозирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 5–11.

Золотухина Н.М. Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл». М.: Юрлитинформ, 2015.

Лапаева В.В. Соотношение права и справедливости в либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 9–36.

Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: РАП, 2012.

Лукьянова Е.Г. Концепции закона и современное государственно-правовое развитие // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 1. С. 133–149.

Лунгу Е.В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 69–75.

Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87.

Право и социология / Под ред. Ю.А. Тихомирова и В.П. Казимирчука. М.: Наука, 1973.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии / Под общ. ред. проф. В.В. Блажеева, проф. М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020.

Тихомиров Ю.А. Теория закона. М.: Наука, 1982.

Фуллер Лон Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИРИСЭН, 2007.

Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5–26.

Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / Пер. с венгер. А.П. Гуськовой, Б.В. Сотина. М.: Юрист, 1999.

Шафиров В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24–33.

Kelsen H. The Pure Theory of Law, Its Method and Fundamental Concepts // L.Q.REV, 1934.

Hart H.L.A. The concept of law; with a postscript edited by P.A. Bulloch and J. Raz. 2nd ed. Oxford: Clarendon, 1994.IX.

Holmes O.W. The path of the law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. No. 8. P. 461. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2373/2373-h/2373-h.htm> (дата обращения: 08.09.2021).

REFERENCES

Abramova, E.V. (2019). Pravovye fiktsii — ideologicheskii istochnik prava? Postanovka pro-blemy [Legal Fictions — an Ideological Source of Law? Problem Statement]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement], 3 (4), pp. 24–29. (in Russ.).

Agamirov, K.V. (2018). Gosudarstvoilichnost': vzaimodejstvie i vzaimnaja otvetstvennost' v prognosticheskoy-reguljativnom vospriyatii [State and Personality: Interaction and Mutual Responsibility in Prognostic-Regulatory Perception]. In: *Sovremennoe gosudarstvo i lichnost' v istoricheskom i filosofsko-pravovom osmyslenii. Sbornik materialov dvenadcatykh filosofsko-pravovykh chtenij pamjati akademika V.S. Nersesjanca (Moskva, 2017 g.)* [The Modern State and Personality in Historical, Philosophical and Legal Understanding. Collection of Materials of the Twelfth Philosophical and Legal Readings in memory of academician V.S. Nersesyan (Moscow, 2017)]. Moscow: Norma, 2018, pp. 96–102. (in Russ.).

Agamirov, K.V. (2021). Teoretiko-metodologicheskie voprosy yuridicheskogo prognozirovaniya [Theoretical and Methodological Issues of Legal Forecasting]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University. Right.], 40, pp. 5–11. (in Russ.).

Blazheev, V.V. and Egorova, M.A. eds. (2020). *Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v usloviyakh pandemii i infodemii* [Legal Regulation of Artificial Intelligence in a Pandemic and Infodemic]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Bullock, P.A. and Raz J. ed. (1994). Hart, H.L.A. *The Concept of Law; with a Postscript*. 2nd ed. Oxford: Clarendon. IX. (in Eng.).

Chernogor, N.N. and Zaloilo M.V. (2020). Metamorfozy prava i vyzovy yuridicheskoi nauke v usloviyakh pandemii koronavirusa [Metamorphoses of Law and Challenges to Legal Science in the Context of the Coronavirus Pandemic]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 7, pp. 5–26. (in Russ.).

Fuller, Lon L. *Morality of Law*. [Russ. ed.: Kurjaev, A. (2007). *Moral' prava*. Translated from English by T. Danilova. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow: IRISJeN]. (in Russ.).

Holmes, O.W. (1897). The path of the law. Harvard Law Review. 1897. Vol. 10, nr 8. P. 461. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/2373/2373-h/2373-h.htm> (Accessed: 08.09.2021). (inEng.).

Kelsen, H. (1934). The Pure Theory of Law, Its Method and Fundamental Concepts. *L.Q.REV.* (in Eng.).

Lapaeva, V.V. (2018). Sootnoshenie prava i spravedlivosti v libertarno-yuridicheskoi teorii V.S. Nersesyantsa [The Ratio of Law and Justice in the Libertarian Legal Theory of V.S. Nersesyantsa]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 13(4), pp. 9–36. (in Russ.).

Lapaeva, V.V. (2012). *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Legal Thinking: Legal Theory and Practice]. Moscow: RAP. (in Russ.).

Luk'yanova, E.G. (2016). Kontseptsii zakona i sovremennoe gosudarstvenno-pravovoe razvitie [Law Concepts and Modern State-Legal Development]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 1, pp. 133–149. (in Russ.).

Lungu, E.V. (2020). Pandemiya COVID-19. Novyi vyzov konstitutsionnym pravootnosheniyam [Pandemic COVID-19. A New Challenge to Constitutional Legal Relations]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement], 4(3), pp. 69–75. (in Russ.).

Polyakov, A.V. (2003). *Obshchaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyi podkhod: Kurs lektsii. 2-e izd., dop.* [General Theory of Law: Phenomenological-Communicative Approach: A Course of Lectures. 2nd ed., Add.]. St. Petersburg: Yurid. Center Press. (in Russ.).

Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. and Krotkova, N.V. (2020). Novye vektory razvitiya informatsi-onnogo prava v usloviyakh tsivilizatsionnogo krizisa i tsifrovoi transformatsii [New Vectors of development of Information Law in the Context of a Civilizational Crisis and Digital Transformation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 5, pp. 75–87. (in Russ.).

Shafirov, V.M. (2017). Integrativnoe pravoponimanie i zhestkii pozitivizm [Integrative Legal Thinking and Rigid Positivism]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 7, pp. 24–33. (in Russ.).

Shaio, A. (1999). *Samogranichenie vlasti (kratkii kurs konstitutsionalizma)* [Self-restraint of power (a short course on constitutionalism)]. Translated from Hungarian. Guskova, A.P. and Sotina, B.V. Moscow: Yurist. (in Russ.).

Tikhomirov, Yu.A. and Kazimirchuk, V.P. eds. (1973). *Pravo i sotsiologiya* [Law and Sociology]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Tikhomirov, Ju.A. (1982). *Teoriya zakona* [The Theory of Law.]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Zolotukhina, N.M. (2015). *Politiko-pravovaya mysl' Rossii XVI v.: Filofei i "Filofeev tsikl"* [Political and Legal Thought of Russia in the 16th century: Philotheus and "Filofeev cycle"]. Moscow: Jurlitinforom. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Агамиров Карэн Владимирович — старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Karen V. Agamirov — Senior researcher of the sector Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Агамиров К.В. Взаимное самоограничение публичной власти и граждан как условие справедливости и достижения равновесного состояния между ними // Труды Ин-

ститута государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 102–115. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-agamirov

FOR CITATION:

Agamirov, K.V. (2021) Reciprocal Self-Restraint Public Authorities and Citizens as a Condition Justice and Achievement Equilibrium State between Them. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 102–115. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-agamirov

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЖУКОВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: vigs1947@mail.ru
SPIN-код: 7093-4933

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zhukov

ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. В статье содержится информационно-аналитический анализ феномена цивилизации в работах современных ученых (В.А. Никонова, Е.Ю. Спицына, И.Я. Фроянова и др.), экономистов, имеющих опыт работы в федеральных органах управления (А.С. Галушки, А.К. Ниязметова, М.О. Окулова и др.), а также ряда дискуссионных книг (И. Диденко).

Особое внимание уделяется освещению этого направления в академическом Институте государства и права, в трудах его ведущих ученых А.Н. Савенкова, С.Н. Бабурина, А.Д. Керимова и др.

Автор анализирует гносеологические основы феномена цивилизации, процесс накопления и осмысления знаний, дающих представление об истории развития цивилизаций, отраженной в фундаментальных трудах, посвященных всемирной истории, а также о первых сведениях, характеризующих место славяно-русско-российской цивилизации в историческом процессе. Критическому анализу подвергаются публикации, в которых фальсифицируется процесс становления и развития российской цивилизации, игнорируется вклад России в достижения мирового сообщества.

Ключевые слова: цивилизация, историко-правовой феномен, цивилизационный процесс, славяно-русско-российская цивилизация.

VASILY I. ZHUKOV

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: vigs1947@mail.ru
SPIN code: 7093-4933

PHENOMENON OF CIVILIZATION IN THE HISTORY AND THEORY OF STATE AND LAW

Abstract. The article contains an information and analytical analysis of the phenomenon of civilization in the works of modern scientists (V.A. Nikonov, E. Yu. Spit-syn, I.Ya. Froyanov and others), economists with professional background in federal governing bodies (A.S. Galushki, A.K. Niyazmetov, M.O. Okulova and others), as well as a number of discussion books (I. Didenko).

Particular attention is paid to highlighting this direction in the academic Institute of State and Law, in the works of its leading scientists A.N. Savenkova, S.N. Baburin, A.D. Kerimov and others.

The author analyzes the epistemological foundations of the phenomenon of civilization, the process of accumulating and understanding knowledge that gives an idea of the history of the development of civilizations, reflected in fundamental works devoted to world history, as well as the first information that characterizes the place of the Slavic-Russian-Russian civilization in the historical process. Publications that falsify the formation and development of Russian civilization are subject to critical analysis, and Russia's contribution to the achievements of the global community is ignored.

Keywords: civilization, historical and legal phenomenon, civilizational process, Slavic-Russian-Russian civilization.

Интерес к проблемам развития цивилизации, выяснению самой сущности феномена у автора статьи проявился после развала СССР. Первые работы на эту тему вышли в свет в начале и первой половине 90-х гг. XX в., а сама тема стала одной из ведущих в авторских исследованиях последних лет¹.

Интерес к проблемам цивилизационного развития на протяжении последних 30 лет нарастал по линии философского и политологического осмысления всей относящейся к этой теме совокупности проблем. Стали заметными и усилия историков, экономистов, политиков. В этом отношении наибольший интерес представляют собой фундаментальные исследования таких крупных ученых, как И.Я. Фроянов, Е.Ю. Спицын, блестящие по глубине анализа публикации В.А. Ни-

¹ См.: Жуков В.И. Основы современной цивилизации. Воронеж, 1991; *он же*. Основы современной цивилизации: Ч. 4. Человек и общество. М., 1992; *он же*. Основы современной цивилизации. Воронеж, 1993; *он же*. Уроки российской цивилизации. Воронеж, 1995; *он же*. На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований. М., 2008; *он же*. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: Монография: В 3 т. М., 2012. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. и др.

конова, А.С. Галушки, А.К. Ниязметова, М.А. Окулова, И. Диденко и целого ряда работ других авторов².

Названные труды породили острые дискуссии, оживили интерес к совокупности проблем развития цивилизации, начиная с определения ее истоков, типологии и особенностей феномена, до определения содержания и сути. Но в парадигме теории и истории государства проблемы становления российской цивилизации рассматриваются крайне редко. Крупнейшее исследование на эту тему — материалы одной из Всероссийских конференций с международным участием, проведенной в ИГП РАН, и ряд концептуальных публикаций А.Н. Савенкова³.

Предлагаемая вниманию читателей статья отражает дальнейшее изучение цивилизации как историко-правового феномена, что характерно для научной школы ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права РАН.

I

Что понимается под термином «феномен»?

В «Большом российском энциклопедическом словаре» содержание философского понятия «феномен» означает явление, данное нам в опыте, чувственном познании и противопоставляется ноумену, постигаемому разумом⁴. Понятно, что такое толкование феномена не может использоваться в парадигме философии права или социологии истории.

² См.: Никонов В.А. Российская цивилизация. М., 2021; Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М., 2009; Спицын Е.Ю. История России в картах, портретах и фотографиях с древнейших времен до конца XX века. М., 2018; *он же*. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов: В 4 кн. М., 2019; *он же*. Древняя и средневековая Русь IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. I. М., 2019, *он же*. Российская империя XVIII — начала XX в. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. II. М., 2019; *он же*. Россия — Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. III. М., 2019; *он же*. Россия — Советский Союз. 1946–1991 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. IV. М., 2019; Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021; Диденко И. Не Венец Творения. Все, что вы боитесь знать о будущем. М., 2020 и др.

³ См.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М., 2019; Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2019; Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира: Монография. М., 2021 и др.

⁴ См.: Большой российский энциклопедический словарь. М., 2005. С. 1659.

Аналогичное определение «феномена» дается в «Краткой Российской энциклопедии»⁵. В «Новой философской энциклопедии» опубликована обширная (для формата энциклопедии) статья, в которой прослеживается употребление этого термина философами разных лет, но содержание термина сводится И.А. Михайловым к явлению, предмету, данному в чувственном созерцании⁶. В «Социологической энциклопедии» есть понятие «феноменология социальная»⁷, но нет термина «феномен».

В статье «феномен» как термин используется в сочетании с понятием «цивилизация» и означает историко-правовое явление, отражающее форму доисторического и исторического устройства сообщества людей в динамике становления, развития и угасания.

В общем плане концептуальное представление о славяно-русско-российской цивилизации дают результаты деятельности национальных центров по изучению проблем цивилизации (например, Центра по изучению Русско-тюркской Славянской Ведической цивилизации); издаются серии книг под общим названием «История советской цивилизации»; много внимания различным аспектам истории славянской цивилизации уделяет Международная славянская академия, президентом которой является доктор юридических наук, профессор С.Н. Бабурин. Академия выпускает журнал «Славяне», создающий многоплановое представление о славянской цивилизации и русском мире. Как позитивный факт следует рассматривать создание В.В. Жириновским успешно действующего Института мировых цивилизаций, а также то, что в России сложилась солидная группа ученых, занимающихся разработкой глобальных и региональных проблем истории цивилизационного развития человечества⁸.

Особое значение для понимания процессов развития и становления цивилизации имеют фундаментальные труды, посвященные всемирной истории. Недостатка в трудах такого формата нет. Например, немецким ученым В. Онкеном в 1879—1893 гг. в 46 томах опубликована «Всемирная история в монографиях»; в Париже в течение 1893—1901 гг. в 12 томах под редакцией Э. Лависсаи и А. Ромбо вышла в свет «Всемирная история»; под таким же названием опубликовал свой труд в Берлине в 1907—1925 гг. в 7 томах И. Пфлугк-Гартунг.

⁵ См.: Краткая Российская энциклопедия: В 3 т. М., 2004. Т. 3. С. 566.

⁶ См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 608.

⁷ См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 709.

⁸ См.: *Жуков В.И.* Славяно-русская цивилизация. 2-е изд., полиграф. перераб. и доп. М., 2021. С. 756—795.

В 20–50-х гг. XX в. наука обогатилась новыми исследованиями: в 1929–1933 гг. появилась в 10 томах «Всемирная история» под редакцией В. Гетца. Там же под редакцией Г. Глотца в 1925–1939 гг. в 10 томах появилась «Всеобщая история»; в 1927–1952 гг. под редакцией А. Альфана и Ф. Саньяка опубликован 20-томный фундаментальный труд «Народы и цивилизации» и др.

Не остались в стороне от масштабных исследований и отечественные ученые, среди которых особое место занимает перевод на русский язык немецкого издания «История человечества. Всемирная история», выполненный в 9 томах под редакцией Г. Гельмольта с обширными дополнениями и комментариями российских ученых. Этот труд был опубликован Санкт-Петербургским издательством «Просвещение» в 1904–1909 гг.

Эпохальным можно назвать проект, замысел которого охватывает изложение всемирной истории в 24 томах, первые из которых вышли в 1999–2000 гг. и знаменовали собой претензию на объективное, не идеализированное воссоздание истории цивилизации. Авторам принадлежит и краткий историографический обзор с перечислением работ наиболее известных мыслителей, начиная с Демокрита, Геродота, Лукреция Кара и до Г. Лессинга и А. Тойнби⁹. В основу своего труда авторы положили «Всемирную историю в 10 томах», издававшуюся под редакцией академика Е.М. Жукова в 1955–1965 гг., скорректировав мировоззренческие оценки и исследовательские выводы, но сохранив богатейшую фактуру, основанную на достоверных источниках.

Не оставлены без внимания и работы зарубежных авторов. Наиболее существенным является то, что многотомный труд авторов освещает всемирную историю в формате становления и развития не истории стран, а в парадигме цивилизационного процесса и того пути, который прошли известные цивилизации.

Исключение в этом плане составляет история славяно-русско-российской цивилизации, оставленная авторами практически без внимания.

По мнению авторов названного уникального труда, весь путь до появления классов человечество прошло «более чем за 600 тысячелетий»¹⁰. Раскопки, проведенные на территории Испании и некоторых других современных стран, увеличивают эту дистанцию как минимум

⁹ См.: Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Минск; М., 1999. С. 6–8.

¹⁰ Там же. С. 10.

на 200 000 лет, но более или менее достоверные сведения о начале цивилизационных процессов относятся к истории египетской цивилизации и датируются концом IV — началом III тысячелетия до н.э.¹¹. Но это не единственная проблема, которая носит дискуссионный характер.

Изучение истории российской цивилизации актуализируется и тем, что она стала зоной нарастающего теоретического противоборства и составной частью «гибридной» войны, полыхающей в мире. Пример тому — выход в свет книги А. Абалова и В. Иноземцева, посвященной памяти Зб. Бжезинского¹².

Названная книга была бы корректной, если бы речь шла о бесконечной славяно-русской цивилизации, но само посвящение работы Зб. Бжезинскому свидетельствует об изначальной нацеленности на несоблюдение принципа историзма. Ее основной текст свидетельствует о предвзятом подходе к изложению истории Российской империи, а не истории становления и развития российской цивилизации, которая приобрела имперские черты позднее многих государств, сложившихся в форме империй задолго до первой четверти XVIII в., когда появилась русская империя и императором стал Петр I.

При очевидной ангажированности и заряженности на фальсификацию имперской сущности России авторы декларируют свою нацеленность на объективность изложения и, по их выражению, «не намерены выражать своего отношения к тому, хороша или плоха российская имперскость; ...чего больше принесла такая особенность стране и ее народу — славы или страдания»¹³. Если авторы излагают «не свое отношение» к предмету исследования, то чье? Почему «славу или страдания» разделяет союз «или», а не «и»? Какие империи развивались только в формате славы, не зная страданий? Наконец, российскую или советскую империю населяли народы или народ?

Небрежность изложения замыслов в «Предисловии» не обещает читателю объективного взгляда на предмет. Сомнения в объективности авторского похода к изучению феномена «империя» усиливается, когда авторы называют имена множества ученых и специалистов, среди которых редко встречаются действительно авторитетные в России и за рубежом исследователи.

¹¹ См.: Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Минск; М., 1999. С. 6–8.

¹² См.: *Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М., 2021.

¹³ Там же. С. 7.

Содержание обширного труда подтверждает опасения в изначальном, далеко не исследовательском, а откровенно враждебном России понимании исторического процесса. С точки зрения описания места России в истории цивилизации с названной книгой не сравнится ни одна другая. По мнению авторов, Россия — это империя, которая «не мертва и сейчас, хотя экономически слаба, идеологически бессодержательна и геополитически изолирована»¹⁴.

Из трех изъянов, указанных авторами, две (экономическая слабость и геополитическая изоляция) далеки от объективности, а одна — наиболее опасная для развития российской цивилизации — частично справедлива. Можно в еще большей степени расширить круг союзников России, укрепить деловые, партнерские отношения с ними, изменить экономический курс и, заблокировав коррупцию и клановость, обеспечить рост экономического, промышленного, сельскохозяйственного и любого другого производства. Но в области идеологии накопились серьезные и трудно преодолимые проблемы: патриотизм, как главная национальная идея, носит локальный характер. Он не формируется ни школой, ни семьей. Среди политических лидеров России лишь небольшая часть воспринимается настоящими патриотами, личный пример которых и содержание деятельности отвечает представлениям о патриотизме. Среди известных олигархов, представителей деловых кругов, финансовой элиты и чиновников патриоты встречаются крайне редко. Без радикального обновления кадровой политики и избавления страны от наиболее одиозных фигур рассчитывать на возрождение патриотизма как цивилизационного явления не приходится.

Замечания о том, что российская цивилизация не имеет объединяющей население страны идеологии, является единственной объективной оценкой во всей многостраничной книге авторов. Они, безусловно, талантливы, как талантливы были взлелеянные Великобританией лидеры оппозиции императору России Николаю II Романову, свершившие февральскую (1917 г.) революцию и открывшие дорогу к власти партии большевиков.

Любопытен и один из главных выводов почитателей Зб. Бжезинского: Россия больше никогда империей не будет, и с этой «мудростью не нужно спорить: с ней надо смириться». Никто не спорит. Не спорит потому, что авторы проявили не мудрость, а выразили благое пожелание. Вся история славяно-русско-российской цивилизации свидетель-

¹⁴ См.: *Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М., 2021. С. 44.

ствуует об обратном: империя как государственно-правовое выражение сущности русского мира была, есть и будет. Но тема краха православной и советской империй остается актуальной.

Все это актуализирует постановку вопроса о том, какой смысл вкладывается в понятие «цивилизация» и показать, как возникли и развивались представления о ней.

II

Само слово «цивилизация» давно превратилось в лексическую банальность и употребляется в самых разных ситуациях без представления о том, какой смысл в это понятие вкладывают ученые и что имеют в виду политики, журналисты и публицисты, когда рассуждают о цивилизации, цивилизованности, носителями чего, судя по всему, являются они сами. И о дикости и варварстве, когда они же заводят речь о своих «неполноценных» соперниках. Или о тех, кого нацисты, националисты, а также их предшественники, расисты, таковыми считают.

Уже в силу этого следует попытаться определить содержание понятия «цивилизация» и ограничить область его применения в философии истории и теории права.

Цивилизация начинается с осознания каждым человеком принадлежности к своей стране, ее истории, традициям и вере, к стране, которую мировое сообщество уважает и с ее интересами считается.

Различным аспектам изучения цивилизации как исторического, философского, политического, культурологического, социологического и иного феномена, т.е. категории науки, посвящена обширная литература¹⁵.

¹⁵ См., например: *Леонтьев К.Н.* Византия и славянство. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1912; *Морган Д.Г.* Древнее общество. Л., 1935; *Бенвенист Э.* Цивилизация. История слова: общая лингвистика. М., 1974; *Барг М.А.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа // История СССР. 1991. № 5. С. 70–86; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; *Амелина Е.* Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 94–102; *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. М., 1995; *Тихонов В.* Будущее человеческой цивилизации и России. Закономерности развития человеческого общества. М., 1996; Уроки Российской цивилизации. Воронеж, 1995; Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. М., 2000; Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998; *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: В 2 кн. М., 2001–2002; *Кузык Б.Н.* Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008; *Никонов В.А.* Указ. соч.

Что же такое «цивилизация», сколько их было, есть и будет (если будет)? Страсти вокруг этого понятия не утихают с того времени, когда термин вошел в лексикон, вероятно, в середине XVIII в. Считается, что впервые его использовал в работе «Наблюдение за человеком» английский философ Дэвид Хартли, опубликовавший свою книгу в 1749 г. В ней цивилизация противопоставляется варварству и невежеству¹⁶, носителями которых были, по мысли философа, славяне, мадьяры (венгры), викинги, сарацины, арабы, татары и турки¹⁷.

Интерес к проблемам цивилизационного развития человечества в дальнейшем стремительно нарастал и отчетливо проявился во второй половине XVIII столетия. Просветительские идеи равенства, справедливости и законности, предложенные взамен варварства и дикости, господствовавших якобы до наступления эпохи Просвещения, в XIX в. стали распадаться на локальные области. Появились описания истории цивилизации Франции (Ф. Гизо), Испании (А. Альтамире-и-Кревс), Англии (Г.Т. Бокль). При таком подходе подвергаются деформации принципы развития человечества, основанные на способе производства и формах присвоения произведенной продукции, а на первый план выходят нравственная и бытовая культура, образование, просвещение, стиль и манеры поведения, определяемые общественной моралью и законностью.

Если большинство философов XIX и XX столетий отождествляли цивилизацию и культуру, то О. Шпенглер (1880–1936), например, выделял наличие «плодоносных» и «мощных» культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую, культуру Майя¹⁸. Но и в таком историко-географическом портрете не нашлось места для славяно-русской цивилизации. И это странно: славяно-русско-российская цивилизация неоднократно спасала европейские страны, помогая им сохранить суверенитет; победила нацизм; вывела человека в космос, а о ней, как одной из старейших цивилизаций, в энциклопедиях нет ни слова.

В словаре В.И. Даля под цивилизацией понимается «общезитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина»¹⁹. Понятно, что это определение характеризует цивилизацию

¹⁶ Подробнее см.: *Никонов В.А.* Указ. соч. С. 7.

¹⁷ См.: там же. С. 8.

¹⁸ См.: *Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4.* М., 2001 С. 333.

¹⁹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. Современное написание: В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 952.

буржуазного типа, т.е. передает сложившиеся к XIX в. основные черты феномена, а сам процесс формирования цивилизации В.И. Даль представляет, как превращение народа из «дикого, грубого быта в гражданственный»²⁰. Для понимания сущности цивилизации в ее историко-культурно-правовом отношении определение В.И. Даля ничего не дает.

В «Словаре иностранных слов» заложены более глубокие идеи, необходимые для понимания содержания термина «цивилизация». Под ней понимается: «Уровень, ступень в развитии материальной и духовной культуры, ...следующая после варварства»²¹, из чего следует, что цивилизация существовала до варварства и наступила после него в формах античной, средневековой и современной²². Другими словами, развитие человечества — это есть процесс развития цивилизации.

«Краткая российская энциклопедия», среди составителей которой нет крупных ученых и известных оригинальных авторов, дает самое расплывчатое из всех известных определений: «Цивилизация (от лат. *Civilis* — гражданский, государственный), термин, близкий к понятию культура. Цивилизацией часто называется поздняя стадия развития культуры, отмеченная возникновением письменности, государства и др., либо локальные разновидности культуры — древнегреческая, китайская, европейская, др. цивилизации»²³. Аналогичные определения даются в других энциклопедиях²⁴.

Понятно, что культура — один из ведущих признаков цивилизации, но, во-первых, не единственный, во-вторых, исключительно достоверный и не вызывающий дискуссии. Недостаток определения состоит не в том, что авторы ограничились рассмотрением феномена «цивилизация» через призму культуры, а в том, что среди перечисленных цивилизаций нет славяно-русско-российской — более древней, чем египетская или европейская, и вполне сопоставимая с китайской, но не ранней, а поздней.

Естественно, по мере роста национального самосознания и развития науки стали появляться фундаментальные труды, обогащавшие теорию цивилизаций изучением уникальной истории народов

²⁰ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. Современное написание: В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 952.

²¹ См.: *Словарь иностранных слов*: В 2 т. Т. 2. М., 2002. С. 363.

²² Там же. С. 363.

²³ См.: *Краткая российская энциклопедия*: В 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 1745.

²⁴ См.: *Большой энциклопедический словарь*. М., 2005. С. 1745; *Новый иллюстрированный словарь*. М., 2003. С. 796 и др.

мира и созданных ими цивилизаций. Вышел за европейские рамки и панславизм, крупнейшим идеологом которого был выдающийся русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский, автор вышедшей в 1869 г. книги «Россия и Европа».

Н.Я. Данилевский выделял 10 исторически сложившихся типов цивилизации²⁵, одним из первых прибавил к ним славянскую, но заметил, что она является «восходящим на арену мировой истории» типом, что обедняет представление о возникновении славяно-русской цивилизации и не соответствует ее вкладу в мировую историю.

В дальнейшем наличие славянской цивилизации в России не отрицали ни «западники», ни «славянофилы», но все писали о диких обычаях и нравах славянских народов, наблюдая иное только после принятия христианства. Общими как для Г.В. Плеханова, так и для В.И. Ленина было не только их представление о России как отсталой западной стране и слабом звене в системе империализма, но и осовременивание признаков цивилизации (наличие языка, науки, религии, философии, права, этики, литературы, живописи, определенного уровня развития материальной культуры и т.д.).

Формационный подход, характерный для изучения общественного развития тех лет, опирался на парадигму исторического материализма, а категории, которыми оперировали советские философы, к пониманию сущности цивилизации не вели, хотя признавалось существование, например, античной буржуазной цивилизации²⁶.

Перспективы всех цивилизаций с теми признаками, которые полнее других изложил П.А. Сорокин²⁷, вполне очевидны: они возникают, развиваются, угасают и умирают, как об этом аргументированнее других разъяснял Освальд Шпенглер в книге «Упадок Запада», известной в России под названием «Закат Европы». В.А. Никонов в связи с этим пишет: «Исторический процесс — последовательность уникальных цивилизаций»²⁸. Вероятно, в таком случае уместнее говорить не о цивилизациях, а об империях, которые действительно проходят отмеченные стадии.

Представление о цивилизации как определенной ступени развития общества пришло в современные энциклопедические словари

²⁵ Подробнее см.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 9.

²⁶ Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь «Европедия». М.: Олма-Пресс, 2003. С. 582.

²⁷ Сорокин П.А. Указ. соч.

²⁸ См.: Никонов В.А. Указ. соч. С. 12.

из середины 50-х гг. XX в. В частности, в третьем томе «Энциклопедического словаря» под цивилизацией понимается «уровень общественного развития и материальной культуры, достигнутый данной общественно-экономической формацией».

По мере нарастания интереса к проблемам цивилизационного развития стал проявляться интерес к описанию типов цивилизации, появились труды Г. Бокля «История цивилизации в Англии», Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» (затем его же «История цивилизации в Европе»), Р. Альтамира-и-Кревеа «История Испании и Испанской цивилизации» и др.

Теория цивилизации носила европоцентрический характер, исключая восточных и других соседей из числа цивилизованных государств. Географическая граница была одновременно с этим границей теологической, географической и политической. «Цивилизованный» Запад защищал себя от «варваров», а цивилизационные доктрины оправдывали внутреннюю, имманентно присущую европейцам дикость (инквизиция, внесудебные расправы с бродягами, ведьмами, колдунами и т.д.) и внешнюю агрессию, ведя истребительные колониальные войны под флагом приобщения «варваров» к европейской цивилизации.

В дальнейшем термин «цивилизация» использовали маркиз Виктор де Мирабо (1756 г.), отец одного из лидеров Французской революции, Льюис Морган, Карл Маркс, Макс Вебер, словом, все выдающиеся мыслители, прежде всего, философы, историки, социологи и правоведы. Как правило, они видели в цивилизации социокультурный феномен, уровень культурного и интеллектуального развития населения стран.

В разные годы в концепции национальных философских школ, а также в парадигме философии истории, в понятие «цивилизация» вкладывался разный смысл. Например, в Популярном энциклопедическом иллюстрированном словаре «Европедия» «цивилизация» определяется, как уровень развития общества в данной исторической эпохе с особым учетом уровня материальной культуры (точных наук и техники) — показателем господства людей над силами природы и использование ее богатств для своих нужд»²⁹.

Из всех определений это наименее удачное. Во-первых, цивилизация имеет определенные стадии в развитии, но не начинается с опре-

²⁹ Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь «Европедия». С. 1077.

деленного уровня «материальной культуры (точных наук и техники)». Это — одна из промежуточных стадий развития цивилизации. Во-вторых, цивилизация — не технологическое понятие, связанное с материальной культурой. Ее сущность включает в себя определенные временные рамки становления с наличием таких признаков и черт, как время появления, этнические характеристики сообщества людей, их язык, образ жизни и способы хозяйствования, письменность, государственность, духовную и материальную культуру, верования и т.д. В-третьих, цивилизация, в которой наблюдается господство людей над силами природы, характеризует цивилизацию, но цивилизацию варварскую, а не эволюционную.

«Советский энциклопедический словарь» составляли ведущие обществоведы СССР. Они дали определение «цивилизации», которое закрепили в своем труде авторы российского варианта энциклопедического словаря. В их представлении цивилизация — это «синоним 1) культуры, 2) уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры (антич. Ц, совр. Ц), 3) ступень общественно-го развития, следующая за варварством...»³⁰.

В красочной «Славянской энциклопедии» о термине «цивилизация» нет ни слова, но содержится идеологическая ересь: оказывается, «у восточных славян после принятия христианства появились 2 азбуки: глаголица и кириллица»³¹. Надежды составителей на то, что такая вольная интерпретация о предназначении глаголицы и кириллицы, а также о времени их появления будут полезны «учителю и старшекласснику, студенту-гуманитарию, исследователю-историку и всякому человеку, который интересуется историей своей родины» оправдаться не должны: теперь на страже исторической достоверности стоит Конституция России. Составителям энциклопедий, чтобы впредь не попадать впросак, нужно читать солидную литературу, а не перепечатывать заметки публицистов: азбука у славян существовала до принятия христианства.

Эти и другие определения цивилизации, во-первых, отождествляют два феномена: культуру и цивилизованность. Между тем тот или иной уровень развития материальной и духовной культуры не подтверждает и не отменяет наличие у того или иного сообщества людей наличия цивилизации. Во-вторых, о цивилизации принято судить

³⁰ См.: Советский Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 14–91.

³¹ См.: Славянская энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2002. С. 635.

по тем признакам, по которым судят о государственности (письменность, управление, компактность территории), отодвигая по времени формирование тех свойств, которые цивилизация приобрела до наступления того времени, когда возникло государство. В-третьих, практически все специалисты не рассматривают планетарную цивилизацию как единое целое, как феномен космического, но ограниченного рамками Земли, масштаба. Игнорируя общее и абсолютизируя особенное, ученые выделяют цивилизации по времени развития населения Земли. Ю.В. Яковец предлагает, например, семь исторических форм цивилизации: неолитическую, раннерабовладельческую, античную, раннефеодальную, позднефеодальную (прединдустриальную), индустриальную и постиндустриальную³².

В принципе Ю.В. Яковец, став социальным философом, в иной редакции излагает концепцию формационного развития, приверженцем которой был в советские времена. Но типология, предложенная им, привлекательна тем, что отходит от господствовавшего отождествления цивилизации и культуры и не начинает отсчет цивилизационного развития с той границы, где кончается варварство. К тому обстоятельству, что в 90-х гг. XX в. марксистские характеристики цивилизации уже не упоминаются и о способе производства как бытовавшем признаке превосходства социализма над капитализмом не говорится, следует отнестись снисходительно: идеология радикального либерализма отличается крайней агрессивностью и выдавливает из науки все, что не связано с их политическими интересами и способами достижения поставленных целей. Главное, что отличает труды Ю.В. Яковца, это **признание наличия цивилизации в догосударственный период истории человечества**.

Наиболее обстоятельные определения приводятся в «Новой философской энциклопедии»³³ и в «Социологической энциклопедии»³⁴. В составлении социологической энциклопедии автору довелось принять личное участие.

Обе статьи для названных изданий написаны исключительно квалифицированным ученым В.И. Толстых и заслуживают особого внимания. В.И. Толстых использует термин «цивилизация» не для характеристики социального процесса или уровня развития культуры, а как единицу измерения исторического прогресса, не требующую

³² См.: Яковец Ю.В. Указ. соч.

³³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 332–335.

³⁴ Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 751–754.

константных признаков на всех этапах развития общества. Цивилизация — это не совокупность характеристик, присущих развитой стадии общества, и тем более не черта, отделяющая народы от варварства.

В.А. Никонов понимает под цивилизацией «длящуюся в истории социокультурную общность наций и государств, которую объединяет ряд общих или схожих параметров и характеристик»³⁵. К числу таких общих и схожих параметров и характеристик В.А. Никонов отнес географический регион; особенности культуры, систему ценностей; языковую общность; религию; устойчивые черты экономической, общественно-политической цивилизации, взаимоотношения общества и государства; психологическое чувство общности, самоидентичности, раскрыв содержание каждой из указанных черт³⁶.

Такое толкование цивилизации представляется достаточно удачным. Оно не отождествляет, как это происходит в большинстве случаев, цивилизацию и культуру, содержит историко-ретроспективный сюжет и может стать основой для классификации типов цивилизации и проведения сравнительного анализа (компаративистики) по сопоставимым параметрам. По этим направлениям можно сгруппировать как причины возвышения той или иной цивилизации, так и ее гибели.

В.А. Никонов — ученый и политик, один из немногих представителей политической элиты, уважающий страну, в которой живет, ее историю и историко-правовую науку³⁷. Он прав в том, что славяно-российская цивилизация зарождалась в самом неблагоприятном для человека регионе — в центре Евразии. Ее закаляли природные климатические условия, испытывали на способность выживать и побеждать алчные соседи и племена кочевников.

Есть два замечания к рассуждениям В.А. Никонова. Во-первых, славяно-российской цивилизации, в отличие от древнерусского государства, «не тысяча с небольшим лет»³⁸. Как цивилизация она насчитывает не одно тысячелетие. Разница большая: в недрах истории цивилизации прячется, например, волокуша, затем было изобретено колесо. Позже — двух- или четырехколесная повозка, а затем автомобиль. Между ними — не сотни, а тысячи лет.

Во-вторых, действительно, 500 лет тому назад в Европе не существовало большинства современных государств, а было только два: Англия

³⁵ Никонов В.А. Указ. соч. С. 14–15.

³⁶ См.: там же. С. 15–17.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Там же. С. 20.

и Россия. С этим можно согласиться, если не считать государствами существующие более 500 лет Португалию, Францию, Испанию и др. Существенно иное: между Англией и Россией как крупнейшими государствами Европы всегда существовали не конкурентные, а враждебные отношения. Понятны и причины: Русь была православной и категорически отвергала любые попытки навязать ей иную веру, во-вторых, по сравнению с другими странами она была самой обширной и богатой.

Истоки российской цивилизации, русской народности В.А. Никонов видит в Киевской Руси. Он пишет: «Основанное Рюриковичами государство Киевская Русь стало тем первоначальным плавильным котлом, который создавал единую древнерусскую народность, российскую цивилизацию»³⁹. Очевидно, в этом утверждении есть определенная неточность: Рюриковичи основали династию, но не государство, в которое их пригласили править, а сам термин «Киевская Русь» был введен в научный оборот и лексикон историков М.А. Максимовичем, который использовал его в работе «Откуда идет Русская земля», опубликованной в 1837 г. По справедливому замечанию Е.Ю. Спицина, «термин “Киевская Русь” как синоним терминов “Древняя Русь” и “Империя Рюриковичей” закрепился в советской историографической науке только после выхода в свет знаменитых работ академика Б.Д. Грекова “Киевская Русь” (1939) и “Культура Киевской Руси” (1944), что после развала Советского Союза и сыграло на руку украинским националистам, приватизировавшим историю Древней Руси»⁴⁰.

Рюрик действительно основал династию, но его первым фактическим наследником стал Олег, прозванный Вещим, т.е. знающим, мудрым. Династия формировалась с участием женской линии: сыну Рюрика, малолетнему князю Игорю, Олег приходился дядей, будучи братом жены Рюрика. Династия Рюриковичей — понятие устойчивое, но зыбкое, не безупречное. Вряд ли можно признать случайным то, что имя «Рюрик» среди великих князей Киевских, Новгородских, Владимирских и других не встречается вообще. Оно упоминается лишь один раз в XIII в., а его носитель приходился летописному Рюрику очень дальним родственником.

Принятие христианства действительно сыграло выдающуюся роль, но не в создании государства, а в укреплении государственности, формировании русской нации как титульной, базовой нации

³⁹ Никонов В.А. Указ. соч. С. 37.

⁴⁰ Спицин Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь в IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. I. М., 2019.

славяно-русской цивилизации. В православии заложены главные признаки развитой цивилизации: от христианских монастырей шло знание, архитектура, музыка, пение, ремесло, просвещение и т.д. Вместе с единой верой в Древнерусское государство пришел один язык, поклонение единому Богу, признание власти князя-государя, единое войско (дружина), система дани (налогов). Но при этом сохранялись соборность, община, племенная городская и государственная раннефеодальная демократия, языческие традиции в судопроизводстве. Бытовое право постепенно становилось писанным, судопроизводство — централизованным.

Что же касается самого понятия «российская цивилизация», то единства во взглядах на предмет нет не только среди историков, философов, социологов, политологов, но и среди правоведов. История и теория государства и права еще ждут своих исследователей. Пока можно согласиться с тем, что у каждой цивилизации — свои особенности. Во-первых, в отличие от империй они не имеют четко выраженной даты своего рождения. Обнаружив их по одним признакам, исследователи дополняют установленные особенности цивилизационного процесса новыми характеристиками.

Цивилизации не имеют даты рождения, но и не все из них гибнут, не оставив преемников. Например, погибла Римская империя, но жива итальянская цивилизация. Место рухнувшей православной империи заняла советская империя, но и то и другое — составные части единого цивилизационного процесса. Нацизм расколол европейскую цивилизацию, но не уничтожил ее. Наделавшие немало информационного шума труды Самюэля Хантингтона (1927–2008), особенно его книга «Столкновение цивилизаций», поделили мир на два полюса и перенесли проблемы цивилизационного развития в плоскость противостояния сверхдержав и их союзников. Но в то время, когда он анализировал на примере СССР и США процессы противостояния и противодействия, набирала силу китайская цивилизация — самая древняя и ставшая в наше время самой перспективной для народов, ее представляющих.

В современной литературе формационная доктрина развития общества, разработанная К. Марксом и пронизывавшая исторический материализм, противопоставляется цивилизационным подходам к оценке исторического процесса. Как правило, это характерно для ортодоксальных специалистов в области марксистско-ленинской философии, ставших идеологами прямо противоположных доктрин. Между тем оснований для идеализации или противопоставления фор-

мационных и цивилизационных теорий нет. Для понимания исторической картины мира полезно учитывать и социальные аспекты, и материалистическое понимание пути, пройденного человечеством. Такой подход к раскрытию темы представляется рациональным и находит отражение в литературе, в том числе в энциклопедиях⁴¹.

Понятие «цивилизация» действительно тесно связано с формационной градацией исторического процесса, но имеет свою собственную область обслуживания. Оно фиксирует первоисточники, свидетельствующие о появлении признаков цивилизации, выделяет стадии эволюции человечества по времени, региону, уровню развития материальной и духовной культуры. Начало этих процессов теряется в глубинах древности, а точками отсчета не являются ни появление письменности, ни возникновение государства. Первые признаки цивилизации следует изучать не только по выдающемуся произведению Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Цивилизация — это не политологическая, философская или социологическая абстракция. Это — крупная социокультурная и этническая область организации людей на доисторическом уровне.

Всемирная история складывается из множества локальных цивилизаций, часть которых изучена и получила известность, (например, семь цивилизаций, выделенных Ю.В. Яковцом, или три типа мировой цивилизации (земледельческая, индустриальная, информационная), о которых ведется речь в иных изданиях), другая — остается загадкой и ждет своих исследователей. В их числе — **истоки и процесс развития славяно-русской цивилизации, которая адекватна понятию «российская».**

Первопроходцем в этой области следует считать Н.Я. Данилевского, который, выделив 10 типов самобытных цивилизаций (египетская, китайская, ассирийско-вавилоно-финикийская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, арабийская, европейская), оставил в стороне цивилизацию Майя, Шумера и Аккада, но **провел первую в науке компаративистику (сравнение) славяно-русской и германо-романской цивилизаций**⁴².

Тойнби первоначально насчитал 21 цивилизацию, затем сократил их до 12, а в последнем, 12-м томе, довел их число до 35⁴³. О. Шпенглер вел речь о восьми типах цивилизации. Но в целом, в литературе прослеживаются два взгляда на тип цивилизационного развития:

⁴¹ См., например: Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. М., 2001.

⁴² См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. IV. С. 333.

⁴³ См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. С. 750.

- цивилизация — это стадия перехода от примитивного (у дарвинистов — животного) состояния к дикости и варварству, а затем — к цивилизованным взаимоотношениям;

- цивилизация — это устойчивое социокультурная общность людей и стран.

Н.В. Сычев (доктор экономических наук) удачно систематизировал варианты раскрытия содержания термина «цивилизация» в научной литературе и выделил девять сложившихся подходов⁴⁴:

1) как ступень исторического развития общества, пришедшая на смену варварству (Л. Морган, Ф. Энгельс);

2) как стадия экономической зрелости общества (А. Шторх);

3) как ступень исторического развития материальной и духовной культуры (Ф. Бродель);

4) как ступень хозяйственного развития общества;

5) как ступень (стадия) развития определенного региона или этноса (восточная, античная, европейская цивилизация, цивилизация инков и т.п.);

6) как культурно-исторический тип развития общества (Н.Я. Данилевский);

7) как заключительная стадия развития локальных культур, их деградации и упадка (О. Шпенглер);

8) как конкретно-историческое общество, характеризующееся наличием духовной культуры, свойственной определенным народам (А. Дж. Тойнби);

9) как ступень духовного развития общества, связанная с влиянием определенной религии (буддийская, христианская, исламская цивилизация).

В авторском понимании цивилизация на ранней стадии своего становления — это устойчивая этническая общность людей, объединенных территорией, где они проживают и которая в случае миграции может меняться; языком, позволяющим общаться; обычаями, нравами, верованиями и особенностями материальной и духовной культуры.

Эта совокупность свойств формируется в далекой древности, развивается по восходящей или угасающей траектории и в зависимости от этого оставляет заметный след в мировой истории или растворяется — насильственно или эволюционно — в иной этнической среде.

⁴⁴ Подробнее см.: *Сычев Н.В.* Формационная и цивилизационная теории (схемы) анализа исторического развития: единства и различия // *РОССИЯ — ЗАПАД — ВОСТОК: новая формационно-цивилизационная конфигурация мира.* М., 2021. С. 23.

Подобно тому, как человек проходит эмбриональную, внутриутробную и иные стадии в своем развитии, цивилизация зарождается, развивается и на определенном этапе приобретает такую черту, как **цивизованность, означающую ступень в эволюции материальной и духовной культуры.**

Эта первая страница истории цивилизации сменяется **второй**, на которой уже отчетливо просматриваются письменность, нормы общезнания и права, форма правления и общественная иерархия, административная субординация, разветвление властных полномочий.

Историко-правовым содержанием цивилизация как феномен наполняется с принятием сводов законов. Для российской цивилизации это — договоры Древней Руси с Византией, свод законов «Русская правда», многочисленные летописи и другие документы.

О том, какие цивилизационные теории были разработаны и доставлены в наследство XXI в. речь пойдет в следующих статьях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2021.

Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 94–102.

Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа // История СССР. 1990. № 5. С. 70–86.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Минск: Харвест, М.: АСТ, 1999.

Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Гос. корпорация «Ростех», 2021.

Диденко И. Не Венец Творения. Все, что вы боитесь знать о будущем. М.: АО «Издательский дом “Аргументы недели”», 2020.

Жуков В.И. Основы современной цивилизации. Воронеж: Истоки, 1993.

Жуков В.И. На рубеже тысячелетий: социология отечественных преобразований. М.: Изд-во РГСУ, 2008.

Жуков В.И. Основы современной цивилизации: часть 4. Человек и общество. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1992.

Жуков В.И. Основы современной цивилизации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1991.

Жуков В.И. Славяно-русская цивилизация. 2-е изд., полиграф. перераб. и доп. М.: ИГП РАН: «Амирит», 2021.

Жуков В.И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: В 3 т. М.: Изд-во РГСУ, 2012.

Жуков В.И. Уроки российской цивилизации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1995.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: В 2 кн. М.: Алгоритм, 2001–2002.

Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Ин-т эконом. стратегий, 2008.

Леонтьев К.Н. Византия и славянство. Собрание сочинений. Т. 5. М.: В.М. Саблин, 1912.

Морган Д.Г. Древнее общество. Л.: Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1935.

Никонов В.А. Российская цивилизация. М.: Просвещение, 2021.

Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира: Монография. М.: Проспект, 2021.

Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2019.

Славяно-русско-российская цивилизация: Монография. 2-е изд., полиграфич., перераб. и доп. М.: ИГП РАН, «Амирит», 2021.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь в IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга I. М.: Концептуал, 2019.

Спицын Е.Ю. История России в картах, портретах и фотографиях с древнейших времен до конца XX века. М.: Концептуал, 2018.

Спицын Е.Ю. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов: В 4 кн. М.: Концептуал, 2019.

Спицын Е.Ю. Российская империя XVIII — начала XX в. Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. II. М.: Концептуал, 2019.

Спицын Е.Ю. Россия — Советский Союз. 1917–1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. III. М.: Концептуал, 2019.

Спицын Е.Ю. Россия — Советский Союз. 1946–1991 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. IV. М.: Концептуал, 2019.

Сычев Н.В. Формационная и цивилизационная теории (схемы) анализа исторического развития: единства и различия // РОССИЯ — ЗАПАД — ВОСТОК: новая формационно-цивилизационная конфигурация мира. М.: АНО СПО «СОТИС», 2021.

Тихонов В. Будущее человеческой цивилизации и России. Закономерности развития человеческого общества. М.: Палея, 1996.

Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019.

Уроки Российской цивилизации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1995.

Феер Л. Цивилизация: Эволюция слова и группы идей // Феер Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М.: Алгоритм ЭКСМО, 2009.
Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: ВладДар, 1995.

REFERENCES

- (1995). *Uroki Rossiiskoi tsivilizatsii* [Lessons from Russian civilization]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. (in Russ.).
- (1999). *Vsemirnaya istoriya: U istokov tsivilizatsii. Bronzovyi vek* [World History: At the Origins of Civilization. Bronze Age.]. Minsk: Harvest, Moscow: AST. (in Russ.).
- (2021). *Slavyano-russko-rossiiskaya tsivilizatsiya: monografiya* [Slavic-Russian-Russian civilization: monograph]. 2nd ed. Moscow: IGP RAS, Amirit. (in Russ.).
- Abalov, A. and Inozemtsev, V. (2021). *Beskonechnaya imperiya: Rossiya v poiskakh sebya* [Infinite Empire: Russia in Search of Itself]. Moscow: Al'pina Publisher. (in Russ.).
- Amelina, E. (1992). Ponyatie «tsivilizatsiya» vchera i segodnya [The Concept of “Civilization” Yesterday and Today]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2, pp. 94–102. (in Russ.).
- Barg, M.A. (1990). Kategoriya «tsivilizatsiya» kak metod sravnitel'no-istoricheskogo analiza [The Category “Civilization” as a Method of Comparative Historical Analysis]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 5, pp. 70–86. (in Russ.).
- Benvenist, E. (1974). *Tsivilizatsiya. Istoriya slova: obshchaya lingvistika* [Civilization. History of the Word: General Linguistics]. Moscow: Progress. (in Russ.).
- Didenko, I. (2020). *Ne Venets Tvoreniya. Vse, chto vy boites' znat' o budushchem* [Not the Crown of Creation. Everything you are Afraid to Know about the Future.]. Moscow: JSC “Publishing House” Argumenty Nedeli “. (in Russ.).
- Fevr, L. (1991). Tsivilizatsiya: Evolyutsiya slova i gruppy idei [Civilization: The Evolution of the Word and the Group of Ideas]. In: Fevr, L. *Boi za istoriyu* [Fights for History]. Moscow: Science. (in Russ.).
- Froyanov, I. Ya. (2009). *Rossiya. Pogruzhenie v bezdnu* [Russia. Diving into the abyss]. Moscow: Algoritm EKSMO. (in Russ.).
- Galushka, A.S, Niyazmetov, A.K. and Okulov, M.O. (2021). *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu* [A Crystal of Growth to the Russian Economic Miracle]. Moscow: State corporation “Rostec”. (in Russ.).
- Kara-Murza, S.G. (2001–2002). *Sovetskaya tsivilizatsiya. V 2-kh kn.* [Soviet Civilization. In 2 books.] Moscow: Algorithm. (in Russ.).
- Kuzyk, B.N. (2008). *Rossiya v tsivilizatsionnom izmerenii: fundamental'nye osnovy strategii innovatsionnogo razvitiya* [Russia in the Civilizational Dimension: Fundamental Foundations of the Strategy of Innovative Development.]. Moscow: Institute of Economics. strategies. (in Russ.).
- Leont'ev, K.N. (1912). *Vizantiya i slavyanstvo. Sbranie sochinenii* [Byzantium and Slavism. Collected Works]. Vol. 5. Moscow: V.M. Sablin. (in Russ.).
- Morgan, D.G. (1935). *Drevnee obshchestvo* [Ancient Society]. Leningrad: Publishing house of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR. (in Russ.).

Nikonov, V.A. (2021). *Rossiiskaya tsivilizatsiya* [Russian civilization]. Moscow: Prosveshchenie. (in Russ.).

Nikonov, V.A. (2021). *Rossiiskaya tsivilizatsiya* [Russian civilization]. Moscow: Prosveshchenie. (in Russ.).

Savenkov, A.N. (2019). *Gosudarstvo i pravo v period krizisa sovremennoi tsivilizatsii* [State and Law during the Crisis of Modern Civilization]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Savenkov, A.N. (2021). *Nyurnberg: Prigovor vo imya Mira: monografiya* [Nuremberg: A Verdict for Peace: Monograph.]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Savenkov, A.N. ed. (2019). *Transformatsiya paradigmy prava v tsivilizatsionnom razvitiy chelovechestva: doklady chlenov RAN* [Transformation of the Paradigm of Law in the Civilizational Development of Mankind: Reports of Members of the RAS]. Moscow: IGP RAS. (in Russ.).

Sorokin, P.A. (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat. (in Russ.).

Spitsin, E. Yu. (2019). *Drevnyaya i Srednevekovaya Rus' v IX–XVII vv.: Polnyi kurs istorii Rossii dlya uchitelei, prepodavatelei i studentov. Kniga I* [Ancient and Medieval Russia in the 9th-17th Centuries: A Complete Course on the History of Russia for Teachers, Professors and Students. Book I.] Moscow: Kontseptual. (in Russ.).

Spitsyn, E. Yu. (2018). *Istoriya Rossii v kartakh, portretakh i fotografiyakh s drevneishikh vremen do kontsa XX veka* [The History of Russia in Maps, Portraits and Photographs from Ancient Times to the End of the 20th Century.]. Moscow: Kontseptual. (in Russ.).

Spitsyn, E. Yu. (2019). *Polnyi kurs istorii Rossii dlya uchitelei, prepodavatelei i studentov. V 4-kh kn.* [A Complete Course on Russian History for Teachers, Professors and Students. In 4 books.] Moscow: Kontseptual. (in Russ.).

Spitsyn, E.Yu. (2019). *Rossiiskaya imperiya XVIII — nachala XX v. Polnyi kurs istorii Rossii dlya uchitelei, prepodavatelei i studentov. Kn. II.* [Russian Empire of the 18th — early 20th centuries A Complete Course on Russian History for Teachers, Professors and Students. Book. II] Moscow: Kontseptual. (in Russ.).

Spitsyn, E.Yu. (2019). *Rossiya — Sovetskii Soyuz. 1917–1945 gg.: Polnyi kurs istorii Rossii dlya uchitelei, prepodavatelei i studentov. Kn. III.* [Russia — the Soviet Union. 1917–1945: A complete course on Russian history for teachers, professors and students. Book. III]. Moscow: Kontseptual. (in Russ.).

Spitsyn, E. Yu. (2019). *Rossiya — Sovetskii Soyuz. 1946–1991 gg.: Polnyi kurs istorii Rossii dlya uchitelei, prepodavatelei i studentov. Kn. IV* [Russia — the Soviet Union. 1946–1991: A Complete Course on Russian History for Teachers, Professors and Students. Book. IV]. Moscow: Kontseptual. (in Russ.).

Sychev, N.V. (2021). Formatsionnaya i tsivilizatsionnaya teorii (skhemy) analiza istoricheskogo razvitiya: edinstva i razlichiya [Formation and Civilizational Theories (Schemes) of the Analysis of Historical Development: Unity and Difference]. In: *ROSSIYA — ZAPAD — VOSTOK: novaya formatsionno-tsivilizatsionnaya konfiguratsiya mira* [RUSSIA — WEST — EAST: A New Formational and Civilizational Configuration of the World]. Moscow: ANO SPO «SOTIS». (in Russ.).

Tikhonov, V. (1996). *Budushchee chelovecheskoi tsivilizatsii i Rossii. Zakonomernosti razvitiya chelovecheskogo obshchestva* [The Future of Human Civilization and Russia. Regularities of the Development of Human Society]. Moscow: Paleya. (in Russ.).

Yakovets, Yu.V. (1995). *Istoriya tsivilizatsii* [History of civilizations]. Moscow: Vldar. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (1995). *Uroki rossiiskoi tsivilizatsii* [Lessons from Russian Civilization]. Voronezh: Publishing House State Pedagogical University. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (1992). *Osnovy sovremennoi tsivilizatsii: chast' 4. Chelovek i obshchestvo* [Foundations of Modern Civilization: Part 4. Man and Society.]. Voronezh: Publishing House State Pedagogical University. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (1993). *Osnovy sovremennoi tsivilizatsii* [Foundations of Modern Civilization]. Voronezh: Istoki. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (2008). *Na rubezhe tysyacheletii: sotsiologiya otechestvennykh preobrazovaniy* [At the Turn of the Millennium: The Sociology of Domestic Transformations]. Moscow: Publishing house of the Russian State Social University. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (2012). *Sotsial'noe razvitiye Rossii: istoriko-sotsiologicheskaya komparativistika*. V 3-kh t. [Social Development of Russia: Historical and Sociological Comparative Studies. In 3 vol.]. Moscow: Publishing house of the Russian State Social University. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (2021). *Slavyano-russkaya tsivilizatsiya* [Slavic-Russian Civilization]. Ed. 2nd, polygraph. revised and add. Moscow: IGP RAS, Amirit. (in Russ.).

Zhukov, V.I. (1991). *Osnovy sovremennoi tsivilizatsii* [Foundations of modern civilization.]. Voronezh: Publishing House State Pedagogical University. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Жуков Василий Иванович — главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, академик РАН.

AUTHOR'S INFO:

Vasily I. Zhukov — Chief Researcher, Department of Legal Philosophy, Legal Theory and Legal History, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences, member of the Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Жуков В.И. Феномен цивилизации в истории и теории государства и права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 116–139. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zhukov

FOR CITATION:

Zhukov, V.I. (2021). Phenomenon of Civilization in the History and Theory of State and Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16 (6), pp. 116–139. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zhukov

ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ПАВЛОВА

Мировой судья судебного участка № 1 Фрунзенского района
г. Саратова
410012, Российская Федерация, г. Саратов,
ул. им. Емлютина Д.В., д. 39/45
E-mail: daenalita@mail.ru

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-pavlova

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ЛЕГАЛЬНОЕ СТАТУИРОВАНИЕ) СУДЕБНОГО АКТА КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА

Аннотация. Исследование посвящено формированию в доктрине и законодательстве подхода к судебному акту как юридическому факту. Рассмотрены позиции дореволюционных, советских и современных ученых. Отмечено, что прежде всего, на частноправовой доктрине формировались теоретико-правовые представления о судебном акте как основании для возникновения правовых последствий, в то же время комплексные исследования юридических фактов в публично-правовых науках стали появляться относительно недавно, и они во многом базируются на имеющихся теоретико-правовых достижениях. Отмечается, что действующее законодательство использует понятия «судебные акты», «судебные решения» и «решения суда», которые имеют различный объем содержания в разных отраслях права, что, в свою очередь, приводит к дефектам в рамках правоприменительного процесса. В работе автор предлагает алгоритм использования указанных понятий с целью недопущения сбоя механизма правового регулирования.

Ключевые слова: юридический факт, судебный акт, решение суда, судебное решение, система юридических фактов

YULIA VALERYEVNA PAVLOVA

Magistrate of the judicial district № 1 Frunzensky district of Saratov
39/45 Emlyutin str., Saratov,
410012, Russian Federation
E-mail: daenalita@mail.ru

LEGALIZATION (LEGAL STATUIZATION) A JUDICIAL ACT AS A LEGAL FACT

Abstract. The study is devoted to the formation of an approach to a judicial act as a legal fact in the doctrine and legislation. The positions of pre-revolutionary, So-

viet and modern scientists are considered. It is noted that, first of all, theoretical and legal ideas about a judicial act as the basis for the emergence of legal consequences were formed on the private law doctrine, at the same time, complex studies of legal facts in public law sciences began to appear relatively recently, and they are largely based on the available theoretical and legal achievements. It is noted that the current legislation uses the concepts of "judicial acts", "judicial decisions" and "court decisions", which have different amounts of content in different branches of law, which in turn leads to defects in the law enforcement process. In this paper, the author suggests an algorithm for using these concepts in order to prevent the failure of the mechanism of legal regulation.

Keywords: legal fact, judicial act, court decision, judicial decision, system of legal facts.

Признание судебного акта в качестве юридического факта имело сложную легальную и доктринальную судьбу. Прежде всего, следует заметить, что наибольший вклад в разрешение этой проблемы внесли представители частноправовой науки — сначала процессуалисты, а впоследствии и цивилисты-материалисты. Именно на частноправовой доктрине формировались теоретико-правовые представления о судебном акте как основании для возникновения правовых последствий. К примеру, в одной из первых монографических работ о юридических фактах в советском праве, состоявшейся в 1951 г., судебные акты как их разновидности не упоминались¹.

Комплексные исследования юридических фактов в публично-правовых науках стали появляться относительно недавно, и они во многом базируются на имеющихся теоретико-правовых достижениях и максимально соответствуют им в отношении понимания юридического факта, их видов и системы.

Дореволюционные ученые, преимущественно цивилисты, в качестве юридических фактов называли только действия (сделки и деликты) и события². В.И. Синайский писал, что дозволенные юридические действия как юридические факты — это только сделки (акты)³. Д.И. Мейер отмечал, что существует три источника обязательства: закон, договор и правонарушение⁴. Г.Ф. Шершеневич юридические

¹ См.: *Иванова З.Д.* Основания возникновения правоотношений по советскому праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1951.

² См.: *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 648.

³ См.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 142.

⁴ См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 2003. С. 494.

факты делил на события и юридические действия, но к последним относил только сделки и правонарушения⁵.

В советской юридической литературе одно из первых упоминаний о юридико-фактическом значении судебного решения встречается в учебнике по гражданскому праву 1944 г., где указывалось, что судебное решение способно не просто сопровождать и разрешать спорное гражданское правоотношение, а порождать его и конкретные гражданские права и обязанности участников спора⁶. Интересно заметить, что в 1940 г. М.М. Агарков в своей докторской диссертации, посвященной обязательству по советскому гражданскому праву, в качестве оснований возникновения обязательств указывал договор и административные акты, при этом упомянул, что «органы Госарбитража должны обязывать предприятие, указанное наркоматом-поставщиком, к заключению договора на фондируемую продукцию»⁷.

Процессуалисты не сомневались в том, что судебный акт способен повлечь процессуальные правовые последствия, однако далеко не все поддержали идею о том, что он имеет и материальное юридико-фактическое значение.

Н.Б. Зейдер прямо писал, что судебное решение является актом правосудия и его нельзя рассматривать как материально-правовой юридический факт⁸. А.А. Добровольский и С.А. Иванова также видели за судебным решением лишь средство принудительной реализации правоотношения, которое уже существует в реальной действительности в досудебной стадии и которое возникло вследствие уже наступивших юридических фактов⁹.

⁵ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. СПб., 1907. С. 74.

⁶ См.: *Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина.* М., 1944. Т. 1. С. 412.

⁷ *Агарков М.М.* Обязательства по советскому гражданскому праву // *Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1* М., 2002. С. 369.

⁸ См.: *Зейдер Н.Б.* Спорный вопрос гражданского процесса (к допустимости преобразовательных исков в советском праве) // *Советское государство и право.* 1947. № 4. С. 36–53. См. также: *Клейман А.Ф.* Советский гражданский процесс: Учебник. М., 1955. С. 148; *Семенов В.М.* Взаимная обязательность решений и приговоров в советском гражданском процессе // *Вопросы советского гражданского права и процесса: ученые записки СЮИ.* Т. III. М., 1955. С. 140; *Юдельсон К.С.* Советский гражданский процесс: Учебник. М., 1956. С. 210.

⁹ См.: *Добровольский А.А., Иванова С.А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 80.

Такой подход был во многом обусловлен идеей существования только двух видов исков — о признании и о принуждении. Судебные решения по этим искам ничего нового с фактической стороны не приносят в правоотношение, которое возникло до обращения в суд.

Однако М.А. Гурвич обратил внимание на то, что наряду с указанными видами исков и соответствующих судебных решений существуют преобразовательные (конститутивные) иски и судебные решения, которые содержательно и динамично влияют на материальное правоотношение¹⁰. Именно за преобразовательными судебными решениями с этой точки зрения следует признавать статус юридического факта гражданского права.

Н.А. Чечина, поддерживая идею существования преобразовательных исков, считала, что решения по ним не могут признаваться юридическими фактами, поскольку судебное решение определяет только порядок и срок исполнения обязанностей, которые вытекают из уже существующих правоотношений¹¹.

Преобразовательные иски выделялись и в дореволюционном праве. Еще Е.В. Васьковский писал, что содержанием преобразовательного иска является требование суда «создать, изменить или уничтожить» юридическое отношение, ближайшим основанием такого иска является наличие у истца субъективного преобразовательного права (право требовать развода, право требовать установления сервитута и проч.)¹².

Некоторые советские цивилисты поддержали необходимость выделения преобразовательных исков и только за ними стали признавать эффект юридического факта. Так, Д.М. Генкин писал, что суд своим решением по преобразовательному иску «вызывает к жизни правоотношение»¹³. С.Н. Братусь относил к юридическим фактам судебные решения по правообразующим искам, которые преобразуют существующее право в новое право либо изменяют или прекращают субъективное право (о разводе, о прекращении общей собственности)¹⁴. Но, например, С.И. Аскназий считал, что гражданские обязательственные

¹⁰ См.: Гурвич М.А. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // Известия Академии наук СССР. Отд. Экономики и права. 1945. № 2. С. 3.

¹¹ См.: Чечина Н.А. Судебное решение как акт государственной власти // Вопросы советского государства и права. Ученые записки ЛГУ. 1954. Вып. 5. № 182. С. 152.

¹² См.: Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 173–174.

¹³ Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. С. 76.

¹⁴ См.: Советское гражданское право / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1950. С. 47.

правоотношения возникают из закона, договора и предписаний регулирующих органов¹⁵.

Идеи процессуалистов о преобразовательных судебных решениях на монографическом уровне критически оценил и развил в плоскости гражданского права О.А. Красавчиков, который полагал, что «судебное решение не теряет характера юридического факта от того, какой предъявлен иск (о присуждении, о признании или так называемый правообразующий иск)», оно «сообщает» субъективному гражданскому праву «силу принудительного осуществления»¹⁶. При этом ученый, критикуя М.А. Гурвича, обращал внимание, что судебное решение не может являться «изолированным», исключительным, единственным юридическим фактом, порождающим гражданское правоотношение, оно — лишь часть сложного юридического состава, необходимо учитывать наличие фактических и юридических предпосылок возникновения и прекращения гражданских правоотношения, среди которых были названы нормы права и юридические факты¹⁷. Но, на наш взгляд, М.А. Гурвич, сохраняя значение юридического факта только за преобразовательными судебными решениями, не пытался игнорировать наличие у сторон спора досудебной (допроцессуальной) гражданско-правовой «предыстории». Он писал, что, например, «расторгнуть договор найма по основаниям, указанным в ст. 171 ГК, можно не иначе, как через суд, т.е. посредством судебного решения»¹⁸. Безусловно, принятие соответствующего судебного решения по применению указанной статьи Кодекса не могло не основываться на фактических обстоятельствах, служащих предпосылками предъявления исковых требований. Однако без судебного решения о расторжении договора, обязательства между сторонами не могли бы прекратиться по указанным основаниям. Именно в этом и состоит юридико-фактическое значение судебного решения, о котором, на наш взгляд, писал М.А. Гурвич.

Важно отметить, что и после проведенного исследования гражданско-правовых юридических фактов и выводов О.А. Красавчикова советские цивилисты не торопились единогласно причислять судебные решения к юридическим актам. Так, в монографии, посвященной гражданскому правоотношению, и в курсе лекций по гражданско-

¹⁵ См.: *Аскназий С.И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008. С. 628.

¹⁶ *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 198, 201.

¹⁷ См.: там же. С. 190–191.

¹⁸ *Гурвич М.А.* Указ. соч. С. 5.

му праву О.С. Иоффе¹⁹, и в учебнике под редакцией В.П. Грибанова²⁰, они в системе юридических фактов не упоминаются; в учебнике под редакцией В.А. Рясенцева значение юридических фактов придавалось судебным решениям по преобразовательным искам (направлены либо на преобразование существующего правоотношения в новое, либо на прекращение правоотношений)²¹.

Следует заметить, что рассматриваемая дискуссия разворачивалась при полном молчании отечественного законодателя по вопросу о том, является ли судебный акт основанием для возникновения правовых последствий, правоотношений, субъективных прав и юридических обязанностей. Гражданский кодекс (далее — ГК) РСФСР 1964 г. содержал общую статью о юридических фактах — ст. 4 «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей», в которой упоминание о судебных актах отсутствовало. Кодекс законов о труде РСФСР, Кодекс о браке и семье РСФСР, Жилищный кодекс РСФСР и их предшественники не содержали даже таких общих статей.

Возможно именно это обстоятельство, несмотря на большие усилия О.А. Красавчикова по статуйрованию судебного решения как особого юридического факта, к сожалению, не дало значительный толчок в проведении дальнейших ни теоретико-правовых, ни отраслевых разработок в этой сфере. Например, при систематизации юридических фактов советского авторского права, судебное решение описывалось кратко и исключительно в контексте судебной защиты нарушенных авторских прав²². В числе юридических фактов советского семейного права судебные акты кратко упоминались²³. В советском трудовом праве в качестве обязательных элементов «объективной стороны юридического факта» назывались приказ, распоряжение, акт назначения²⁴, судебные акты не упоминались.

¹⁹ См.: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М., 1967; *Иоффе О.С.* Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949.

²⁰ См.: Советское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. М., 1979. Т. 1. С. 215–217.

²¹ См.: Советское гражданское право: Учебник: В 2 ч. / Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1986. Ч. 1. С. 192.

²² См.: *Зернин Н.В.* Юридические факты в советском авторском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984. С. 11.

²³ См.: *Реутов С.И.* Юридические факты в советском семейном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1976. С. 15.

²⁴ См.: *Баринов О.В.* Юридические факты в советском трудовом праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1980. С. 180. См. также: *Бодерскова В.С.*

Обратимся к некоторым теоретико-правовым научным источникам, посвященным юридическим фактам, в целях уяснения роли и места судебных актов в их системе. С.С. Алексеев рассматривал в качестве юридического факта правоприменительный акт как «завершающий факт, который приводит в действие охранительное правоотношение и, следовательно, заканчивает накопление обстоятельств, необходимых для возникновения юридической ответственности» и описывал его как один из фактов из фактического состава юридической ответственности²⁵. В.В. Лазарев называл правоприменительные акты «дополнительными» юридическими фактами²⁶.

Большой вклад в разработку отечественной теории юридических фактов сделал В.Б. Исаков. В отношении индивидуальных правовых актов, к которым он относил и судебное решение, он пояснял, что последнее выполняет функцию юридических фактов только как элемент фактических составов, при этом оно «как бы аккумулирует юридическое содержание фактического состава, подводит итог его развитию»²⁷. Также он замечал, что судебные органы ведут исключительно фактофиксирующую деятельность — фиксируют «юридические факты в приговорах, решениях, определениях»²⁸. В.Б. Исаков также обращал внимание, что есть материальные и процессуальные юридические факты, последние связаны с «процессом, его движением и развитием»²⁹. При этом ученый сделал общий вывод, что судебное решение является исключительно элементом фактического состава и материально-процессуальным юридическим фактом³⁰.

В.Н. Синюков обратил внимание на необходимость создания научно обоснованного «реестра» юридических фактов, который «может способствовать повышению эффективности правового регулирования, упрощению и удешевлению юридического процесса, работы ор-

Юридические факты в процессе развития трудового правоотношения: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

²⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. М., 2008. С. 425.

²⁶ Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 59.

²⁷ Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 72.

²⁸ Исаков В.Б. Юридические факты // Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М., 1987. С. 299.

²⁹ Исаков В.Б. Юридические факты // Общая теория государства и права: академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 291.

³⁰ См.: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 77.

ганов государственного аппарата»³¹, но судебные акты в такой реестр не внес.

В конце прошлого века судебные акты как юридические факты учеными-теоретиками права прямо не назывались, а деятельность судов рассматривалась исключительно в контексте применения права, при этом отмечалось, что суд «вторгается в сферу прав и обязанностей гражданина или соответствующего структурного образования», создает правоприменительный акт, который является основанием лишь для «прямого принуждения, насилия»³². В.И. Леушин выделял среди юридических фактов индивидуальные юридические акты и относил к ним акты применения права в целом³³.

Н.А. Тузов полагает, что судебный порядок является одним из общих порядков возникновения (или установления), изменения и прекращения правоотношений. Судя по рассуждениям автора, любые судебные акты являются юридическими фактами, и от вида иска это не зависит³⁴.

В современной учебной литературе упоминается о том, что приговоры и решения суда относятся к юридическим актам как разновидности юридических фактов³⁵.

В последних монографических теоретико-правовых работах о юридических фактах судебные акты не выделяются. При этом отмечается, что «правоприменитель привлекается к участию на третьей стадии — стадии реализации права в рамках уже существующего правоотношения, при условии, если ход его развития отклоняется от нормы»³⁶. В процессе изучения правообразующих юридических фактов был сделан вывод, что они формируются следующим образом: «Лицо, обладающее правосубъектностью, на основе своих потребностей, проанализировав правовые нормы, содержащие различные модели поведения, выбирает ту из них, которая, по мнению лица, способна наиболее полно удовлетворить его потребности, и осуществляет

³¹ Синюков В.Н. Юридические факты в системе общественных отношений: Дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985. С. 7.

³² Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 485, 513.

³³ См.: Леушин В.И. Правовые отношения // Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 354.

³⁴ См.: Тузов Н.А. Правоотношения // Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 446.

³⁵ См.: Лазарев В.В. Проблемы общей теории *jus*: Учебник. М., 2012. С. 447.

³⁶ Рябов А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 10.

волевое действие, направленное на фактическую реализацию правовой модели», а «правоприменительный орган или иной субъект процессуального познания судит о волевом моменте в правообразующих юридических актах»³⁷. Таким образом, суд самостоятельно «породить» правоотношение не может, он «привлекается» в уже существующее правоотношение и судит о возникших юридических фактах.

В одном из наиболее значимых первых нормативных правовых актов постсоветского периода — Основы гражданского законодательства СССР и республик³⁸ — также не упоминалось о судебном решении как основании возникновения гражданских прав и обязанностей, несмотря на наличие одноименной статьи (ст. 3).

Впервые судебный акт был включен в перечень оснований возникновения прав и обязанностей в ГК РФ 1994 г. (ст. 8) в качестве «судебного решения, установившего гражданские права и обязанности». В отдельных гражданско-правовых сферах роль судебных решений как юридических фактов до сих пор не усматривается. Например, не выделяются судебные решения в качестве юридических фактов в механизме правового регулирования деятельности акционерных обществ³⁹, не называются они и в качестве самостоятельного основания возникновения гражданско-правовых обязанностей⁴⁰.

Однако цивилисты наиболее близки к признанию судебного акта в качестве самостоятельного юридического факта, но с рядом ограничений: только *судебные решения* и только *устанавливающие* гражданские права и обязанности. При этом, например, определение суда об обеспечительных мерах также способно устанавливать гражданско-правовые обязанности. Из научных гражданско-правовых источников, к сожалению, не понятно, является ли оно судебным решением, влекущем установление гражданских прав и обязанностей, в понимании цивилистов.

В Трудовом кодексе РФ (далее — ТК РФ) упоминается о таком основании возникновения трудовых отношений, как «судебное ре-

³⁷ Якушев П.А. Правообразующие юридические акты и поступки в механизме правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15, 16.

³⁸ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733 (утратили силу).

³⁹ См.: Клячин А.А. Юридические факты в механизме гражданско-правового регулирования деятельности акционерных обществ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016.

⁴⁰ См.: Провальский А.А. Механизм возникновения и реализации гражданско-правовых обязанностей: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

шение о заключении трудового договора» (ст. 16 ТК РФ). В трудово-правовой доктрине с этого момента судебное решение стали признавать юридическим фактом, однако исключительно в сложных юридических составах при необоснованном отказе в приеме на работу⁴¹. При этом завершающим фактический состав юридическим фактом может быть только трудовой договор. Э.Н. Бондаренко пишет, что судебное решение является исключительно «обязательной предтечей» заключения трудового договора при восстановлении на работе⁴².

Оригинальной позиции по этому вопросу придерживается А.В. Кручинин, считающий, что судебное решение о заключении трудового договора является таким же основанием возникновения трудовых отношений, как и сам трудовой договор⁴³. С.В. Зверев полагает, что правоприменительный акт в трудовом праве лишь признает и документально фиксирует существование основных юридических фактов, поэтому его можно рассматривать только в качестве производного по отношению к основаниям его принятия и его нельзя признать «самостоятельным элементом системы механизма правового регулирования изменения и прекращения трудового правоотношения»⁴⁴.

Следует также обратить внимание, что в ТК РФ фигурируют и другие судебные решения, влияющие на права и обязанности субъектов трудовых отношений и не связанные с заключением трудового договора. Так, в силу абз. 7 ст. 394 ТК РФ основанием для выплаты работнику среднего заработка за все время вынужденного прогула является решение суда, согласно абз. 6 ст. 394 ТК РФ судебным решением может быть изменена формулировка основания увольнения. Решением суда приостанавливается забастовка либо она может быть признана незаконной, и такое решение непосредственно влечет трудовые последствия, например, возникает обязанность работников приступить к работе (ст. 411, 412, 413 ТК РФ).

⁴¹ См.: Долова А.З. Юридические факты в трудовом праве: Монография. М., 2009. С. 98–99. См. также: Долова А.З. Юридические факты в трудовом праве: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009; Бондаренко Э.Н. Основания возникновения трудовых правоотношений: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 10.

⁴² См.: Бондаренко Э.Н. Указ. соч. С. 255.

⁴³ См.: Кручинин А.В. Юридические факты и их составы, обуславливающие возникновение индивидуальных трудовых правоотношений в России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2003. С. 10.

⁴⁴ Зверев С.И. Основания изменения и прекращения трудовых правоотношений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

В Земельном кодексе РФ есть статья, в которой упоминается о следующем юридическом факте: «Судебное решение, установившее право на землю, является юридическим основанием, при наличии которого органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним обязаны осуществить государственную регистрацию права на землю или сделки с землей» (ст. 59).

В Жилищном кодексе РФ установлено, что жилищные права и обязанности возникают «из судебных решений, установивших жилищные права и обязанности» (пп. 3 ст. 10). В жилищно-правовой литературе обосновывается, что судебные решения должны признаваться единственными правоприменительными актами, имеющими статус юридических фактов, а административные акты (решение о постановке на учет, о предоставлении жилого помещения и др.) должны быть исключены из жилищного законодательства⁴⁵.

Заметим, что среди частноправовых кодифицированных актов лишь в Семейном кодексе РФ отсутствует специальная статья, посвященная основаниям возникновения прав и обязанностей. Возможно, в связи с этим в комплексном исследовании юридических фактов семейного права судебные акты в числе правомерных действий-актов даже не упомянуты⁴⁶. Однако влияние судебных актов именно на семейно-правовые отношения бесспорно, и многие из них являются основаниями возникновения именно семейных прав и обязанностей⁴⁷. В советском семейном праве все судебные акты (акты органов правосудия), каким-либо образом связанные с семейными правоотношениями, относили к семейно-правовым юридическим фактам, и в связи с этим выделяли: констатирующие, присуждающие, изменяющие, аннулирующие, праввосстанавливающие и прекращающие судебные акты — юридические факты. При этом самостоятельное юридико-фактическое значение за ними не признавалось, т.е. *непосредственно*, без других юридических фактов они не воздействуют на семейные правоотношения⁴⁸. Например, по мнению ученых, решение суда

⁴⁵ См.: Бакирова Е.Ю. Юридические факты в жилищных отношениях: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 17.

⁴⁶ См.: Маркосян А.В. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁴⁷ См.: Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.

⁴⁸ См.: Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск, 1989. С. 83–86.

об установлении отцовства не может само по себе влечь возникновение прав и обязанностей родителей и детей, они возникают на основании факта происхождения детей, который суд подтверждает⁴⁹. На этом основании судебные акты могли быть лишь одним из элементов семейно-правового фактического состава.

Также считаем необходимым заметить, что ни в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее — ГПК РФ), ни в Арбитражном процессуальном кодексе (далее — АПК РФ) вообще не используется такой термин, как «судебное решение», законодатель оперирует другим термином — «решение суда» и нигде не упоминает, что эти термины тождественны. В связи с этим возникает закономерный вопрос, что именно под «судебным решением» следует понимать в указанных кодифицированных актах частного права, особенно с учетом того, что в их текстах и в текстах отраслевых некодифицированных актов используется словосочетание «на основании решения суда», а не «на основании судебного решения»⁵⁰?

В нормативных правовых актах публичного права системное изложение юридических фактов, служащих основанием для возникновения соответствующих правовых последствий, практически отсутствует. Следует отметить, что лишь в ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) содержится исчерпывающий перечень оснований исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, а именно: приговор либо изменяющие его определение или постановление суда, вступившие в законную силу, а также акт помилования или акт об амнистии. Однако в доктрине имеется более развернутая система юридических актов уголовно-исполнительного права, при этом судебные акты относят к вспомогательным, которые «складываются ради материальных юридических фактов», но «для того чтобы привести в движение материальный юридический факт, нужен соответствующий процессуальный юридический факт, а иногда и несколько таких фактов. Процессуальные юридические факты, наряду с другими фактами, выполняют процедурную

⁴⁹ См.: Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск, 1989. С. 85.

⁵⁰ См., например: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г., с изм. от 24 февраля 2021 г.) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1; Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ (ред. от 29 декабря 2020 г.) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003 № 24. Ст. 2249; Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

роль и выступают в качестве надстройки над основными, материальными юридическими фактами»⁵¹.

Из Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) можно узнать, что основанием уголовной ответственности является «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» (ст. 8). В науке уголовного права обращается внимание на то, что правоприменительные акты составляют значительную часть юридических фактов, но они не имеют самостоятельного значения, а «внесены в фактические составы уголовного права» в качестве завершающего факта.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) имеется упоминание, например, о таком основании для прекращения уголовного дела: «Отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 2 и 2.1 части первой статьи 448 настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 24 УПК РФ). С учетом содержания ст. 5 УПК РФ место заключений суда в системе судебных актов и уголовно-процессуальных юридических фактов не определено. Но очевидно, что этим актом юридико-фактическая роль суда в уголовном процессе не ограничивается. В целом для уголовно-процессуальной доктрины, так же как и для уголовно-правовой, характерно рассматривать правоприменительный акт как «особый юридический факт, производный по отношению к основаниям его принятия», он не может считаться самостоятельным элементом механизма уголовно-процессуального регулирования⁵².

С.Г. Леонов, подчеркивая исключительно производный характер правоприменительных актов в уголовном процессе, отмечает также, что они являются «результатом анализа и синтеза итогов фактоустановительной деятельности и правовой оценки установленных в ходе ее обстоятельств»⁵³.

В праве социального обеспечения судебные акты в качестве юридических фактов не упоминаются. При этом, например, админи-

⁵¹ *Полищук Н.Н.* Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2009. С. 44–45.

⁵² См.: *Кутюхин И.В.* Юридический факт в механизме уголовно-процессуального регулирования. Владивосток, 2010. С. 9. См. также: *Чернова С.С.* Болезнь как юридический факт в уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009.

⁵³ *Леонов С.Г.* Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 8.

стративные акты (о предоставлении конкретного вида обеспечения) не включают в систему юридических фактов, называют вспомогательными фактами, «которые нужны для законного и обоснованного наступления материально-правовых последствий»⁵⁴.

В Налоговом кодексе РФ (далее — НК РФ) в качестве оснований для возникновения налоговых правовых последствий называется «вступившее в законную силу решение суда». В абз. 2 ч. 3 ст. 75 НК РФ упоминается решение суда, которым были приняты обеспечительные меры в виде приостановления операций по счетам налогоплательщика, являющееся основанием для неначисления пени. При этом заметим, что обеспечительные меры вводятся не решением суда, а *определением* суда. В науке налогового права выделяют односторонние действия-факты, иницилируемые налоговыми и другими органами государственной власти, включая и органы судебной власти, а также «юридические факты, установленные в решениях судебных органов, способствующие изменению уже существующих налоговых правоотношений»⁵⁵.

Обратимся к сведениям о судебных актах как юридических фактах в других кодифицированных актах.

В соответствии с ч. 3 ст. 107¹ Воздушного кодекса РФ приговор суда или обвинительный апелляционный приговор о признании лица виновным в совершении на борту воздушного судна преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 или ст. 267¹ УК РФ, является основанием для принятия решения о внесении пассажира в реестр лиц, воздушная перевозка которых ограничена перевозчиком.

Согласно ст. 10 Водного кодекса РФ решение суда является основанием для принудительного прекращения права пользования водным объектом в случаях нецелевого использования водного объекта; использования водного объекта с нарушением законодательства РФ; неиспользования водного объекта в установленные договором водопользования или решением о предоставлении водного объекта в пользование сроки. В силу ст. 36¹ Водного кодекса РФ решение суда является основанием для включения лица в реестр недо-

⁵⁴ Бутенко Е.И. Особенности юридических фактов в праве социального обеспечения России: теоретический аспект: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 10. См. также: Рыбакова И.И. Установление фактов, имеющих юридическое значение для пенсионного обеспечения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1972.

⁵⁵ Бабнова Ю.В. Юридические факты в налоговом праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8–9.

бросовестных водопользователей и участников аукциона на право заключения договора водопользования, а на основании ст. 41 Водного кодекса РФ — для приостановления или ограничения водопользования.

В Кодексе внутреннего водного транспорта РФ (далее — КВВТ РФ) упоминается о вступившем в законную силу решении суда как основании для государственной регистрации судна и прав на него (ст. 18), о судебном решении о принудительной продаже судна как об основании для исключения судна из реестра судов (ч. 1 ст. 21), об *определении или решении* суда о приостановлении государственной регистрации судна (ч. 6 ст. 20). В последнем случае не вполне понятно, о каком определении и решении суда о приостановлении государственной регистрации идет речь? Что будет являться основанием для принятия судом *определения* о приостановлении регистрации, а что основанием для принятия судом *решения* о приостановлении регистрации? Идет ли в последнем случае речь именно об итоговом судебном решении? В комментаторской литературе отмечается, что этом случае государственная регистрация приостанавливается «до отмены судом *своего* решения о приостановлении»⁵⁶. Очевидно, что суд не может отменить свое итоговое решение.

В КВВТ РФ также упоминается о *промежуточном* решении суда, арбитражного суда, третейского суда об уплате спасателю авансом суммы, которая представляется справедливой и разумной (ст. 138). Отметим, что упоминание о промежуточном судебном решении отсутствует как в АПК, так и в ГПК РФ, этот термин используется в ст. 5 УПК РФ как любое решение суда, отличное от итогового решения, но очевидно, что такими решениями вопрос об уплате суммы авансом спасателю не разрешается.

Согласно Кодексу торгового мореплавания РФ (далее — КТМ РФ) суд, рассматривающий спор о диспаше, может оставить диспашу в силе, внести в нее изменения или отменить ее и поручить диспашеру составить новую диспашу в соответствии с решением суда (ст. 308). Аналогично с правилами КВВТ РФ промежуточное судебное решение может постановить об уплате спасателю авансом такой суммы, которая представляется справедливой и разумной, и на таких условиях (в том числе при необходимости на условиях обеспечения требования), ко-

⁵⁶ Алихаджиева А.С., Артемьев Е.В., Куликова О.В., Свечникова И.В. Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации (постатейный) / Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

торые являются справедливыми и разумными исходя из обстоятельств конкретного дела (ч. 1 ст. 352 КТМ РФ). В силу ст. 384 КТМ РФ решение суда является основанием для принудительной продажи обремененного ипотекой судна при неисполнении залогодателем обязательства по оплате долга: судно или строящееся судно может быть продано на основании решения суда по месту нахождения арестованного судна или арестованного строящегося судна.

Вступившее в законную силу решение суда об отказе в удовлетворении исковых требований о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями допускает: внесение в правила землепользования и застройки изменений (ч. 7 ст. 33 Градостроительного кодекса РФ (далее — ГрК РФ)), предоставление разрешения на условно разрешенный вид использования в отношении земельного участка, на котором расположена такая постройка, или в отношении такой постройки (ч. 11¹ ст. 39), предоставление разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства в отношении земельного участка, на котором расположена такая постройка (ч. 6¹ ст. 40).

В соответствии с пп. 9¹ ч. 3 ст. 55²² ГрК РФ Совет Национального объединения саморегулируемых организаций на основании решения суда принимает решение об осуществлении выплат в связи с наступлением ответственности саморегулируемой организации, сведения о которой исключены из государственного реестра саморегулируемых организаций. Обратим внимание, что здесь законодатель в ГрК РФ не счел нужным отметить, что такое решение суда должно быть вступившим в силу.

Согласно ч. 1 ст. 55²⁹ ГрК РФ, чтобы стать участником аукциона на право заключения договора об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемного дома коммерческого использования, должно отсутствовать решение арбитражного суда о введении или продлении срока внешнего управления, о признании юридического лица — заявителя несостоятельным (банкротом) и об открытии конкурсного производства на день подачи заявки на участие в аукционе. Должно ли такое решение суда быть вступившим в силу на день подачи заявки?

Решение суда является основанием для сноса объекта капитального строительства (ч. 1 ст. 55³⁰ ГрК РФ).

В случае недостижения соглашения (как правило, между собственником объекта капитального строительства или собственниками по-

мещений в нем с правообладателем здания или сооружения, в связи с размещением которых установлена зона с особыми условиями использования территории) о возмещении убытков снос объекта капитального строительства, расположенного в границах зоны с особыми условиями использования территории, или его приведение в соответствие осуществляется *исключительно* на основании решения суда (ч. 2 ст. 55³³ ГрК РФ). Заметим, что в других российских нормативных правовых актах указание на *исключительность* судебного решения как основания возникновения прав и обязанностей не содержится. Думается, что с технико-юридических позиций такое указание в законодательстве излишне, особенно при недостижении соглашения: очевидно, что при отсутствии добровольного соглашения между сторонами спор может быть разрешен только судом.

Таким образом, легализация судебных актов как юридических фактов происходит спонтанно, неединообразно, пробельно и коллизионно как с содержательных, так и с терминологических позиций. В гражданском и жилищном законодательстве упоминается только о *судебном решении*, установившим гражданские (соответственно — жилищные) права и обязанности, при этом последние устанавливаются и иными актами суда. В трудовом законодательстве статуйровано только *судебное решение о заключении трудового договора*, хотя трудовые права и обязанности возникают и из решений суда с другим предметом спора. При этом в ГПК РФ и АПК РФ термин «судебное решение» отсутствует в принципе. Только в Уголовно-исполнительном кодексе РФ и в ГрК РФ упоминаются в качестве юридических фактов не просто судебные акты, а именно *вступившие в законную силу* — приговор, определение, постановление суда и решение суда соответственно. При этом в ГрК РФ в качестве юридических фактов названы и просто решения суда, без указания на их вступление в законную силу. В Воздушном кодексе РФ юридическим фактом названы приговор суда или обвинительный апелляционный приговор о признании лица виновным в совершении на борту воздушного судна преступления, при этом согласно УПК РФ понятие приговора суда охватывает и обвинительный апелляционный приговор. В КТМ РФ и КВВТ РФ в числе юридических фактов названо промежуточное решение суда, арбитражного суда, третейского суда об уплате спасателю авансом суммы, однако такое понятие, как «*промежуточное решение суда*», неизвестно ни гражданскому, ни арбитражному процессу. УПК РФ является единственным кодифицированным актом, в котором системно используется именно термин «*судебные решения*»

и им охватываются приговоры, определения, постановления; судебные решения делятся на итоговые и промежуточные (постановления и определения, не разрешающие дело по существу); наряду с судебными решениями существуют также совершаемые судом процессуальные действия и процессуальные решения, юридико-фактический потенциал которых пока не изучен. Место заключений суда в системе судебных решений и юридических фактов в уголовном процессе не определено.

С учетом того, что объемы понятий «судебные акты», «судебные решения» и «решения суда» различаются в разных отраслях права, при легализации судебных актов в качестве юридических фактов законодателю следует учитывать следующий алгоритм: 1) учитывая терминологию, принятую в процессуальном законодательстве, указать название судебного акта (актов), который способен повлечь конкретное правовое последствие; 2) если правовое последствие может повлечь любой судебный акт или определить его точное название невозможно или нецелесообразно, то указать общее родовое понятие «судебный акт»; 3) если для наступления конкретных правовых последствий имеет значение только судебный акт, вступивший в законную силу, то специально указать на это; 4) если для наступления правовых последствий требуется наличие (отсутствие) судебного акта о конкретном предмете (об установлении права или обязанности, о заключении договора, о признании виновным в конкретном преступлении, о наличии признаков преступления и проч.), необходима полная формулировка названия такого судебного акта вместе с его предметом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1 М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 163–461.

Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2008.

Алихаджиева А.С., Артемьев Е.В., Куликова О.В., Свечникова И.В. Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации (постатейный). М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008.

Бабнова Ю.В. Юридические факты в налоговом праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский гуманитарный университет, 2012.

Бакирова Е.Ю. Юридические факты в жилищных отношениях: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003.

Баринов О.В. Юридические факты в советском трудовом праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л.: Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А.А. Жданова, 1980.

Бодерскова Г.С. Юридические факты в процессе развития трудового правоотношения: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московский ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской Революции государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1983.

Бондаренко Э.Н. Основания возникновения трудовых правоотношений: Дисс. ... докт. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2004.

Бутенко Е.И. Особенности юридических фактов в праве социального обеспечения России: теоретический аспект: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010.

Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003.

Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 1998.

Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003.

Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1944.

Гурвич М.А. Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // Известия Академии наук СССР. Отделение Экономики и права. 1945. № 2. С. 1–12.

Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989.

Добровольский А.А., Иванова С.А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Долова А.З. Юридические факты в трудовом праве: Монография. М.: Проспект, 2009.

Долова А.З. Юридические факты в трудовом праве: Дисс. ... докт. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2009.

Зверев С.И. Основания изменения и прекращения трудовых правоотношений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2007.

Зейдер Н.Б. Спорный вопрос гражданского процесса (к допустимости преобразовательных исков в советском праве) // Советское государство и право. 1947. № 4. С. 36–53.

Зернин Н.В. Юридические факты в советском авторском праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Свердловский ордена Трудового Красного Знамени юридический институт им. Р.А. Руденко, 1984.

Иванова З.Д. Основания возникновения правоотношений по советскому праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московский юридический институт, 1951.

Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.

Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1949.

Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967.

Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984.

Исаков В.Б. Юридические факты // Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 1987.

Исаков В.Б. Юридические факты // Общая теория государства и права: академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М.: Зерцало, 1998.

Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980.

Клейман А.Ф. Советский гражданский процесс: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1955.

Клячин А.А. Юридические факты в механизме гражданско-правового регулирования деятельности акционерных обществ: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016.

Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005.

Кручинин А.В. Юридические факты и их составы, обуславливающие возникновение индивидуальных трудовых правоотношений в России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 2003.

Кутюхин И.В. Юридический факт в механизме уголовно-процессуального регулирования. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2010.

Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972.

Лазарев В.В. Проблемы общей теории *jus*: Учебник. М.: Норма ИНФРА-М, 2012.

Леушин В.И. Правовые отношения // Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: НОРМА ИНФРА-М., 1998.

Леонов С.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2011.

Маркосян А.В. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный социальный университет, 2007.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003.

Полищук Н.Н. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб.: Юридический институт, 2009.

Провальский А.А. Механизм возникновения и реализации гражданско-правовых обязанностей: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Московский городской университет управления Правительства Москвы, 2007.

Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Всесоюзный юридический заочный институт, 1976.

Рыбакова И.И. Установление фактов, имеющих юридическое значение для пенсионного обеспечения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Всесоюз. юрид. заоч. ин-т, 1972.

Рябов А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2005.

Семенов В.М. Взаимная обязательность решений и приговоров в советском гражданском процессе // Вопросы советского гражданского права и процесса: ученые записки СЮИ. Т III. М.: Госюриздат, 1955.

Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002.

Синюков В.Н. Юридические факты в системе общественных отношений: Дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск: Свердловский ордена Трудового Красного знамени юридический институт имени Р.А. Руденко, 1985.

Советское гражданское право / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1950.

Советское гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1979.

Советское гражданское право: Учебник: В 2 ч. / Под ред. В.А. Рясенцева. Ч. 1. М.: Юридическая литература, 1986.

Тузов Н.А. Правоотношения // Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. В.М. Сырых. М.: ЭСКМО, 2008.

Чернова С.С. Болезнь как юридический факт в уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2009.

Чечина Н.А. Судебное решение как акт государственной власти // Вопросы советского государства и права. Ученые записки ЛГУ. 1954. № 182. Вып. 5. С. 135–153.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. СПб.: Издание бр. Башмаковыхъ, 1907.

Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: Учебник. М.: Госюриздат, 1956.

Якушев П.А. Правообразующие юридические акты и поступки в механизме правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, 2004.

REFERENCES

Agarkov, M.M. (2002) Obyazatel'stva po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligations under the Soviet Civil Law.]. In: *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. I.* [Selected Works on Civil Law: in 2 Volumes. Volume 1]. Moscow: Yurinfo Center, pp. 163–461. (in Russ.).

Agarkov, M.M. and Genkin, D.M. ed. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik* [Civil Law: Textbook] 1944. Volume. 1. Moscow: Yurizdat NKYU USSR. (in Russ.).

Alekseev, S.S. (2008). *Obshchaya teoriya prava: uchebnik* [General Theory of Law: Textbook.]. Moscow: TK Velbi, Prospect. (in Russ.).

Alikhadzhieva, A.S., Artem'ev, E.V., Kulikova, O.V. and Svechnikova, I.V. (2012). *Kommentarii k Kodeksu vnutrennego vodnogo transporta Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Code of Inland Water Transport of the Russian Federation “(article-by-article) // SPS “ConsultantPlus”].

Asknazyi, S.I. (2008). *Osnovnye voprosy teorii sotsialisticheskogo grazhdanskogo prava* [Basic Issues of the Theory of Socialist Civil Law]. Moscow: Statute. (in Russ.).

Babnova, Yu.V. (2012). *Yuridicheskie fakty v nalogovom prave* [Legal facts in tax law]. The Candidate of Legal Sciences Thesis' Abstract. Moscow: Moscow University for the Humanities. 2012.

Bakirova, E. Yu. (2003). *Yuridicheskie fakty v zhilishchnykh otnosheniyakh* [Legal Facts in Housing Relations]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Saratov: Saratov State Academy of Law. (in Russ.).

Barinov, O.V. (1980). *Yuridicheskie fakty v sovetskom trudovom prave* [Legal Facts in the Soviet Labor Law]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Leningrad: Leningrad Order of Lenin and the Order of the Red Banner of Labor State University named after A.A. Zhdanov. (in Russ.).

Boderskova, G.S. (1983). *Yuridicheskie fakty v protsesse razvitiya trudovogo pravootnosheniya* [Legal Facts in the Process of Development of Labor Relations]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: Moscow State University of the Order of Lenin, the Order of the Red Banner of Labor and the Order of the October Revolution. (in Russ.).

Bondarenko, E.N. (2004). *Osnovaniya vozniknoveniya trudovykh pravootnoshenii* [The Grounds for the Emergence of Labor Relations]. Doctor of Legal Sciences Thesis' Abstract. Moscow: Moscow State Academy of law. (in Russ.).

Bratusya, S.N. (1950). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (in Russ.).

Butenko, E.I. (2010). *Osobennosti yuridicheskikh faktov v prave sotsial'nogo obespecheniya Rossii: teoreticheskii aspekt* [Features of Legal Facts in the Law of Social Security of Russia: Theoretical Aspect]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (in Russ.).

Chechina, N.A. (1954). *Sudebnoe Reshenie Kak Akt Gosudarstvennoi Vlasti* [Judicial Decision as an Act of State Power]. *Voprosy sovetskogo gosudarstva i prava. Uchenye zapiski LGU* [Questions of the Soviet state and law. Scientific notes of LSU], 182 (5), pp.135–153 (in Russ.).

Chernova, S.S. (2009). *Bolezn' kak yuridicheskii fakt v ugovolnom sudoproizvodstve* [Illness as a Legal Fact in Criminal Proceedings]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russ.).

Danilin, V.I. and Reutov, S.I. (1989). *Yuridicheskie fakty v sovetskom semeinom prave* [Legal Facts in Soviet Family Law]. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural University (in Russ.).

Dobrovolsky, A.A. and Ivanova, S.A. (1979). *Osnovnye problemy iskovoi formy zashchity prava* [The Main Problems of the Claim Form of Legal Protection]. Moscow: Publishing House of Moscow State University (in Russ.).

Dolova, A.Z. (2009). *Yuridicheskie fakty v trudovom prave* [Legal Facts in Labor Law]. Doctor of Legal Sciences Thesis' Abstract. Moscow: Moscow State Academy of Law. (in Russ.).

Dolova, A.Z. (2009). *Yuridicheskie fakty v trudovom prave: monografiya* [Legal Facts in Labor Law: Monograph]. Moscow: Prospect (in Russ.).

Gambarov, Yu.S. (2003). *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. General Part]. Moscow: Zertsalo (in Russ.).

Gribanova, V.P. and Korneeva, S.M. (1979). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. T. 1.* [Soviet Civil Law: Textbook: in 2 Volumes. Volume 1]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (in Russ.).

Gurvich, M.A. (1945). Vidy iskov po sovetskomu grazhdanskomu protsessual'nomu pravu [Types of Claims under the Soviet Civil Procedural Law]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie Ekonomiki i prava* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law], 2, pp. 1–12.

Ilina, O. Yu (2016). Sudebnoe reshenie kak osnovanie vzniknoveniya semeinykh prav i obyazannosti [A Court Decision as a Basis for the Emergence of Family Rights and Obligations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 8, pp. 13–17 (in Russ.).

Ioffe, O.S. (1949). *Pravootnosheniya po sovetskomu grazhdanskomu prave* [Legal Relations in the Soviet Civil Law]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University (in Russ.).

Ioffe, O.S. (1967). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Moscow: Yuridicheskaya literature (in Russ.).

Isakov, V.B. (1980). *Fakticheskii sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [The Actual Composition in the Mechanism of Legal Regulation]. Saratov: Publishing House of the Saratov University. (in Russ.).

Isakov, V.B. (1984). *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* [Legal Facts in Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (in Moscow).

Isakov, V.B. (1987). Yuridicheskie fakty [Legal Facts]. In: Alekseev, S.S. ed. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (in Russ.).

Isakov, V.B. (1998). Yuridicheskie fakty. [Legal Facts]. In: Marchenko, M.N. ed. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskii kurs: v 2 t. T. 2.* [General Theory of State and Law: Academic Course: in 2 Volumes. Volume 2]. Moscow: Zertsalo.

Ivanova, Z.D. (1951). *Osnovaniya vzniknoveniya pravootnoshenii po sovetskomu pravu* [The Grounds for the Emergence of Legal Relations under Soviet Law]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: Moscow Law Institute (in Russ.).

Kleiman, A.F. (1955). *Sovetskii grazhdanskii protsess: uchebnik* [The Soviet Civil Process: Textbook]. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (in Russ.).

Klyachin, A.A. (2016). *Yuridicheskie fakty v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti aktsionernykh obshchestv* [Legal Facts in the Mechanism of Civil Law Regulation of the Activities of Joint-Stock companies]: The Candidate of Legal Sciences Thesis. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University. (in Russ.).

Krasavchikov, O.A. (2005). *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law]. In: *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy v 2 t. T. 2.* [Categories of Science of Civil Law. Selected Works in 2 volumes. Volume 2.]. Moscow: Statute. (in Russ.).

Kruchinin, A.V. (2003). *Yuridicheskie fakty i ikh sostavy, obuslavliyayushchie vznikenie individual'nykh trudovykh pravootnoshenii v Rossii* [Legal Facts and Their Components that Cause the Emergence of Individual Labor Relations in Russia]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Perm: Perm State University. (in Russ.).

Kutyukhin, I.V. (2010). *Yuridicheskii fakt v mekhanizme ugovolno-protsessual'nogo regulirovaniya* [Legal Fact in the Mechanism of Criminal Procedural Regulation]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University (in Russ.).

Lazarev, V.V. (1972). *Primenenie sovetskogo prava* [Application of Soviet Law]. Kazan: Publishing House of Kazan University. (in Russ.).

Lazarev, V.V. (2012). *Problemy obshchei teorii jus: uchebnik* [Problems of the General Theory of Jus: Textbook]. Moscow: Norma INFRA-M. (in Russ.).

Leonov, S.G. (2011). *Protsessual'nye resheniya kak yuridicheskie fakty v dosudebnom proizvodstve rossiiskogo ugovolnogo protsesssa* [Procedural Decisions as Legal Facts in the Pre-Trial Proceedings of the Russian Criminal Process]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. (in Russ.).

Leushin, V.I. (1998). *Pravovye otnosheniya* [Legal Relations]. In: Korel'sky, V.M. and. Perevalova, V.D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma INFRA-M. (in Russ.).

Markosyan, A.V. (2007). *Yuridicheskie fakty v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii* [Legal facts in Family Law of the Russian Federation]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: Russian State Social University. (in Russ.).

Meier, D.I. (2003). *Russkoe grazhdanskoe parvo* [Russian Civil Law]. Moscow: Statute. (in Russ.).

Polishchuk, N.N. (2009). *Evolutsiya i sostoyanie teoreticheskoi modeli vzaimosvyazi normy prava, pravootnosheniya i yuridicheskogo fakta* [Evolution and State of the Theoretical Model of the Relationship between the Rule of Law, Legal Relations and Legal Fact]. The Doctor of Legal Sciences Thesis. Saint Petersburg: Law Institute. (in Russ.).

Provalskii, A.A. (2007). *Mekhanizm vznikeniya i realizatsii grazhdansko-pravovykh obyazannostei* [The Mechanism of the Emergence and Implementation of Civil-Legal Obligations]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: Moscow City University of Management of the Government of Moscow. (in Russ.).

Reutov, S.I. (1976). *Yuridicheskie fakty v sovetskom semeinom prave* [Legal Facts in the Soviet Family Law]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Sverdlovsk: All-Union Correspondence Law Institute. (in Russ.).

Ryabov, A.E. (2005). *Yuridicheskie fakty v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Legal Facts in the Mechanism of Legal Regulation]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. (in Russ.).

Ryasentseva, V.A. (1986). *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik v 2 ch. Ch.I.* [Soviet Civil Law: Textbook in 2 parts. Part 1]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (in Russ.).

Rybakova, I.I. (1972). *Ustanovlenie faktov, imeyushchikh yuridicheskoe znachenie dlya pensionnogo obespecheniya* [Establishing Facts of Legal Significance for Pension provision]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: All-Union. jurid. correspondence course in-t. (in Russ.).

Semenov, V.M. (1955). *Vzaimnaya obyazatel'nost' reshenii i prigovorov v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Mutual Obligation of Decisions and Sentences in the Soviet Civil Process]. In: *Voprosy sovetskogo grazhdanskogo prava i protsessa: uchenye zapiski SYuI. T III.* [Issues of Soviet Civil Law and Process: Scientific Notes of the SUI. Volume III]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Shershenevich, G.F. (1907). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. Saint Petersburg: Publishing house of the Bashmakovs. (in Russ.).

Sinaiskii, V.I. (2002). *Russkoe grazhdanskoe parvo* [Russian Civil Law]. Moscow: Statute. (in Russ.).

Sinyukov, V.N. (1985). *Yuridicheskie fakty v sisteme obshchestvennykh otnoshenii* [Legal Facts in the System of Public Relations]. The Candidate of Legal Sciences Thesis' Abstract. Sverdlovsk: Sverdlovsk Order of the Red Banner of Labor Law Institute named after R.A. Rudenko. (in Russ.).

Tuzov, N.A. (2008). *Pravootnosheniya* [Legal relations]. In: Syrykh, V.M. Ed. *Problemy Teorii Gosudarstva I Prava: Uchebnik* [Problems of the Theory of State and Law: Textbook]. Moscow: ESKMO. (in Russ.).

Vas'kovskii, E.V. (2003). *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure]. Moscow: Zertsalo. (in Russ.).

Vengerov A.B. (1998). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Novyi Yurist (in Russ.).

Yakushev, P.A. (2004). *Pravobrazuyushchie yuridicheskie akty i postupki v mekhanizme pravovogo regulirovaniya* [Law-forming Legal Acts and Actions in the Mechanism of Legal Regulation]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: Scientific Research Institute of the Penal Enforcement System (in Russ.).

Yudelson, K.S (1956). *Sovetskii grazhdanskii protsess: uchebnik* [The Soviet Civil Process: Textbook]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Zernin, N.V. (1984). *Yuridicheskie fakty v sovetskom avtorskom prave* [Legal Facts in the Soviet Copyright]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Sverdlovsk: Sverdlovsk Order of the Red Banner of Labor Law Institute named after R.A. Rudenko (in Russ.).

Zverev, S.I. (2007). *Osnovaniya izmeneniya i prekrashcheniya trudovykh pravootnoshenii* [Grounds for Changing and Terminating Labor Relations]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: Moscow State Academy of Law. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Павлова Юлия Валерьевна — мировой судья судебного участка № 1 Фрунзенского района г. Саратова

AUTHOR'S INFO:

Yulia V. Pavlova — Magistrate of the judicial district № 1 Frunzensky district of Saratov.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Павлова Ю.В. Легализация (легальное статуирование) судебного акта как юридического факта // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 140–165. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-pavlova

FOR CITATION:

Pavlova, Yu.V. (2021) Legalization (Legal Statuization) a Judicial Act as a Legal Fact. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 140–165. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-pavlova

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЦЫГАНОВКИН

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская пл., д. 6
Институт государства и права Российской академии наук,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: whitehall@bk.ru
SPIN-код: 5094-1016

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-tsyganovkin

МОНИСТИЧЕСКИЕ И ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕГО МЕТОДОВ

Аннотация. В статье анализируются возможности применения монистических и плюралистических подходов к исследованию феномена правового регулирования и его методов. Целью статьи является корректировка теоретических конструкций юридической науки в рамках плюралистического интегрального подхода на основе современной научной методологии. Предметом исследования является плюралистическая, интегральная интерпретация категорий правового регулирования и его методов, позволяющих обобщать ментальные, знаковые и поведенческие аспекты правовой регуляции и более эффективно структурировать опыт научного познания права. В результате обосновывается возможность формирования интегрального подхода в теории правового регулирования, который можно операционально применять при эмпирических исследованиях реальных регулятивных процессов в обществе.

Ключевые слова: методология юридической науки, правовое регулирование, метод правового регулирования, монистические подходы, плюралистические подходы, интегральная интерпретация, социокультурная обусловленность

VLADIMIR A. TSYGANOVKIN

Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya square, 125993, Russian Federation, Moscow
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka st., 119019, Russian Federation, Moscow
E-mail: whitehall@bk.ru
SPIN code: 5094-1016

MONISTIC AND PLURALISTIC INTERPRETATIONS OF LEGAL REGULATION AND ITS METHODS

Abstract. The article analyzes options of applying monistic and pluralistic approaches towards the study of the phenomenon of legal regulation and its methods. The purpose of the article is to correct the theoretical constructions of legal science within the framework of a pluralistic integral approach based on modern scientific methodology. The subject of the study is pluralistic, integral interpretation of the categories of legal regulation and its methods, which make it possible to generalize the mental, symbolic and behavioral aspects of legal regulation and to structure the experience of scientific knowledge of law more effectively. As a result, the possibility of forming an integral approach in the theory of legal regulation, which can be operationally applied in empirical studies of real regulatory processes in society, is substantiated.

Keywords: methodology of legal science, legal regulation, method of legal regulation, monistic approaches, pluralistic approaches, integral interpretation, sociocultural relativism

1. Введение

Категория «метод правового регулирования» выражает как рационализированный правоведами реальный опыт целенаправленного упорядочения людьми своих правовых отношений, исходя из их собственных целей, так и в большей степени отражает нормативные представления референтных групп (политических элит и профессиональных сообществ) о праве прежде всего как о сумме профессиональных юридических технологий упорядочивания социальной жизни.

При анализе познавательных возможностей использования данной категории мы попытаемся учесть актуальные требования и параметры научной картины мира постсовременности, которые обуславливают переосмысление многих социально-правовых феноменов и корректировку соответствующих им научно-аналитических категорий правовой теории. Эти парадигмальные изменения социальной эпистемологии предполагают в нашей авторской интерпретации следование следующим познавательным принципам и установкам: сочетание *релятивистского плюрализма с интересубъективностью знания* о праве (т.е. срединная позиция между недостижимыми «объективностью» и «истинностью» классического периода и разрушительными для науки абсолютным релятивизмом и описательным субъективизмом постмодерна), *интегральное восприятие* права как онтологически многомерного явления (т.е. несводимость его только к какому-либо

одному из аспектов феноменализации — правосознанию, правоотношениям или нормативным источникам, а их описательно-объяснительный синтез), принцип *двойной социокультурной обусловленности* правовых явлений (зависимость их формирования и воспроизводства как от набора специфических культурных принципов конкретного общества, так и от инвариантного набора наиболее общих идей и ценностей большой юридической традиции), *мягкий конструктивизм* (чуждый как волюнтаристскому конструктивизму в духе Просвещения либо Постмодерна, так и представлению в «всевластии структур» и «объективных» социальных процессов, но учитывающий трансформирующий эффект социального знания на сам познаваемый феномен), *содержательно-аналитический характер* научной теории (т.е. выбор в пользу исследовательских моделей, основанных на выявлении качественной определенности — социально-сконструированной сущности — конкретного явления среди феноменалистически сходных, т.е. в авторской интерпретации — «конструктивистский эссенциализм»), *человекоразмерность интерпретации* правовых явлений (их описание и объяснение в том числе в субъекто-ориентированных и деятельностных категориях).

Все подходы к интерпретации «методов правового регулирования» можно условно разделить на две группы: монистические и плюралистические.

К первой категории можно отнести те исследовательские подходы, которые в своем познании правовой регуляции исходят из ее одностороннего видения¹, абсолютизируя какой-либо один из аспектов проявления: внешний (формальная определенность и санкционированность, как это делает формалистический позитивизм или наибольшая обязательность, как в позитивизме социологическом), не затрагивая внутренних специфических качеств, либо сводя все исключительно к идейному содержанию и пренебрегая позитивностью (официально-юридическим аспектом) или фактической действительностью, как это свойственно различным вариантам юснатурализма или метафизических философских концепций.

Наиболее детально разработанной в рамках таких подходов является традиционная формалистическо-позитивистская или техни-

¹ В качестве одной из основных тенденций в исследованиях правового регулирования конца XX — начала XXI в. правоведы называют детализацию анализа отдельных аспектов и элементов этого явления при отсутствии комплексного взгляда и целостного объяснительного подхода. См.: *Тихомиров Ю.А.* Государство: Монография. М., 2018. С. 91.

ко-юридическая (догматическая) интерпретация методов правового регулирования, репрезентирующая их как логико-лингвистические способы формулирования нормативных предписаний и индивидуальных актов реализации юридических прав и обязанностей.

Менее развитой в рамках отечественного правоведения является антропологическая интерпретация, делающая эксклюзивный упор на фактическом упорядочивающем поведении и нивелирующая формально-юридическую сторону дела (не случайно антропологический подход долгое время считался наиболее подходящим для изучения бесписьменных культур). И хотя изучение явно неэксплицированных моделей поведения, а не только его «правильных» культурных автомоделей в текстах является хорошим дополнением любого описания и объяснения, претендующего на статус научного, тем не менее монизм данного подхода имеет существенные недостатки.

2. Применение различных подходов к анализу юридической практики

Рассмотрим, каким образом работают монистические подходы, при переходе с уровня широких теоретических обобщений, где недостатки модели объяснения бывают не всегда очевидны, на уровень более конкретных эмпирических обобщений.

Банк нормативных правовых актов в Российской Федерации Минюста России по состоянию на октябрь 2020 г. содержал 125 842 акта федерального законодательства, 59 270 нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, 16 191 актов судебной практики, 766 505 нормативных правовых актов субъектов РФ. А на октябрь 2021 г. уже 133 621 акт федерального законодательства, 65 415 нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, 17 470 актов судебной практики, 1 850 611 нормативных правовых актов субъектов РФ².

И хотя в значительном числе юридических ситуаций рядовой субъект права, лично не знакомый с содержанием большей части источников права, полагается на знание норм, которое транслирует профессиональный посредник правоотношения (нотариус, адвокат, судья, юрисконсульт, полицейский и т.д.), очевидно, что и профессиональ-

² Министерство юстиции Российской Федерации. Нормативные правовые акты в Российской Федерации: URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/big5/portal.html> (дата обращения: 20.10.2021).

ные субъекты правоприменительной деятельности, даже учитывая фактор крайне дробной их специализации и разветвленного «разделения труда», физически не могут на практике руководствоваться ВСЕМИ этими формальными источниками.

В каком смысле существует правовое регулирование в случае значительной части данных актов? Только в воображении правотворцев, часто руководствующихся в работе бюрократическим критерием количественного «производства» нормативного материала, либо в представлениях формалистических правоведов-позитивистов. Как известно, «в целом правовая доктрина и отечественное и зарубежное законодательство, закрепляющее формулировки о действующем праве, основываются лишь на факте издания и вступления нормативного акта в юридическую силу, подменяя этот факт фактом действия права, тем самым порождая... иллюзию правового регулирования»³.

Официальные нормативные предписания, названные Морисом Ориу «дисциплинарными»⁴, еще не обладают полноценной регулятивной природой пока представляют собой лишь субъективное выражение направляющей идеи порядка. Чтобы стать действительным правом, эти предписания должны получить одобрение в форме присоединения к ним со стороны значимого числа членов общества, т.е. санкционированы фактом их длительного существования. Лишь в таком случае они переходят из временного состояния предварительных властных императивов в состояние «установленного» права (*droitstatutaire*)⁵. Следовательно, деятельность государства по созданию юридических моделей потенциальных норм и последующему гетерономному влиянию на социальные практики в целях их приведения в относительное соответствие с этими моделями можно обозначить как *государственное правовое воздействие*. А правовое регулирование имеет место только тогда, когда соответствующие функциональные и ценностные цели достигаются. При том, что общей целью социального нормативного регулирования выступает удовлетворение системы потребностей людей, объединенных в общество («политическое тело»), в случае с правом происходит ценностно-функциональная (социокультурная) конкретизация этой цели — упорядочение социаль-

³ Головкин Р.Б., Колесникова Ю.П., Третьякова О.Д. Актуальные проблемы теории правового регулирования: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М., 2020. С. 49.

⁴ См.: Ориу М. Основы публичного права / Пер. с франц. под ред. Е. Пашуканиса, Н. Челяпова. М., 1929.

⁵ См.: там же. С. 15–16.

ных взаимодействий по принципам справедливости, формального равенства («равенства перед законом»), добросовестности и юридической определенности.

Однако и неформалистические подходы монистического типа в своем описании конкретики регулирования, как правило, оказываются неадекватны наиболее значимым представлением о праве. Так, некоторые направления «правового реализма» или антропологических исследований права абсолютизируют фактичность прагматики, т.е. деятельности регулирующих акторов, снижая до незначительного минимума либо вообще отрицая значение формально-правового аспекта.

Антропологический поворот в социогуманитарной науке сильнее, нежели большинство классических подходов, акцентирует значение субъекта в структуре правового регулирования, поскольку вне и помимо этого субъекта невозможны ни социальные отношения, ни различные способы их упорядочения. Рассмотрение правового регулирования как упорядочивающего воздействия на социальное поведение без указания на субъект (субъекты) такого воздействия либо обозначение в качестве таковых правовых норм и институтов сегодня может восприниматься как реификация (овеществление)⁶, не удовлетворяющая критерии человекообразности научного описания социального мира.

Привлекательность такого рода подходов, особенно в отечественной теории права, объясняется тем, что при рассмотрении категорий правового регулирования в ней традиционно имеет место реификация, когда юридические средства, способы и методы регулирования представляются как некие сущности, обладающие свойствами объективного (внеличностного) бытия⁷. При таком дискурсе «они» предстают в сознании как «понятия, далекие от опыта» (*experience-distant concepts*), или, говоря языком метафизики, как некие эгрегоры, живущие самостоятельной жизнью и «извне» оказывающие упорядочивающее воздействие на поведение людей и деятельность их организованных групп в обществе.

Следует ли, исходя из этого недостатка, перейти от безличного, формального и «далекого от опыта» описания к полностью антропологизированному? Что нам даст такое исключительно человекоцен-

⁶ Правовое регулирование, например, презентуют «в качестве особого вида воздействия, оказываемого элементами правовой материи на общественные отношения». См.: *Бакулина Л.Т.* Правовое регулирование в контексте интегративного правопонимания // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 103–109.

⁷ Подробнее см.: *Цыгановкин В.А.* Антропологическое измерение правового регулирования // Социогуманитарные смыслы и значения права: Монография / Под ред. Л.И. Глухаревой. М., 2019. С. 41–50.

тричное понимание правовых явлений и что оно у нас отнимет применительно к конкретным категориям юриспруденции и, в частности, конструкциям теории правового регулирования? Каким образом, например, в данном дискурсе возможно отображение таких важнейших категорий юридического мышления, как юридическое лицо, государство, муниципалитет, корпорация, народ и др. Если исходить из того, что правовое регулирование — это исключительно фактические способы деятельности людей, признаваемые нормальными и обеспечивающие воспроизводство и функционирование данного общества⁸, то при анализе такого явления, как «коррупция» в некоторых социумах, нужно будет сделать вывод, что «правовым порядком» являются именно коррупционные отношения как типичные и общезначимые. Следует ли признать такую актуальную практику правовой, если она и есть искомым антропологическим подходом человекоразмерный модус реальности? Таким образом, одностороннее, т.е. монистическое, применение антропологического дискурса несет значительный риск искажения традиционных общеюридических представлений о праве и размывания самого предмета юридической науки.

К противоположным (плюралистическим или многомерным), соответственно, относятся те направления, которые строятся на выявлении в общезначимой социальной практике феноменалистически различных проявлений и значимых представлений о праве⁹, которые могут быть непротиворечиво интегрированы в единый и верифицируемый конструкт «права»¹⁰. Набор таких проявлений и представлений должен быть при этом операциональным, инвариантным и достаточно общим для различных правовых систем, таким образом, чтобы типизированные его составные элементы не умножались до бесконечности, приводя к эклектике и бессодержательности соответствующей категории, и невозможности применения ее для эмпирических обобщений общественной практики, а не только для теоретизации высокой степени аб-

⁸ Так «правовое» определяется в «социолого-антропологической теории права». См.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 243, 380.

⁹ В рамках интегральной юриспруденции «анализ различных аспектов такого многогранного явления, как право, осуществляется с позиций общего представления о наличии некоего сущностного ядра, позволяющего удерживать в сфере своего притяжения различные характеристики права как формы проявления единой сущности» (*Лапаева В.В.* Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13).

¹⁰ См.: *Кожокарь И.П.* Дефекты нормативно-правового регулирования: Монография. М., 2021. С. 27, 30.

страктности. Интегральное правопонимание учитывает тот факт, что практикующие юристы в разных странах сегодня чаще всего отождествляют право с системой общеобязательных норм, санкционируемых государством¹¹, но предполагает недопустимость игнорирования его аутентичной ментальной, идейной (содержательной) стороны, составляющей суть длительной юридической традиции и культуры.

В частности, в отличие от такой монистической трактовки, как классический нормативистский позитивизм, в интегративной интерпретации правовое регулирование понимается как процесс упорядочения социальных взаимодействий при помощи как предписаний государственных акторов, так и спонтанно формируемых в обществе правил и соглашений. Таким образом, механизм правовой регуляции в плюралистическом понимании — это не всегда государственные процедуры упорядочивания поведения субъектов права и формирования устойчивого порядка юридической деятельности, а значит, государственно-правовая политика (как управляющая практическая деятельность и информационное воздействие юридических предписаний субъектов власти) является лишь частью более общего процесса правовой регуляции. Как известно, в целом социальное регулирование (от лат. *regulo* — «устраиваю», «привожу в порядок») существует не только как целенаправленное управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте¹², но и как взаимодействие членов общества на основе непреднамеренно формируемых норм.

Несмотря на привнесение в позитивистскую традицию существенных элементов социологии, т.е. ориентации на реально действующие институты и практики, правоведы часто продолжают отождествлять правовое и законодательное регулирование¹³. Это означает, что правовая регуляция прежде всего понимается именно как властное воздействие на общественные отношения, опосредованное официальными прескрептивными текстами¹⁴ безотносительно, во-первых, их содер-

¹¹ См.: Корнев А.В. Социология права: Учебник. М., 2018. С. 170.

¹² См.: Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д, 2001. С. 93.

¹³ Известно, что «согласно общепринятому пониманию, правовое и законодательное регулирование понятия равнозначные, которые отличаются лишь как более узкое и широкое» (Долгополова М.В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01.СПб, 2009. С. 34).

¹⁴ Л.С. Мамут показал необходимость устранения подобной тавтологии: «Негоже определять право через... правовые (!) тексты» (Мамут Л.С. Полиmodalность права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 8).

жания и качественной направленности, а во-вторых, иногда и результативности такого воздействия¹⁵.

Однако подобное официальное воздействие может и не возыметь результата, т.е. упорядоченности общественных отношений в соответствии с предписанными правилами, и потому не будет являться *регулирующим* с точки зрения социологии права или деятельностного, т.е. основанного на эмпирических данных, подхода теории права. Именно поэтому, например, мониторинг фактического воздействия¹⁶ регулятивных нормативных актов «не может сводиться к формальному проведению консультаций и улучшению стилистики или грамматики нормативных предписаний» и «только количественный анализ выполнения заложенных органом-разработчиком экономических индикаторов и показателей может служить инструментом повышения качества регуляторной среды»¹⁷.

Существуют ли методы правового регулирования в социальной реальности или это лишь умозрительные категории в воображении юристов-теоретиков? Что прежде всего исследуют авторы научных работ по данной тематике, чтобы увидеть и узнать эти методы, где ищут сферу их «обитания»?

В первую очередь в произведениях жанровой юридической литературы, поскольку эти мыслительные, аналитические конструкции были порождены прежде всего сознанием правоведов, и поэтому познание «методов» — это по большей части анализ комплекса теоретико-правовых текстов, где рождаются, живут, и часто умирают эти методы. Но следует помнить, что и само право в целом — это прежде всего мыслительный концепт юридического сознания, а не физический, непосредственно наблюдаемый объект.

Другой возможный ответ на вопрос о природе методов регулирования и месте их обитания — это законодательство. Методы регулирования — это во многом выраженные в тексте официальных актов

¹⁵ При этом подходе «любой институт признается законным, независимо от отношения к нему населения, от фактического действия (соблюдения, исполнения, использования или применения), от его эффективности и т.д.» (Честнов И.Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. СПб., 2006. С. 87).

¹⁶ Такая оценка фактического воздействия на федеральном уровне была введена постановлением Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 в отношении тех действующих нормативных правовых актов, которые ранее проходили ОРВ (оценку регулирующего воздействия).

¹⁷ Теория и практика регуляторной политики в России: Монография / Под ред. А.Б. Дидикина. М., 2020. С. 20.

представления властных субъектов социальной номинации («законодателей» — в широком смысле) о том, как должна быть устроена правовая жизнь, их попытка сознательного, рационального конструирования этой реальности с помощью предписывающих текстов и господствующих номинаций.

И наконец, третий возможный вариант сферы существования методов, к изучению которой в целом реже, чем к первым двум, обращаются исследователи вопроса — это социальная прагматика упорядочивания — повседневность юридической жизни, субъекты которой, вероятно, нечасто рефлексировали о способах своего действия в рациональной и научнообразной форме, но, тем не менее, реально применяют и демонстрируют повторяющиеся наборы приемов (т.е. социальные технологии) деятельности — «методы правового регулирования».

Основная гипотеза многомерного интегрального подхода в его предлагаемой здесь авторской интерпретации состоит в том, что во многих случаях три описанные плоскости содержательно совпадают в такой мере, что можно говорить о них как об аспектах или измерениях одного и того же социокультурного явления. Иначе говоря, «метод регулирования» — это сложная констелляция трех внешне различных пластов правовой культуры в реальной жизни. Эти три формы бытия права — поведенческая, мыслительная и официально-текстуальная — часто аспекты единого целого. Но это не означает, что они не могут в чем-то расходиться друг с другом: официальные модели должного порядка не всегда буквально реализуются на практике, а некоторые аспекты реальной регулятивной прагматики еще не осмыслены категориально и не имеют собственных устойчивых форм мышления о них, а также зачастую не отражаются напрямую в официальных юридических текстах. И наоборот, не нужно долго искать примеры официальных регулятивных текстов, которые могут не выражать ни общезначимых форм мышления и ценностей данного общества, ни реальной юридической практики: классический случай для многих стран их собственная Конституция.

Однако там, где эти три аспекта пересекаются, совпадают, переходят друг в друга, можно говорить о праве как о реальном явлении в полном смысле слова и как об объекте социальной науки во всех его ипостасях. Аналогичным образом в современной гуманитаристике считается, что миф как явление существует одновременно в виде сюжета, ритуала и особой формы сознания. Поэтому вопрос о методах регулирования, как и о любой достаточно значимой научной и практико-юридической конструкции, это вопрос о сложных отноше-

ях между жанровой литературой — авторской, творческой мыслью юристов (в широком смысле), сферой законодательства (индустрией официальных текстов) и социально-юридической упорядочивающей практикой повседневной жизни.

Многомерность описания, свойственная плюралистическим подходам, зачатую имплицитно основывается на общенаучном принципе дополнительности, который имеет фундаментальное значение и в сфере социальных наук¹⁸. Именно исходя из данного принципа зачастую формулируется дополнительность перспектив и точек зрения на правовые феномены, а также отрицание единственного взгляда на право «изнутри».

Плюралистический (многомерный) подход должен интегрировать в одну описательную модель и «институциональное» (структуралистское) «поведенческое» (субъектоцентричное) и восприятия процесса создания и воспроизводства правового порядка. Любое, не единичное и не одномоментное, социально-правовое явление хотя генетически и содержит в основе первичный произвол начальной инновации («первого шага» его инициатора), но при этом выступает также в качестве относительно устойчивой структуры — типичного повторяющегося поведения, которое также объективируется в знаковой форме правового текста в данном государстве и в виде типичного ментального образа в сознании акторов в данной культуре¹⁹. Поэтому и каждое конкретное явление правовой регуляции (и в его динамике — как процесс, и в структурном плане — как норма или институт) существует в трех модулях бытия: в виде человеческого поведения, знаковой формы и ментального образа. Три этих аспекта проявления каждого конкретного случая правовой регуляции, хотя и могут частично расходиться между собой, но все же тесно взаимосвязаны, поскольку существует определенное соответствие между социальными и ментальными структурами, например, между фактическими разделениями социального мира и тем, как это разделение воспринимается и осмысливается агентами²⁰.

¹⁸ «В описании положения отдельного лица внутри общества имеются типично дополнительные стороны, связанные с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых о них судят» (*Бор Н.* Избранные научные труды: В 2 т. / Под ред. И.Е. Тамма. М., 1971. Т. 2: Статьи 1925–1961. С. 495).

¹⁹ Подобная позиция в социальной теории: *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. London, 1995; *Laclau E.* Discourse // *The Blackwell Companion to Contemporary Culture* / Ed. By R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993.

²⁰ См.: *Bourdieu P.* La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. P., 1989.

Соответственно, основной тезис состоит в том, что с точки зрения многомерного и интегрального характера права любой метод правовой регуляции включает в себя три регулятивных аспекта: способ юридического мышления, способ формализации, способ действия. Феноменализация «метода права» — это прежде всего деятельность правотворческих и правореализующих субъектов, устанавливающих права и обязанности (свои или других лиц), а не только правоведческие формы когнитивного осмысления правовой упорядоченности и способы текстуальной юридической формализации этих прав и обязанностей в позитивных нормах, договорах и правоприменительных актах. Этот социолого-эмпирический, поведенческий или деятельностный аспект метода, расширяющий его традиционное технико-юридическое понимание, показывает, что правовое регулирование происходит не само собой, как объективный и реифицированный процесс, и что текстуально-юридическая фиксация определенного социального порядка отношений — это лишь знаково-символическое оформление реальных действий субъектов права.

3. Заключение

Методологической основой теоретико-правового описания, объяснения и развития методов правового регулирования в пост-постмодернистский период становятся такие идеи и принципы, как: сочетание плюрализма с интерсубъективностью юридического знания (т.е. отсутствие абсолютной объективности познания, не равнозначное при этом абсолютному релятивизму), многомерность и интегративный характер видения права и его методов (несводимость их только к одному из аспектов правовой реальности — правосознанию, правоотношениям или позитивным нормам, но синтетическое сочетание данных аспектов), социокультурная обусловленность права и его методов как конкретными специфическими этнокультурными ценностями, так и наиболее общими инвариантными юридическими идеями, социолого-эмпирическая интерпретация правовых методов регуляции с включением их поведенческих, деятельностных аспектов, нефеноменалистический, т.е. содержательно-аналитический характер объяснительной теории, предполагающий выявление качественной (ценностно-функциональной) определенности права, т.е. «социально-сконструированной сущности». Все вместе они обуславливают переосмысление категорий правового регулирования и его методов и переопределение их доктринальных понятий.

Сочетание принципа социокультурной обусловленности (заданности правовой деятельности ценностными и структурными особенностями общества), на чем делали акцент еще «структурализм» и «социальная история», и человека размерности правовой реальности (акцент на сознательной деятельности субъекта, сделанный в рамках «прагматического поворота»), возможно, позволит преодолеть крайности монистических научных подходов, присущие им в отдельности. Антиномия детерминированности человеческих действий культурой и полного центрирования на индивидуальном и субъективном может быть снята в концепциях, основанных на «принципе дополнительности» (по Н. Бору), как это в значительной мере было реализовано в социологической «теории структуризации».

Исходя из соединения обозначенных познавательных критериев и принципов, **правовое регулирование**, по нашему мнению, стоит рассматривать прежде всего как *специализированную деятельность индивидов и организаций по упорядочиванию социального поведения путем установления и реализации юридической прав и обязанностей участников на основе исторически сложившихся общих принципов, главным образом, эквивалентности*. Тот или иной отдельный **метод правового регулирования**, соответственно, интерпретируется здесь как конкретный специфический вид деятельности или социальная технология (когнитивная, знаковая, поведенческая) установления и реализации юридических прав и обязанностей, как общих, так и индивидуальных.

Описанная нами интегральная интерпретация (как разновидность плюралистического подхода) предполагает наличие правового регулирования в конкретной сфере жизни общества только при наблюдаемом единстве трех основных аспектов его феноменализации: позитивного (технично-юридическая фиксация), поведенческого (социальная прагматика фактического порядка отношений) и ценностно-содержательного (воплощение в жизни правовых принципов и ценностей из социально-значимых представлений).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакулина Л.Т. Правовое регулирование в контексте интегративного правовопонимания // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 103–109.

Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. / Под ред. И.Е. Тамма. М.: Наука, 1971. Т. 2: Статьи 1925–1961.

Головкин Р.Б., Колесникова Ю.П., Третьякова О.Д. Актуальные проблемы теории правового регулирования: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020.

Долгополова М.В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб, 2009.

Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

Кожокарь И.П. Дефекты нормативно-правового регулирования: Монография. М.: Проспект, 2021.

Корнев А.В. Социология права: Учебник. М.: Проспект, 2018.

Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13.

Мамут Л.С. Полиmodalность права // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 5–25.

Ориу М. Основы публичного права / Пер. с франц. под ред. Е. Пашуканиса и Н. Челяпова. М.: Изд-во Ком. акад., 1929.

Теория и практика регуляторной политики в России: Монография / Под ред. А.Б. Дидикина. М.: Проспект, 2020.

Тихомиров Ю.А. Государство: Монография. М.: НОРМА, 2018.

Цыгановкин В.А. Антропологическое измерение правового регулирования // Социогуманитарные смыслы и значения права: Монография / Под ред. Л.И. Глухаревой. М.: РУСАЙНС, 2019. С. 41–50.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012.

Честнов И.Л. Проблемы и перспективы юридической науки XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 69–110.

Bourdieu P. La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. P.: Minuit, 1989.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London, 1995.

Laclau E. Discourse // The Blackwell Companion to Contemporary Culture / Ed. by R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993.

REFERENCES

Bakulina, L.T. (2018). Pravovoe regulirovanie v kontekste integrativnogo pravoponimaniya [Legal Regulation in the Context of Integrative Legal Understanding]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 1 (253), pp. 103–109. (in Russ.).

Bourdieu, P. (1989). *La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Minuit.

Chestnov, I.L. (2006). Problemy i perspektivy yuridicheskoi nauki XXI veka [Problems and Prospects of Legal Science of the XXI Century]. In: Romashov, R.A. and Nizhnik, N.S. eds. *Yurisprudentsiya XXI veka: gorizonty razvitiya: Oчерki* [Jurisprudence of the XXI Century: Horizons of Development: Essays]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 69–110. (in Russ.).

Chestnov, I.L. (2012). *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law]. St. Petersburg: Publishing house "Alef-Press". (in Russ.).

Didikin, A.B. (2020). *Teoriya i praktika regulyatornoi politiki v Rossii: monografiya* [Theory and Practice of Regulatory Policy in Russia: Monograph]. Moscow: Prospect Publishing House. (in Russ.).

Dolgopolova, M.V. (2009). *Aktual'nye problemy predmeta i metoda pravovogo regulirovaniya* [Actual Problems of the Subject and Method of Legal Regulation]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. St. Petersburg. (in Russ.).

Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis*. London.

Golovkin, R.B., Kolesnikova, Yu.P. and Tretyakova, O.D. (2020). *Aktual'nye problemy teorii pravovogo regulirovaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Actual Problems of the Theory of Legal Regulation: A Textbook for Universities]. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing House. (in Russ.).

Kasyanov, V.V., Nechipurenko V.N. (2001). *Sotsiologiya prava* [Sociology of Law]. Rostov on Don: Phoenix. (in Russ.).

Kornev, A.V. (2018). *Sotsiologiya prava: uchebnik* [Sociology of Law: Textbook]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Kozhokar, I.P. (2021). *Defekty normativno-pravovogo regulirovaniya: monografiya* [Defects of Regulatory Regulation: Monograph]. Moscow: Prospect. (in Russ.).

Laclau, E. (1993). Discourse. In: Goodin, R. and Pettit, P. eds. *The Blackwell Companion to Contemporary Culture*. Oxford.

Lapaeva, V.V. (2008). Integral'noe pravoponimanie v rossiiskoi teorii prava: istoriya i sovremennost' [Integral Legal Understanding in the Russian Theory of Law: History and Modernity]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 5, pp. 5–13. (in Russ.).

Mamut, L.S. (2013). Polimodal'nost' prava [Polymodality of Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 4, pp. 5–25. (in Russ.).

Oriu, M. (1929). *Osnovy publichnogo prava* [Fundamentals of Public law]. Translated from French. by E. Pashukanis and N. Chelyapov. Moscow: publishing house of Com. akad. (in Russ.).

Tamm, I. E. ed. (1971). Bor, N. *Izbrannye nauchnye trudy: V 2 t. / T. 2: Stat'i 1925–1961* [Selected Scientific Works: In 2 vols. / Vol. 2: Articles 1925–1961]. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Tikhomirov, Yu.A. (2018). *Gosudarstvo: Monografiya* [The state: Monograph]. Moscow: NORMA Publishing House. (in Russ.).

Tsyganovkin, V.A. (2019). Antropologicheskoe izmerenie pravovogo regulirovaniya [Anthropological Dimension of Legal Regulation]. In: Glukhareva, L.I. ed. *Sotsiogumanitarnye smysly i znacheniya prava: monografiya* [Sociohumanitarian meanings and meanings of law: monograph]. Moscow: RUSAINS, pp. 41–50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цыгановкин Владимир Анатольевич — заместитель заведующего кафедрой теории права и сравнительного правоведения юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета.

AUTHOR'S INFO:

Vladimir A. Tsyganovkin — Deputy head of the department of the Theory of Law and comparative jurisprudence Department, Law faculty, Russian State University for the Humanities.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цыгановкин В.А. Монистические и плюралистические интерпретации правового регулирования и его методов // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 166–181. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-tsyganovkin

FOR CITATION:

Tsyganovkin, V.A. (2021) Monistic and Pluralistic Interpretations of Legal Regulation and Its Methods. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 166–181. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-tsyganovkin

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

ИЛЬЯ АНИСИМОВИЧ МИННИКЕС

Институт правовых исследований Байкальского государственного университета

664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, д. 11

E-mail: iaminnikes@yandex.ru

SPIN-код: 7738-0200

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-minnikes

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ВОЗМОЖНЫЕ УГРОЗЫ)

Аннотация. Проанализированы возможные угрозы, которые несет процесс цифровизации конституционным правам и свободам граждан. Ставится вопрос о том, всегда ли конституционные права и свободы можно гарантировать в условиях цифровой реальности. Предпринята попытка выявить основные риски и угрозы этого процесса в социальной и правовой сфере. Обращается внимание на то, что технический прогресс зачастую опережает его юридическое опосредование и правовые исследования в этой области. Констатируется, что проблема рисков и угроз, которые влечет цифровизация, предполагает решение целого комплекса вопросов теоретического и практического плана. Наиболее реальной угрозой называется распространение персональных данных, что может повлечь за собой нарушение конституционных прав граждан на распространение информации о частной жизни без их согласия. Другой реальной угрозой является вмешательство государства в сферу личных интересов граждан. Анализ современной и зарубежной литературы позволил выявить два подхода к этой проблеме — принцип уважения прав человека и государственный подход. Отмечается, что важно найти разумный компромисс между интересами государства и личности. Еще одна серьезная проблема, на которую обращается внимание, — это недооценка человеческого фактора в процессе цифровизации. При самых детальных инструкциях и жестком контроле сохраняется высокая вероятность занесения ошибочной информации на цифровые носители. Кроме того, не исключена возможность сознательного внесения недостоверной информации. Риск состоит в том, что очень затруднены возможность и процедура устранения ошибки, и возникает высокая вероятность совершения ошибоч-

ных действий. Информационная свобода порождает и целый комплекс рисков правового характера. В качестве примера приводится возможность инициирования ложной активности в Интернете обсуждения проектов нормативных правовых актов в целях лоббирования интересов определенных групп. Показаны основные подходы к решению этих проблем, которые предлагаются в российской и зарубежной науке. Отмечается совпадение мнений российских и зарубежных исследователей в этой области. Делается вывод, что решение существующих проблем возможно только путем совместных согласованных действий мирового сообщества.

Ключевые слова: конституционное право, конституционные права и свободы, процесс цифровизации, угрозы цифровизации, возможные риски цифровизации, угроза распространения персональных данных, угроза вмешательства государства в сферу личных интересов, риски в правовой сфере

ILIA A. MINNIKES

Institute of Legal Research of Baikal State University

11 Lenin str., Irkutsk, 664003 Russian Federation

E-mail: iaminnikes@yandex.ru

SPIN-код: 7738-0200

CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS AND DIGITAL REALITY (POTENTIAL THREATS)

Abstract. The potential threats posed by the digitalization process to the constitutional rights and freedoms of citizens are analyzed. The question is raised whether constitutional rights and freedoms can always be guaranteed in the context of digital reality. An attempt has been made to identify the main risks and threats of this process in the social and legal sphere. Attention is drawn to the fact that technological progress often outstrips its legal mediation and legal research in this area. It is stated that the problem of risks and threats that digitalization entails involves resolution of a whole array of theoretical and practical issues. The most real threat is dissemination of personal data, which may entail violation of constitutional rights of citizens to non-proliferation of information about private life without their consent. Another real threat is interference of the state in the sphere of personal interests of citizens. The analysis of modern and foreign literature has revealed two approaches to this problem — the principle of respect for human rights and the state approach. It is noted that it is important to find a reasonable compromise between the interests of the state and an individual. Another serious problem that draws attention to is underestimation of the human factor in the process of digitalization. With the most detailed instructions and strict control, there is a

high probability of entering erroneous information on digital media. In addition, the possibility of deliberate entry of false information is not excluded. The risk is that it is very difficult to eliminate the possibility and procedure of an error, and there is a high probability of making erroneous actions. Information freedom also generates a whole range of legal risks. As an example, the possibility of initiating false activity on the Internet to discuss draft regulatory legal acts in order to lobby the interests of certain groups is given. The main approaches to solving these problems, which are proposed in Russian and foreign science, are shown. There is a coincidence of opinions of Russian and foreign researchers in this field. It is concluded that the solution of existing problems is possible only through joint coordinated actions of the global community.

Keywords: constitutional law, constitutional rights and freedoms, the process of digitalization, threats of digitalization, possible risks of digitalization, threat of personal data dissemination, threat of state interference in the sphere of personal interests, risks in legal sphere

1. Введение

В обозримом будущем человечеству, независимо от гражданства, национальности, места жительства, вероисповедания и других факторов, предстоит жить в условиях, которые уже получили в средствах массовой информации наименование цифровая реальность. Просто отвергать это явление не имеет никакого смысла. Профессионалы в различных областях знаний должны быть готовы к возможному развитию ситуации и предвидеть возможные последствия этого процесса. Огромный комплекс вопросов данная проблема ставит перед современной юриспруденцией.

Помимо положительных факторов процесс цифровизации несет и массу негатива. Автор настоящей статьи уже высказывал свое мнение в печати о возможных правовых и социальных рисках в условиях цифровой реальности¹. Однако современное развитие ситуации, новейшие научные исследования в этой области в российской и зарубежной юридической науке и, наконец, окружающая действительность заставляют снова вернуться к этой проблеме с точки зрения возможных угроз, которые несет процесс цифровизации конституционным правам и свободам граждан.

¹ См.: Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: Монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. М., 2020. С. 36–43; Трансформация права в цифровую эпоху: Монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул, 2020. С. 15–25.

2. Состояние проблемы

Конституция РФ среди основных прав и свобод граждан закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23). Кроме того, сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24). Но всегда ли эти конституционные права возможно в полной мере гарантировать в условиях цифровизации?

На это ранее уже обратил внимание С.А. Авакьян в докладе «Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право» на Международной научной конференции, состоявшейся в апреле 2019 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова². Обеспокоенность автора доклада по поводу того, соблюдаются ли в условиях информационного общества в полной мере тайна частной жизни и запрет сбора информации о личности, представляется вполне обоснованной.

Если исходить из желаемой ситуации, то на первый взгляд ничего не должно вызывать беспокойства.

Еще один из создателей Всемирной паутины Тим Бернес-Ли в своей знаменитой книге «Плетя паутину: истоки и будущее Всемирной паутины», увидевшей свет в 1999 г., сформулировал ее основные принципы. К ним он отнес:

- возможность редактировать информацию Паутины не менее важна, чем возможность просто лазать по ней;
- компьютеры могут быть использованы для «фоновых процессов», помогающих людям работать сообща;
- каждый аспект Интернета должен работать как паутина, а не как иерархия;
- ученые-компьютерщики несут не только техническую ответственность, но и моральную³.

Однако именно несоблюдение последнего принципа вызывает наибольшую тревогу с точки зрения права. Моральная ответственность разработчика компьютерного продукта не всегда влечет юри-

² См.: Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23.

³ См.: Berners-Lee T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. Texere Publishing, 1999.

дическую ответственность. Очень многие ситуации, осуждаемые моралью, с точки зрения права не влекут за собой никаких последствий.

К интересным выводам приходит Дж. Рердан, профессор Ливерпульского университета, в монографии «Ответственность интернет-посредников». Автор пытается определить границы ответственности и рассмотреть их с точки зрения разных отраслей права. Ответственность интернет-посредников охватывает широкий круг проблем и отражает заинтересованность научной общественности в решении различных вопросов. Дж. Рердан обоснованно считает, что интеллектуальная собственность, защита данных, сетевой нейтралитет, инфраструктура спектра услуг и законодательство в области конкуренции — это области, которые изучаются политиками и законодателями, и предпочтения следует отдать соразмерности, определяя меры ответственности⁴.

В реальности технический прогресс зачастую опережает его юридическое опосредование и правовые исследования в этой области.

Следует согласиться с Д.А. Пашенцевым в том, что «цифровая реальность создает новый, небывалый вызов для российской законотворческой традиции. Отвечая на этот вызов, законотворческая традиция неминуемо изменяется, приспосабливается к новым условиям и новым задачам»⁵.

Справедливо и замечание О.А. Поповой, профессора Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, о том, что «в современных условиях цифровизации общественных отношений право должно не столько закреплять уже сложившиеся социальные нормы, сколько превосхищать их»⁶.

Определенные усилия в этой области безусловно предпринимаются, но вероятность рисков и угроз все равно остается.

Проблема рисков в информационной сфере уже была объектом исследования российских ученых.

Так, концептуальные вопросы развития информационного общества исследуются Институтом государства и права РАН. Участники проекта обоснованно полагают, что в современных условиях возни-

⁴ См.: *Riordan J.* The Liability of Internet Intermediaries. Oxford, 2016. P. 3.

⁵ *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 11–12.

⁶ *Попова О.А.* Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14.

кают риски не только информационного, но и геополитического характера. Поэтому одним из важнейших направлений деятельности, по мнению И.Л. Бачило и М.А. Шмакова, должно стать обеспечение нового уровня развития безопасности общества, государства, личности и совершенствование законодательства в области правового обеспечения информационной безопасности⁷. С таким подходом трудно не согласиться.

А.И. Овчинников ставит вопрос еще более широко. Он считает, что «риски и вызовы национальной безопасности в эпоху цифрового мира становятся особенно явными в контексте цифровой глобализации, под которой следует понимать формирование нового миропорядка, конструируемого и управляемого с помощью цифровых технологий в единстве сетевой, коммуникационной и мировоззренческо-смысловой структуры. Представляется правильным говорить в таком случае о цифровой безопасности как важнейшем элементе национальной безопасности»⁸. Думается, что опасения автора вполне обоснованны.

Вызывает тревогу сложившаяся ситуация и у практиков. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин считает, что «первый риск для современной цивилизации права в условиях грядущего цифрового будущего — это растерянность человека и общества, обусловленная изменением способов коммуникации и связанной с этим постмодернистской атомизацией общества»⁹.

Обращали внимание на эту проблему и зарубежные исследователи. Интересна позиция профессора Колумбийского университета С. Белловин, который в 2016 г. стал первым специалистом в области компьютерных технологий в Совете по надзору за конфиденциальностью и гражданскими свободами в США. В статье «Конфиденциальность и искусственные данные», написанной в соавторстве с К. Дутта и Н. Рейтингером, утверждается, что просто базы данных сами по себе не представляют угрозы для конфиденциальности. Вместе с тем баланс между эффективным использованием данных и неприкосновенностью частной жизни до сих пор не найден¹⁰.

⁷ См.: *Бачило И.Л., Шмаков М.А.* О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // *Государство и право.* 2017. № 11. С. 85.

⁸ *Овчинников А.И.* Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // *Журнал российского права.* 2020. № 6. С. 6.

⁹ *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // *Государство и право.* 2020. № 6. С. 9.

¹⁰ См.: *Bellovin St.M., Dutta K., Reitinger N.* Privacy and Synthetic Datasets // *Stanford Technology Law Review.* 2019. Vol. 22. No. 2. P. 1–52.

Очевидно, что проблема рисков и угроз, которые влечет цифровизация, предполагает решение целого комплекса вопросов теоретического и практического плана. В процессе цифровизации возникает несколько реальных угроз многим правовым ценностям, включая конституционные права и свободы граждан.

3. Возможные угрозы

Угроза распространения персональных данных. Несанкционированное распространение персональных данных — одна из самых реальных угроз конституционным правам и свободам граждан.

Российские юристы неоднократно обращали на это внимание.

Так, М.Ю. Родимцевой, консультантом Управления Президента РФ по применению информационных технологий и развитию электронной демократии, проведен анализ рисков, возникающих в информационном обществе, и выделены такие риски, как:

- наличие цензуры с использованием сервисов крупных информационно-телекоммуникационных компаний;
- сложность в защите прав пользователей при отсутствии постоянных официальных представительств, оказывающих услуги в сети интернет-компаний на территории стран проживания пользователей;
- использование персональных данных информационными брокерами без уведомлений субъектов таких данных¹¹.

Зарубежные юристы также весьма обеспокоены этой проблемой.

Представители одного из старейших образовательных и научных центров Испании — Университета Сарагосы, профессор Ф. Галиндо и профессор Х.Г. Марко в статье «Свобода и Интернет: наделение граждан полномочиями и решение проблемы отсутствия прозрачности информационно-поисковых систем» обоснованно пишут, что повсеместное использование информационно-поисковых систем и автоматизм, этому присущий, с одной стороны, облегчают доступ к различной информации, хранящейся в Интернете. Но с другой стороны, это порождает проблемы, связанные с конфиденциальностью, отсутствием прозрачности использования информации и контроля со стороны пользователей. Ф. Галиндо и Х.Г. Марко правы в том, что ключевые слова запроса в совокупности со связанными с ними метаданными могут дать возможность практически любому получить ин-

¹¹ См.: Родимцева М.Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. 2016. № 7. С. 67–72.

формацию о пользователе. И более того, некоторые запросы могут содержать идентификаторы и квазиидентификаторы, которые позволяют связать их с конкретным человеком¹².

Таким образом, риск распространения конфиденциальных данных очень велик, что может повлечь за собой нарушение конституционных прав граждан на нераспространение информации о частной жизни без их согласия.

Угроза вмешательства государства в сферу личных интересов. Данная проблема также самым непосредственным образом связана с проблемой конфиденциальности, но представляет другой не менее значимый ее аспект.

Многие исследователи выступают за недопустимость вмешательства государства в эту сферу отношений.

О проблемах конфиденциальности пишет известнейший эксперт в области сетевой безопасности Х. Абельсон, профессор Массачусеттского технологического института, в статье «Ключи под ковриком: конец безопасности вследствие предоставления Правительству доступа к данным коммуникациям». Автор статьи утверждает, что вред, который нанесет предоставление исключительного права доступа к информации правоохранительным органам, будет очень серьезным. Помимо ожидаемых технических уязвимостей будет возрастать количество сложностей, связанных с общим регулированием, и нет гарантий, что сохранятся принципы уважения прав человека и верховенства закона¹³. Думается, что обеспокоенность Х. Абельсона вполне обоснованна.

В то же время в других работах четко прослеживается государственный подход к решению этой проблемы.

Бывший старший аналитик Бюро Конгресса по анализу технологий, а ныне профессор университета Дж. Мейсона П. Риган в статье «Возрождение института государственного попечения и его применение в политике конфиденциальности информации» считает, что представление о том, что конфиденциальность — это не только субъективное право, но и объект общественного интереса, получило широкое распространение в политической, философской и юридической литературе. За последние несколько лет ценности персональных данных и их

¹² См.: Galindo F., Marco J.G. Freedom and the Internet: Empowering Citizens and Addressing the Transparency Gap in Search Engines // European Journal of Law and Technology. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 1–18.

¹³ См.: Abelson H. Keys under Doormats: Mandating Insecurity by Requiring Government Access to All Data and Communications // Journal of Cybersecurity. 2015. Vol. 1. P. 69–79.

защиты начали переосмысливаться. Наиболее подходящим, по мнению автора, представляется метод государственного попечения¹⁴.

Во многом созвучна этой позиции концепция публичной приватности, о которой пишет директор проекта внутреннего наблюдения EPIC Дж. Скотт в статье «Социальные медиа и государственный надзор: концепция усовершенствованной защиты неприкосновенности личной жизни в рамках нового общественного пространства». Автор обращает внимание на то, что наше общество все больше и больше погружается в интернет-пространство, а Правительство все больше и больше контролирует общедоступные данные, размещаемые в социальных сетях. Бесспорно, столь высокий уровень государственного надзора подрывает права личности на свободу слова и компрометирует так называемую демократию¹⁵.

Спор между сторонниками двух этих подходов, как представляется, не закончится никогда, и гораздо важнее найти разумный компромисс в этом вопросе между интересами государства и личности.

Кроме уже названных и широко обсуждаемых в литературе, видятся еще некоторые риски, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Человеческий фактор. Информация на цифровых носителях не является сама по себе, она заносится туда человеком. При самых детальных инструкциях и жестком контроле сохраняется высокая вероятность занесения ошибочной информации. Опасность состоит в том, что в условиях цифровой реальности эта ошибочная информация в кратчайший срок может быть продублирована на огромном, не поддающемся учету количестве других электронных носителей информации.

Риск состоит в том, что это, во-первых, невероятно затрудняет возможность и процедуру устранения начальной ошибки и, во-вторых, порождает высокую вероятность совершения ошибочных действий тех лиц, которые обратились к носителю ошибочной информации, принимая ее за достоверную.

Кроме того, не исключена возможность сознательного внесения недостоверной информации. Не случайно некоторые авторы обращают внимание на такой аспект, как право граждан на достоверную информацию.

Важно понимать, что человеческий фактор в процессе цифровизации — это проблема, которую невозможно решить только правовы-

¹⁴ См.: *Regan M.P.* Reviving the Public Trustee Concept and Applying it to Information Privacy Policy // *Maryland Law Review*. 2017. Vol. 76. No. 4. P. 1025–1043.

¹⁵ См.: *Scott J.D.* Social Media and Government Surveillance: The Case for be Er Privacy protections for Our Newest Public Space // *Journal of Business & Technology Law*. 2017. Vol. 12, No. 2. P. 151–164.

ми средствами. Здесь необходимы совместные усилия представителей самых разных наук.

Риски в правовой сфере. Информационная свобода — это неотъемлемый элемент демократизации общества. Однако в рамках этого процесса возникает целый комплекс рисков правового характера.

В одном из новейших исследований в этой области точно отмечается, что «внедрение новых цифровых технологий в разные сферы общественной жизни создает впечатление, что общение становится оперативным и гласным, а решения принимаются напрямую, через открытый диалог. Это обыденное представление имеет глубокие корни, но необходимо подойти к нему с научной точки зрения»¹⁶.

Так, например, считается очень демократичным и прогрессивным размещать в сети интернет-проекты нормативных правовых актов, которые находятся на рассмотрении правотворческих органов. Это позволяет заинтересованным организациям и гражданам знакомиться с этими проектами, в рамках установленных законом процедур участвовать в их обсуждении.

Однако пассивность большей части населения может привести к тому, что столь демократической процедурой могут воспользоваться недобросовестные участники этого процесса, так называемые негативные субъекты — организованное преступное сообщество, недобросовестные участники товарного рынка и т.п.

Инициировав видимую активность обсуждения по важным для них вопросам, они могут создать ложное впечатление о заинтересованности якобы большей части населения в решении определенной проблемы определенным образом. Плюс к этому лоббирование интересов этих «негативных субъектов». Все это может привести к искажению реальной картины.

И это всего лишь один из возможных рисков именно в правовой сфере.

4. Возможные пути решения проблемы

Российские и зарубежные исследователи предлагают различные варианты решения существующей проблемы.

М.Ю. Родимцева считает, что необходима разработка способов защиты от манипуляций в сети Интернет, создание модели управления Интернетом всеми заинтересованными государствами, обеспечение

¹⁶ Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 5.

равного доступа каждого к информации и информационным технологиям, повышение информационной культуры пользователей Всемирной сети для оценки собственных рисков онлайн, необходимо создание механизма защиты прав пользователей в сети Интернет. По ее мнению, такие вопросы можно разрешить только на высоком международном уровне, например под эгидой ООН¹⁷.

По мнению Н.К. Струкова, преодоление глобальных вызовов современности может быть достигнуто при организации надлежащего контроля со стороны органов власти в сфере виртуального пространства посредством совершенствования государственных функций. Так как, по его мнению, порождаемая этим вызовом проблематика носит универсальный характер для всех государственных образований, рассмотрение на примере Российской Федерации позволит сделать ряд обобщений в отношении технологически развитых государств Новейшего времени на данном историческом этапе их существования¹⁸.

Данные предложения весьма позитивны. Важно создать еще и действенный механизм их реализации.

Конечно, опыт Российской Федерации в чем-то может быть полезен мировому сообществу, однако существующие проблемы стирают национальные особенности и носят глобальный характер.

Поэтому неудивительно, что зарубежные ученые высказывают созвучные идеи и предлагают во многом совпадающие пути решения данной проблемы.

Американские исследователи А. Бом, Э. Джордж, Б. Сиферс и Ш. Лу в статье «Конфиденциальность и свобода в мире, который всегда включен и всегда слушает» пишут о том, что нужна правовая база для устранения потенциальных рисков конфиденциальности персональных данных. Кроме того, эта база должна защищать неприкосновенность частной жизни пользователей, устанавливая для правоохранительных органов четкие правила, определяющие, когда и в каких целях они могут получить доступ к информации¹⁹.

По мнению Дж. Скотта, необходимо разработать набор базовых правил как на федеральном, так и на местном уровнях, который позво-

¹⁷ См.: Родимцева М.Ю. Указ. соч. С. 67–72.

¹⁸ См.: Струков Н.К. Контрольная функция государства в сфере виртуального пространства (на примере Российской Федерации): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 4.

¹⁹ См.: Bohm A.S., George E.J., Cyphers B., Lu S. Privacy and Liberty in an Always-On, Always-Listening World Review // The Columbia Science and Technology Law. 2017. Vol. 19. No. 1. P. 1–45.

лит контролировать передовые технологии, используемые в правительственном надзоре. Более того, именно на федеральном уровне требуется закрепить базовую защиту граждан от чрезмерного государственного мониторинга социальных сетей и других общедоступных данных²⁰.

Подобные предложения по своему содержанию возражений не вызывают, но их реализация также предполагает огромную работу как законодателя, так и множества других структур.

Многие зарубежные исследователи, подобно российским, признавая необходимость попыток решить названные проблемы на национальном уровне, считают, что здесь нужны совместные действия всего мирового сообщества.

Так, П. Бош, представляющая Университет Пассау, в статье «Правовой режим конфиденциальности данных: международный аспект» не без оснований полагает, что для того, чтобы обеспечить защиту данных в ситуации взаимодействия различных правовых культур и различного концептуального понимания конфиденциальности, необходимо международное правовое регулирование. Культурные различия, влияющие на сущностное понимание определяемых в ходе исследования задач, диктуют необходимость разработки общего для всех понятия конфиденциальности²¹.

5. Заключение

Из всего сказанного можно сделать вывод, что на современном этапе развития мировое сообщество столкнулось с проблемой, которая следует из логики развития современного общества. С одной стороны, ее нельзя решить путем простого отрицания либо применения традиционных методик. С другой стороны, специалисты в различных областях знаний должны мобилизовать весь свой опыт, чтобы адекватно реагировать на возникающие риски и угрозы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

Бачило И.Л., Шмаков М.А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе // Государство и право. 2017. № 11. С. 81–88.

²⁰ См.: *Scott J.D.* Op. cit. P. 151–164.

²¹ См.: *Boshe P.* Data Privacy Law: An International Perspective // Information and Communications Technology Law. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 118–120.

Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

Овчинников А.И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21.

Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 6–13.

Попова О.А. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14–24.

Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: Монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. М.: РИОР, 2020.

Родимцева М.Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. 2016. № 7. С. 67–72.

Струков Н.К. Контрольная функция государства в сфере виртуального пространства (на примере Российской Федерации): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 2019.

Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.

Трансформация права в цифровую эпоху: Монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2020.

Abelson H. Keys Under Doormats: Mandating Insecurity by Requiring Government Access to All Data and Communications // Journal of Cybersecurity. 2015. Vol. 1. P. 69–79.

Bellovin St.M., Dutta K., Reitering N. Privacy and Synthetic Datasets // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 1–52.

Berners-Lee T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. Texere Publishing, 1999.

Bohm A.S. George E.J., Cyphers B., Lu S. Privacy and Liberty in an Always-on, Always-listening World Review // The Columbia Science and Technology Law. 2017. Vol. 19. No. 1. P. 1–45.

Boshe P. Data Privacy Law: An International Perspective // Information and Communications Technology Law. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 118–120.

Galindo F., Marco J.G. Freedom and the Internet: Empowering Citizens and Addressing the Transparency Gap in Search Engines // European Journal of Law and Technology. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 1–18.

Regan M.P. Reviving the Public Trustee Concept and Applying it to Information Privacy Policy // Maryland Law Review. 2017. Vol. 76. No. 4. P. 1025–1043.

Riordan J. The Liability of Internet Intermediaries. Oxford: Oxford univ. press, 2016.

Scott J.D. Social Media and Government Surveillance: The Case for be Er Privacy Protections for our Newest Public Space // *Journal of Business & Technology Law*. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 151–164.

REFERENCES

Abelson, H. (2015). Keys under Doormats: Mandating Insecurity by Requiring Government Access to All Data and Communications. *Journal of Cybersecurity*, 1, pp. 69–79. (in Eng.).

Avakyan, S.A. (2019). Informatsionnoe prostranstvo znaniy, tsifrovoy mir i konstitutsionnoe pravo [Information Space of Knowledge, Digital World and Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], (7), pp. 23–28. (in Russ).

Bachilo, I.L. and Shmakov, M.A. (2017). O transformatsii institutov «gosudarstvo» i «pravo» v informatsionnom obshchestve [On the Transformation of The Institutions “State” and “Law” in the Information Society]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (11), pp. 81–88. (in Russ).

Belovin, St. M., Dutta, K. and Reitinge, N. (2019). Privacy and Synthetic Datasets. *Stanford Technology Law Review*, 22 (2), pp. 1–52. (in Eng.). (in Eng.).

Berners-Lee, T. (1999). *Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web*. Texere Publishing. (in Eng.).

Bohm, A.S., George, E.J., Cyphers, B. and Lu, S. (2017). Privacy and Liberty in an Always-On, Always-Listening World Review. *The Columbia Science and Technology Law*, 19 (1), pp. 1–45. (in Eng.).

Boshe, P. (2015). Data Privacy Law: An International Perspective. *Information and Communications Technology Law*, 24 (1), pp. 118–120. (in Eng.).

Galindo, F. and Marco, J.G. (2017). Freedom and the Internet: Empowering Citizens and Addressing the Transparency Gap in Search Engines. *European Journal of Law and Technology*, 8 (20), pp. 1–18. (in Eng.).

Mamycheva, A. Yu., Mordovceva, A. Yu. and Petruk, G.V. eds. (2020). *Roboty zayavlyayut o svoikh pravakh: doktrinal'no-pravovye osnovy i npravstvenno-eticheskie standarty primeneniya avtonomnykh robotizirovannykh tekhnologii i apparatov: kollektivnaya monografiya* [Robots Declare Their Rights: Doctrinal and Legal Foundations and Moral and Ethical Standards for the Use of Autonomous Robotic Technologies and Devices]. Moscow: RIOR. (in Russ).

Ovchinnikov, A.I. (2020). Bezopasnost' lichnosti i gosudarstva v tsifrovuyu epokhu: politiko-pravovoi aspekt [Security of the Individual and the State in the Digital Age: Political and Legal Aspect]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], (6), pp. 5–21. (in Russ).

Pashencev, D.A. (2019). Rossiiskaya zakonotvorcheskaya traditsiya pered vyzovom tsifrovizatsii [Russian Legislative Tradition Facing the Challenge of Digitalization]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], (2), pp. 6–13. (in Russ).

Popova, O.A. (2018). Noveye sub'ekty informatsionnogo obshchestva i obshchestva znaniya: k voprosu o normativnom pravovom regulirovanii [New Subjects of the Infor-

mation Society and the Knowledge Society: on the Issue of Regulatory Legal Regulation]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], (11), pp. 14–24. (in Russ).

Regan, M.P. (2017). Reviving the Public Trustee Concept and Applying it to Information Privacy Policy. *Maryland Law Review*, 76 (4), pp. 1025–1043. (in Eng.).

Riordan, J. (2016). *The Liability of Internet Intermediaries*. Oxford: Oxford univ. press. (in Eng.).

Rodimceva, M.Y. (2016). Regulirovat' nel'zya manipulirovat' (o riskakh in-formatsionnogo obshchestva) [Regulation Cannot be Manipulated (About the Risks of the Information Society)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], (7), pp. 67–72. (in Russ).

Scott, J.D. (2017). Social Media and Government Surveillance: The Case for be Er Privacy Protections for Our Newest Public Space. *Journal of Business & Technology Law*, 12 (2), pp. 151–164. (in Eng.).

Strukov, N.K. (2019). *Kontrol'naya funktsiya gosudarstva v sfere virtual'nogo prostranstva (na primere Rossiiskoi Federatsii)* [The Control Function of the State in the Field of Virtual Space (on the example of the Russian Federation)]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: FSNIU “Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation”. (in Russ).

Tihomirov, Y.A., Kichigin, N.V., Comartova, F.V., and Bal'haeva, S.B. (2021). Pravo i tsifrovaya informatsiya [Law and Digital Information]. *Pravo. Zhurnal Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], (2), pp. 4–23. (in Russ).

Vasil'ev, A.A. ed. (2020). *Transformatsiya prava v tsifrovuyu epokhu: kolektivnaya monografiya* [The Transformation of Law in the Digital Age]. Barnaul: Altai University. (in Russ).

Zorkin, V.D. (2020). Providentia ili o prave budushchego v epokhu tsifrovizatsii [Providentia or About the Law of the Future in the Era of Digitalization]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (6), pp. 7–19. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Минникес Илья Анисимович — заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Ilia A. Minnikes — Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research, Baikal State University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Минникес И.А. Конституционные права граждан и цифровая реальность (возможные угрозы) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 182–197. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-minnikes

FOR CITATION:

Minnikes, I.A. (2021). Constitutional Rights of Citizens and Digital Reality (Possible Threats). *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 182–197. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-minnikes

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА ВИНОГРАДОВА

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: adminlaw@igpran.ru
SPIN-код: 8022-0021

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: adminlaw@igpran.ru
SPIN-код: 4754-3539

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-vinogradova-kobzar-frolova

АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА 85 ЛЕТ

Аннотация. В Федеральном государственном бюджетном учреждении науки (ФГБУН) Институт государства и права Российской академии наук сложились славные традиции — проведение научных мероприятий в честь тех видных ученых и деятелей науки, которые в разное время связали свою жизнь с Институтом. 8 октября 2021 г. состоялось особое мероприятие — конференция, посвященная 85-летию старейшего подразделения Института — сектора административного права и административного процесса. Сектор был создан распоряжением директора Института Б.Е. Пашуканиса в 1936 г. Важнейшими задачами мероприятия стали: организация встречи с учеными, служившими на благо государства и академической науки в Институте, популяризация и развитие научных идей классиков отечественного административного права; освещение основных направлений науки административного права и административного процесса в условиях новых конституционных реалий и др. Конференция вызвала широкий интерес и собрала ведущих российских ученых-административистов, преподавателей и исследователей административного права и административного процесса. В завершение работы конференции принята резолюция, в которой участники выразили стремление чтить академические традиции и продолжить исследования предмета административного права и предмета административного процесса в условиях новых конституционных реалий.

Ключевые слова: административное право, административный процесс, наука управления, государственное управление, административное законодательство, сектор, ведущие ученые, административист

ELENA V. VINOGRADOVA

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: adminlaw@igpran.ru
SPIN code: 8022-0021

MARGARITAN. KOBZAR-FROLOVA

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: adminlaw@igpran.ru
SPIN code: 4754-3539

85th ANNIVERSARY OF ACADEMIC SCIENCE OF ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Abstract. The Federal State Budgetary Institution of Science (FSBIS) Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences has a glorious tradition of hosting scientific events in honor of those prominent scientists and science workers who at different times linked their lives with the Institute. On October 8, 2021, a special event took place — a conference dedicated to the 85th anniversary of the oldest division of the Institute — the sector of administrative law and administrative process. The sector was established by the Order of the Director of the Institute B.E. Pashukanis in 1936. The most important tasks of the event were: organizing a meeting with scientists who served for the benefit of the state and academic science at the Institute, popularizing and developing the scientific ideas of the classics of domestic administrative law; coverage of the main directions of the science of administrative law and administrative process in the context of new constitutional realities, etc. The conference aroused wide interest and brought together leading Russian scientists of administrative law, educators and researchers of administrative law and administrative process. At the end of the conference, a resolution was adopted in which the participants expressed their desire to honor academic traditions and continue research on the subject of administrative law and the subject of administrative process in the context of new constitutional realities.

Keywords: administrative law, administrative process, management science, public administration, administrative legislation, sector, leading scientists, administrative specialist

8 октября 2021 г. в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт государства и права Российской академии наук (далее — Институт, ИГП РАН) состоялась конференция по случаю 85-летия старейшего подразделения Института — сектора административного права и административного процесса. Сектор был создан распоряжением директора Института Б.Е. Пашуканиса в 1936 г.

Задачи, которые ставили перед собой организаторы мероприятия: организовать встречи с учеными, служившими на благо государства и академической науки в Институте, популяризация и развитие научных идей классиков отечественного административного права, дискуссия по основным направлениям науки административного права и административного процесса в условиях новых конституционных реалий и др. Модераторы конференции — врио первого заместителя Директора Института, доктор юридических наук, профессор Виноградова Елена Валерьевна, врио заведующего сектором административного права и административного процесса ИГП РАН, главный научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна.

Конференция собрала ведущих российских ученых-административистов, преподавателей и исследователей административного права и административного процесса. Мероприятие вызвало широкий интерес у зарубежных ученых. Среди участников конференции заявлено 15 представителей из-за рубежа (Республика Албания, Германия, Монголия, Польша, Центрально-Африканская Республика и др.).

С приветственным словом к собравшимся обратился директор Института, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист РФ **Александр Николаевич Савенков**. Он отметил, что в Институте сложилась славная традиция вспоминать предшественников, в разное время плодотворно служивших академической науке в стенах Института, оценивать достижения прошлого, намечать дальнейшие перспективы развития.

За свою 85-летнюю историю сектор административного права дал стране плеяду видных ученых-юристов, представителей академической науки административного права. Память о них бережно сохраняется в стенах нашего Института. Достаточно сказать, что с конца 1990-х гг. сектором административного права практически ежегодно проводится общероссийская научно-практическая конференция «Лазаревские чтения», посвященная памяти видного ученого-административиста, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Бори-

са Михайловича Лазарева. Конференция имеет значительный отклик юридической общественности не только в нашей стране, но и в ряде зарубежных государств, способствует развитию академической науки административного права. Не забыты имена и других ученых сектора административного права. В недавнем прошлом проводились научные мероприятия памяти Михаила Ивановича Пискотина и Елены Владимировны Шориной. Чествование ученых сектора, внесших весомый вклад в науку, продолжится и впредь. Бережно сохраняя память о предшественниках, мы тем самым поддерживаем и укрепляем академические традиции Института государства и права Академии наук. Сегодня научные сотрудники сектора административного права и процесса достойно продолжают дело своих предшественников.

Ряд видных ученых-выходцев из сектора в разное время входили в руководство Института. Так, И.П. Трайнин и Б.Н. Топорнин занимали должность директора, а Н.Ю. Хаманева — заместителя директора Института. И.Л. Бачило, В.Ф. Коток, Б.М. Лазарев, М.И. Пискотин были заведующими сектором. Б.Н. Топорнин, Г.А. Тосунян, И.П. Трайнин были избраны действительными членами Академии наук нашей страны.

Заслуги многих членов сектора получили высокую оценку со стороны государства. Почетное звание заслуженный деятель науки РСФСР было присвоено В.Ф. Котоку, Б.М. Лазареву, М.И. Пискотину, Ц.А. Ямпольской, а Г.А. Тосуняну — заслуженный деятель науки РФ. Заслуженными юристами РСФСР стали И.Л. Бачило и Ю.А. Розенбаум, а заслуженными юристами РФ — В.В. Альхименко, С.В. Запольский, Н.Ю. Хаманева.

Труды научных сотрудников сектора разных лет, некоторые из которых были переведены на иностранные языки, по праву входят в золотой фонд специальной юридической литературы по административному праву. Среди них хотелось бы особо выделить монографию Б.М. Лазарева «Компетенция органов управления» (1972 г.) и монографию Н.Г. Салищевой «Административный процесс в СССР» (1964 г.), которые во многом сохраняют актуальность и служат источником идей и поводом для дискуссий.

Александр Николаевич сердечно поблагодарил научный коллектив сектора административного права и административного процесса за организацию конференции, пожелал дальнейших успехов в работе по развитию академической науки административного права, которая ныне как нельзя более востребована жизнью. Всем тем, кто нашел возможность очно или заочно принять участие в конференции, А.С. Са-

венков пожелал доброго здоровья, плодотворной научной дискуссии, которая позволит в духе академических свобод и традиций сделать и выслушать содержательные доклады, творчески обсудить актуальные проблемы, обменяться мнениями с коллегами.

Врио первого заместителя Директора Института, доктор юридических наук, профессор **Виноградова Елена Валерьевна** в своем приветственном слове обратила внимание на важность и значимость этой конференции для административно-правовой науки и для Института. Поблагодарила всех сотрудников за проведенную на высоком уровне работу, вручила памятный знак «95 лет ИГП РАН» и.о. зав. сектора **М.Н. Кобзарь-Фроловой**, благодарности и грамоты сотрудникам сектора.

Участников конференции приветствовал сопредседатель Ассоциации юристов России (далее — Ассоциация) **Владимир Николаевич Плигин**, который передал приветствие участникам конференции от имени министра юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко. В.Н. Плигин от имени председателя Ассоциации П.И. Крашенинникова вручил грамоты и благодарственные письма Ассоциации. Почетной грамотой Ассоциации юристов России награждены главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор **С.В. Запольский**; ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, доктор юридических наук, профессор **А.А. Гришковец**. Благодарностью Ассоциации юристов России поощрены ведущие научные сотрудники сектора административного права и административного процесса: доктор юридических наук, доцент **Л.Н. Сморчкова**; доктор юридических наук, доцент **Е.Л. Васянина**; доктор юридических наук, профессор **В.М. Редкоус** и доктор юридических наук, профессор **Т.В. Щукина**. Благодарностью отмечена научный сотрудник сектора административного права и административного процесса кандидат юридических наук, доцент **И.В. Глазунова**.

Доклад об истории сектора представила врио заведующей сектором административного права и административного процесса ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор **М.Н. Кобзарь-Фролова**. Она отметила, что поводом создания сектора послужили те великие преобразования, которые случились в стране в 1936 г. Институт был вовлечен в работу по подготовке и принятию новой (Сталинской) Конституции СССР, которая была ориентирована на строительство развитого социализма. Перед академической наукой была поставлена задача теоретически обосновать происходящие в стране перемены. В этом же году Институт был передан в ведение Академии наук

СССР и в Институте была проведена внутренняя реорганизация. Распоряжением по Институту № 77 от 27 сентября 1936 г. сначала создается отдел государственного, административного права и международного права, а несколько позже распоряжением № 12 от 17 декабря 1936 г. было образовано три сектора, как отражение важнейших направлений фундаментальных академических исследований Института. Одним из основных стал сектор государственного и административного права. Руководство сектором, учитывая масштабы стоящих задач, принял на себя директор Института — Евгений Брониславович Пашуканис. В состав сектора вошли 20 человек, включая действительных членов академии наук СССР А.А. Алымова и И.П. Трайнина. Из 20 членов нового коллектива лишь трое взяли на себя ношу развивать науку административного права. Это старшие научные сотрудники: А.А. Карп, С.С. Студеникин и младший научный сотрудник — В.Ф. Коток. Позже в 1937 г. к ним присоединились: М.Е. Климов (руководитель), М.А. Аржанов и др. В составе сектора действовала группа, затем секция административного права. Перед сектором и его молодыми научными сотрудниками, среди которых В.Ф. Коток, А.Е. Лунев, Г.И. Петров, С.С. Студеникин, Е.В. Шорина, Ц.А. Ямпольская и другие ставится задача занять лидирующие позиции в разработке основ академической фундаментальной науки административного права.

В годы Великой Отечественной войны научные сотрудники сектора отважно служили Родине на передовой и в тылу. Виктор Фомич Коток награжден государственными наградами СССР: медалью «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и рядом других; Александр Ефремович Лунев — орденом «Красной Звезды»; Виктор Иванович Ремнев — «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Более трех лет командиром минометной роты служил на фронте Михаил Иванович Пискотин. Он награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Трудового Красного знамени и медалями. Елена Викторовна Шорина награждена орденом Великой Отечественной войны II степени и восьмью медалями, среди которых особенно выделяется медаль «За победу над Германией».

Название сектора менялось не один раз. Каждый раз оно отражало важнейшие преобразования, которые происходили в стране. Незменным оставалось служение государству и науке.

В наши дни коллектив сектора чтит память выдающихся ученых, посвятивших свою жизнь развитию науки на высшем — академиче-

ском уровне. Согласно плану фундаментальных научных исследований РАН и научно-исследовательской работы Института научные сотрудники сектора осуществляют фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования по концептуальным проблемам административного права, административного процесса, финансового, налогового, бюджетного права.

Приоритетным направлением работы сектора является определение основных направлений развития доктрины административного и административно-процессуального права, форм и методов государственного регулирования отношений в социально-экономической сфере. Сфера научных интересов широка и многообразна: предмет административного права, административно-правовые отношения, административная политика на современном этапе развития общества и государства, фундаментальные категории административного права, глубинное переосмысление которых происходит в условиях новых конституционных реалий и др.

Профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Б.В. Россинский** в докладе «*Информационные аспекты управления и развитие административного права*» сказал, что долгие годы административное право понималось как управленческое право, а исполнительные и распорядительные органы всех уровней отождествлялись с органами государственного управления. При этом никакие другие государственные органы не признавались органами государственного управления. Начиная с середины XX в., с появлением кибернетики, развитием теории информации, постулаты этих наук все более и более стали востребоваться при изучении проблем управления большими системами, в частности для понимания механизма государственного управления. Государственное управление неизбежно стало рассматриваться в широком смысле как деятельность всех государственных органов, а не узким пониманием, исключительно как работа лишь исполнительных и распорядительных органов. Органы исполнительной власти и в целом вся совокупность исполнительных органов теперь представляются крайне важной, но далеко не единственной подсистемой всей системы государственного управления. Что дает такое понимание исполнительных органов, увязка их деятельности с теорией управления и информацией для развития административного права? Дело в том, что зачастую решения, принимаемые в сфере исполнительной власти и в науке административно-

го права, реально не обоснованы потребностями соответствующих общественных отношений, не отражают их объективные закономерности, нередко носят просто волюнтаристский характер. Между тем существуют необходимые объективные подходы к организации и деятельности системы исполнительной власти, обусловленные закономерностями построения информационных каналов связи в системе государственного управления. Однако, к сожалению, далеко не всегда удается понять и учесть эти закономерности.

Представляется, что предмет любой науки состоит прежде всего в выявлении законов или закономерностей объективной действительности, без познания которых невозможно построить достоверные теоретические модели, проанализировать реальные явления, ситуации, процессы и на этой основе разработать необходимые концепции, теории и практические рекомендации. Сказанное в полной мере касается административно-правовой проблематики. С учетом этого предмет науки административного права состоит в выявлении закономерностей общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности системы исполнительных органов публичной власти, иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями, и разработке на этой основе необходимых теоретических положений, нормативных требований и практических рекомендаций, направленных на совершенствование процесса государственного управления.

Заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н.Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия, г. Москва, главный научный сотрудник (руководитель направления) Центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, профессор **А.И. Стахов** в докладе *«Административно устранимые и административно наказуемые нарушения обязательных требований в структуре современного административного процесса»* обосновал обособление административно-процессуальной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по противодействию нарушениям правовых норм, устанавливающих обязательные требования в Российской Федерации. Он предложил дифференцированный подход к пониманию административного деликта в сфере контрольно-надзорных отношений, назвал квалифицирующие признаки и составы административно-устраняемого нарушения обязательных требований, а также административно наказуемого нарушения обязательных требований. В заключение доклада А.И. Стахов сделал вывод о необходимости обособления (автономизации) в структуре современного административного процес-

са двух самостоятельных видов административного производства: 1) производство по делам об административно устранимых нарушениях обязательных требований; 2) производство по делам об административно наказуемых нарушениях обязательных требований.

Ректор Сибирского юридического университета, г. Омск, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Ю.П. Соловей**, в докладе *«К критике догматического понимания принципа законности деятельности публичной администрации»* подверг критике достаточно распространенное в юридической литературе по административному праву мнение о том, что если в отношении граждан в сфере публичного управления действует принцип «разрешено все, что не запрещено законом», то должностные лица публичной администрации в своей деятельности должны руководствоваться принципом «разрешено только то, что разрешено (предусмотрено) законом».

Сторонники приведенного мнения, по сути, ставят вне закона использование представителями публичной администрации в отношении граждан и организаций метода убеждения. Совершенно упускается из виду то обстоятельство, что эти представители не могут быть лишены права действовать в интересах службы в качестве частных лиц посредством осуществления непринудительных акций.

Поэтому в целях предупреждения конфликтов во взаимоотношениях граждан и публичной администрации (прежде всего, полиции) следует внести соответствующее дополнение в ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Ю.П. Соловей сделал вывод о том, что всякое ограничение полицией прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций допустимо только по основаниям и в порядке, предусмотренным федеральным законом, а при отсутствии таковых — исключительно по просьбе граждан и организаций или с их согласия, если это не противоречит общественной морали.

Профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел РФ, г. Санкт-Петербург, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **А.П. Каплунов** в докладе *«О процессуальной природе и содержании “административного” судопроизводства»* отметил, что процессуальная природа административного судопроизводства, представленного тяжёлыми делами, определяется не отраслевой принадлежностью материальных норм, закрепляющих *дозволения*, ставшие предметом «спора о праве» (т.е. предметом регулирования), а тем, какая реализуется норма с точки зрения метода материально-правового

регулирования (закрепляющая дозволение либо предписание или запрет). Материально-правовые нормы, закрепляющие дозволения, лежащие в основе спора о праве, имеют одинаковую типологию с точки зрения элементов единого метода правового регулирования (он именуется как гражданско-правовой тип). Их реализация обеспечивается в рамках одного и того же типа юрисдикционного юридического процесса (состязательного), который по своей процессуальной природе является гражданско-процессуальным. «Гражданское» и «административное» судопроизводства объединяет то, что они обеспечивают реализацию гражданско-правового типа регулирования, основанного на дозволениях. Поэтому так называемое «административное» судопроизводство является разновидностью процессуальной деятельности, являющейся каналом реализации гражданско-правового типа регулирования общественных отношений, именно это обстоятельство определяет его процессуальную природу.

Докладчик обратил внимание на недостатки закреплённой российским законодательством модели административного судопроизводства. Несмотря на усилия законодателя по кодификации административного судопроизводства, КАС РФ так и не стал актом-монополистом в регламентации данного вида судопроизводства. Получилась гибридная процессуальная форма привлечения лиц к административной ответственности, включающая элементы двух типов юрисдикционного правоприменительного процесса — «состязательного» и «следственного», несмотря на существенное различие между судебной защитой и «наказательной» юрисдикцией. Привел несколько примеров, свидетельствующих об общей опасной тенденции, а именно встраивания в правоохранительные институты, в частности, в институт административной ответственности, инструментов либерализации, таких как «состязательные формы юрисдикционного типа процесса» или «медиация» при реализации санкций за нарушение запретов и ограничений.

Заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **С.М. Зубарев** в докладе «*О возможности формирования единой системы правового регулирования цифровых технологий государственного и общественного контроля (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16058)*» обратил внимание на то, что правовое регулирование цифровизации государственного и общественного контроля в настоящее время развивается хаотично. Принимаются многочисленные нормативные правовые акты, пред-

писания которых зачастую взаимно не согласованы, противоречивы, а порой дублируют друг друга. Поэтому актуален вопрос о создании единой системы правового регулирования данной области общественных отношений. По мнению С.М. Зубарева, систему правового регулирования цифровых технологий государственного и общественного контроля образуют объект, предмет, метод, принципы, цели, субъект, механизм правового регулирования. Создание такой системы возможно только в рамках системы правового регулирования цифровизации государственного управления. Это объясняется имманентной связью контроля и управления, присутствием элементов контроля в различных видах государственной и общественной деятельности. Специфика объекта и предмета правового регулирования цифровых технологий государственного и общественного контроля состоит в их «встроенности» в объект и предмет более высокого уровня регулирования — отношения, обусловленные цифровизацией государственного управления. В свою очередь, соответствующая система правового регулирования является частью системы правового регулирования цифровой экономики. По мнению С.М. Зубарева, для формирования единой системы правового регулирования цифровых технологий государственного и общественного контроля оптимальным вариантом в качестве базового документа может стать федеральный проект «Цифровое государственное управление», в котором целесообразно выделить отдельный раздел «Правовое регулирование», разместив в нем не только существующие «правовые» пункты, но и позиции о разработке и принятии нормативных правовых актов по каждому пункту федерального проекта.

Не менее интересные и актуальные темы поднимали в своих докладах: доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов, г. Москва, кандидат юридических наук, доцент **Штагина Марина Анатольевна**; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Дугенец Александр Сергеевич**; профессор кафедры административного и информационного права юридического факультета имени М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Побежимова Нелли Ивановна**, и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, доктор юридических

наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Полякова Татьяна Анатольевна**; и.о. заведующего сектором конституционного права ИГП РАН доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Шульженко Юрий Леонидович**; доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта, г. Москва, **Ивакин Виктор Иванович**; главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Запольский Сергей Васильевич**; Директор Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета, г. Москва, кандидат юридических наук **Балытников Вадим Владимирович** и другие участники.

В работе конференции с докладами приняли участие молодые ученые, аспиранты и соискатели ИГП РАН: **Самсонов Алексей Викторович**, (*«Инвестиционные функции органов публичной власти на муниципальном уровне (историко-правовой аспект)»*), **Рубцов Олег Игоревич** (*«Проблемы проведения публичных и непубличных массовых мероприятий в условиях COVID-19»*), **Буланова Валерия Сергеевна** (*«Обеспечение финансовой безопасности при оказании телемедицинских услуг»*), **Петровская Ольга Владимировна** (*«Правовые проблемы обеспечения достоверности информации в административном праве»*).

В завершение работы конференции принята резолюция, в которой участники выразили стремление чтить академические традиции и продолжить исследования предмета административного права и предмета административного процесса в условиях новых конституционных реалий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Виноградова Елена Валерьевна — первый заместитель директора Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — заведующая сектором административного права и процесса, главный научный сотрудник сектора административного права и процесса Института государства и права РАН.

AUTHOR'S INFO:

Elena V. Vinogradova — First Deputy Director Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor.

Margarita N. Kobzar-Frolova — Head of the Administrative Law and Process Sector, Chief Researcher of the Administrative Law and Process Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Академической науке административного права и административного процесса 85 лет // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 198–210. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-vinogradova-kobzar-frolova

FOR CITATION:

Vinogradova, E.V., Kobzar-Frolova, M.N. (2021) The Academic Science of Administrative Law and Administrative Process is 85 Years Old. *Trudy Institutagosudarstvaiprava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 198–210. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-vinogradova-kobzar-frolova

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ЗВЯГИНЦЕВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: 8491ba@mail.ru

DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zvyagintsev

СУД, КОТОРОГО МОГЛО И НЕ БЫТЬ, ИЛИ «ПИНЧЕР» ИДЕТ ПО СЛЕДУ «НЕМЫСЛИМОГО»

Аннотация. В статье автором рассматриваются исторические события, которые могли бы помешать осуществлению правосудия в отношении группы бывших руководителей Третьего рейха. Статья содержит реальные исторические документы, раскрывающие предпосылки возникновения «холодной войны» между СССР и США, влияние сложившихся политических взаимоотношений на возможность проведения Нюрнбергского процесса.

Ключевые слова: судебный процесс, Нюрнбергский трибунал, военные преступления, преступления против мира, преступления против человечности, нарушение законов войны

ALEXANDER G. ZVYAGINTSEV

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation
E-mail: 8491ba@mail.ru

THE COURT THAT COULD NOT TAKE PLACE OR "PINCHER" FOLLOWS THE "INCONCIBLE"

Abstract. In this article, the author examines historical events that could interfere with the enforcement of justice against a group of former leaders of the Third Reich. The article contains real historical documents that reveal the prerequisites for the emergence of the "cold war" between the USSR and the United States, the influence of the existing political relations on the possibility of conducting the Nuremberg process.

Keywords: trial, the Nuremberg Tribunal, war crimes, crimes against peace, crimes against humanity, violation of the laws of war

Чем больше изучаешь обстановку в мире в период гибели Третьего рейха, военного торжества союзников и необходимости решать, что делать с нацизмом и нацистами после окончательной победы, чем глубже погружаешься в ранее недоступные документы и свидетельства, тем лучше понимаешь, что у Нюрнбергского Суда народов было куда больше шансов не состояться.

Уж слишком велика была преграда из исторически обусловленного недоверия между государствами и народами, из сомнительных политических интриг за спиной союзника в лице СССР. Добавить к этому предательство и борьбу самомнений, готовность нарушать договоры, обещания, клятвы, моральные обязательства.

И тем большего уважения и преклонения заслуживают мужество и мудрость тех, кто настоял на Суде народов, кто довел его до логического конца — вынесения приговора национал-фашизму. Ибо даже невозможно представить, куда бы двинулось человечество, не будь у него столь надежной опоры, как Нюрнбергский процесс.

Грязные игры с историей, затеваемые некоторыми нашими современниками, у людей здравомыслящих вызывает желание отдать должное тем, благодаря кому Нюрнбергский процесс все-таки состоялся. И прежде, чем начать рассказ о Главном процессе человечества, хочется напомнить читателям, в каких условиях проходила подготовка Суда народов, какая была военно-политическая обстановка в мире до и во время проведения Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Еще раз повторю: ведь этого процесса могло и не быть.

Английские историки очень любят описывать, как 8 мая 1945 г. в 3 часа пополудни премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к соотечественникам с речью, которая транслировалась по радио прямо из его кабинета на Даунинг-стрит, 10. Они отмечают, что «голос его немного дрожал». На всю Великобританию, а если шире, то и на всю Европу, Черчилль объявил, что война против Германии наконец-то закончилась, но... «мы можем себе позволить краткий миг радости, однако не будем забывать и о тех сложных задачах, которые нам еще предстоит решить».

Большинство слушателей, радующихся разгрому гитлеровской Германии, решили, что Черчилль говорит о Японии, называя ее «дьяволом, которого предстоит повергнуть». Они и представить не могли, что на самом деле кумир нации, возможно, имел в виду недавнего со-

юзника в борьбе с фашизмом, союзника, внесшего самый крупный вклад в его разгром, союзнике, возложившем на алтарь победы неисчислимые жертвы, — о Советском Союзе.

А в это время, за пять дней до этого выступления, 3 мая 1945 г. в 15:00 в отеле «Фермонт» в Сан-Франциско открылось совещание руководителей внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании, на котором обсуждался вопрос о наказании военных преступников.

Когда мы в начале двухтысячных обсуждали с замечательным русским историком Анатолием Уткиным последние месяцы войны, то не могли не отметить, что, с точки зрения Черчилля, они не сулили Британии прежней великоимперской жизни. По существу, Британская империя уходила в прошлое, а сам Черчилль становился «младшим», но не равным союзником США. Теперь уже американцы решали, как будет развиваться стратегия западных союзников, и они, конечно же, исходили прежде всего из собственных национальных интересов. Черчилль понимал это, но принять так сразу не смог — он искал способы оказать на первых ролях.

Красная армия продолжала свое победоносное продвижение по Западной Европе, достигнув Адриатики на юге и выйдя к Рейну на западе. Германия лежала в руинах, финансы Англии и Франции были исчерпаны. США переключили свое внимание на Тихоокеанский регион, на битву с Японией, и американские войска готовились покинуть Европу. В этом свете Великобритания выглядела уязвимой. По мнению Черчилля, перспективы были самые мрачные и сулили «советское господство». Как выяснилось со временем, глава британского правительства видел тогда лишь одно решение: остановить СССР, Сталина можно только силой.

Весной 1945 г. он приказывает Объединенному штабу планирования военного кабинета, в глубочайшем секрете даже от других штабов, безотлагательно начать подготовку к операции под кодовым названием «Немыслимое» и в ходе этой подготовки изучить возможности объединенных сил союзников в схватке с советской армией. Для чего? Дабы атаковать ее и вернуть свои утраченные позиции в Европе.

В настоящее время документы, относящиеся к операции «Немыслимое», хранятся в Национальном архиве Великобритании, и здесь нет ни капли выдумки.

Советские войска на 1394-й день войны начали завершающую стратегическую Берлинскую операцию по разгрому фашистской Германии, которая завершилась 8 мая 1945 г. Перед Красной армией

стояла главная задача — нанести сокрушительный удар по агрессору, с тем чтобы заставить его безоговорочно капитулировать. Эта операция вошла в Книгу рекордов Гиннеса как самое крупное сражение в истории. Со стороны Советского Союза и Германии в нем участвовало около 3,5 млн человек, 52 тыс. орудий и минометов, 7750 танков, почти 11 тыс. самолетов. Безвозвратные потери СССР составили 78 291 человек.

Вводные данные для планировщиков были следующие.

Акция получает полную поддержку общественного мнения Британии и США, соответственно моральный настрой англо-американских войск должен быть высок.

Великобритания и США имеют полную поддержку со стороны польских войск и могут рассчитывать на использование немецкой рабочей силы и сохранившегося германского промышленного потенциала, а также на 100-тысячный корпус военнопленных, снова поставленных под ружье.

На армии остальных западных держав полагаться нельзя.

Дата объявления военных действий — 1 июля 1945 г.

К сожалению, некоторые нынешние английские историки с пониманием относятся к намерениям Черчилля. Например, они, не стесняясь, пишут: «Даже беглый взгляд на русскую и советскую историю должен был насторожить премьер-министра. В конце-то концов, Сталин являлся знаменосцем марксизма, а кроме того, был врагом малых наций. Он придерживался старой русской веры в “Русь-матушку”, считая Россию метрополией, которая защищает славян Восточной Европы».

Они и сегодня уверены, что исполненный потрясающего цинизма план против вчерашнего союзника в лице СССР вполне оправдан и уместен. Что Запад имеет полное право заботиться о собственной безопасности, тогда как у СССР, понесшего в борьбе с фашизмом чудовищные потери, такого права нет, и любое его движение в этом направлении следует расценивать как агрессию и угрозу.

Черчилль считал, что для борьбы с «советской угрозой» он должен действовать быстро и решительно, не заботясь о достоверности аргументов. 12 мая 1945 г. он телеграфировал Президенту США Трумэну, преемнику Рузвельта: «Я глубоко обеспокоен ситуацией в Европе. Я получил сведения, что половина американских ВВС уже перебрасывается из Европы на Тихоокеанский театр военных действий. Наши армейские подразделения в ближайшее время будут сокращаться. Разумеется, уйдет канадская армия. Французы слишком слабы, и с ними

трудно иметь дело. Даже неосведомленному человеку ясно, что совсем скоро присутствие наших вооруженных сил на континенте сведется к ограниченному контингенту, базирующемуся в Германии для поддержания порядка.

А что в России? Вы знаете, я всегда выступал за дружбу с Россией, но теперь я, как и вы, чувствую глубокую тревогу. Русские неверно трактуют ялтинские соглашения, меня беспокоит их отношение к Польше; на Балканах их влияние стремительно растет — за исключением Греции. Создается очаг напряженности вокруг Вены, где сочетаются контроль русских над территорией и коммунистическая пропаганда. Растет их влияние и в других странах региона, но прежде всего вызывает озабоченность способность русских поддерживать в боеспособном состоянии огромную армию, причем в течение долгого времени.

Каково будет положение дел в Европе через год или два, когда британская и американская армии уйдут, французская армия так и не сумеет восстановиться — а рассчитывать мы можем только на французов — и когда русские оставят на действительной службе двести или триста тысяч?

Они опускают перед нами железный занавес. Мы не знаем, что происходит за ним. Железный занавес опустится над большей частью, если не над всей Восточной Европой, и тогда от Польши нас будут отделять сотни миль, контролируемые Советами. Между тем все внимание населения наших стран будет занято преступлениями поверженной и побежденной Германии, и порожденные этим вниманием настроения откроют русским дорогу и к Северному морю, и в Атлантику — если они решат продолжать продвигаться вперед».

Послание, повторю, было отправлено 12 мая, а уже 11 мая 1945 г. американский президент Трумэн, заменивший умершего в конце войны Рузвельта, начал предпринимать шаги для «сдерживания русских» — он подписал указ о прекращении поставок России товаров по ленд-лизу, и уже вышедшие в море корабли были возвращены назад. Жестокое решение по отношению к разоренной войной стране!

Сталин назвал это решение американского правительства «брутальным». Советское правительство показало, что оно понимает происходящее как форму давления. Американскому послу Гарри Гопкинсу Сталин сказал, что Советский Союз — не Албания. Если окончание ленд-лиза «было замыслено как средство давления на русских с тем, чтобы ослабить их, то это было фундаментальной ошибкой». Если бы к русским «подошли откровенно и дружески,

многое можно было бы сделать... Репрессии же в любой форме будут иметь обратный эффект».

По мнению Анатолия Уткина, склонность советской стороны к компромиссу, которую не желали видеть англосаксы, проявилась прежде всего в практике создания единых правительств из различных политических сил в Восточной Европе. Задачей Москвы было не создание максимального числа социалистических стран, а предотвращение возвращения к власти в восточноевропейских столицах упертых приверженцев отделения России от Запада, приверженцев санитарного кордона, сторонников загнать Россию в Азию.

Вовсе не нужно быть апологетом Сталина и его внешней политики, чтобы заметить вполне очевидное: в мае 1945 г. Россия была настолько ослаблена войной, что все ее стратегические мечтания были связаны с восстановлением мирной жизни. Победоносные армии России остановились там, где их застало окончание войны и где они должны были быть по международному согласованию (Тегеран, Ялта, Потсдам).

Неправда, что Советская армия не начала процесс демобилизации, как причитал Черчилль. Неправда, что Москва бравировала и блефовала своими огромными армиями. Неправда, что русские генералы мечтали о броске к Атлантике, Средиземноморью, Ла-Маншу. Правда то, что, по данным нашей разведки, в английской зоне оккупации Германии продолжали существовать германские вооруженные силы. В частности, не было разгруппирована германская армейская группа Мюллера — в октябре 1945 г. ее переименовали в армейскую группу «Норд». Только две ее корпусные группы, дислоцированные в Штокхаузене и Виттхофе, насчитывали более чем по 100 тыс. личного состава каждая.

Кроме того, в английской зоне находились венгерские части (12 тыс. человек), эстонские (3200 человек), литовские и латвийские (21 тыс. человек). Все они до этого вели бои в составе вооруженных сил Германии против СССР и его союзников.

Личный состав всех вышеперечисленных подразделений носил знаки различия и ордена и состоял на всех видах довольствия по армейским нормам. С ним регулярно проводились военные занятия, производились повышения по службе и предоставлялись отпуска с оплатой денежного довольствия.

«В определенном смысле операция “Немыслимое” была уникальна, — хладнокровно отмечает сегодня английский историк Дж. Уолкер. — Летом 1945 года Уинстон Черчилль был единственным из за-

падных лидеров, готовым рассмотреть возможность нанесения упреждающего удара против Советов. Президент Рузвельт и сменивший его президент Трумэн поначалу вообще отказывались признавать наличие советской военной угрозы, а когда ее стало уже невозможно игнорировать, начисто отвергали возможность первыми использовать оружие против Советского Союза. Именно в этой тревожной, неустойчивой обстановке и родилась идея операции».

План остался неосуществленным. По мнению многих, свое веское слово сказали некоторые авторитетные американские и английские генералы, которые лучше Черчилля представляли мощь нашей армии. Не поддержал его и Президент США. Да и народы мира вряд ли поняли бы эту действительно немыслимую подлость.

Хотелось бы отметить, что благодаря высокопрофессиональной работе наших разведчиков о злодейских намерениях было известно руководству Советского Союза, и оно предприняло определенные меры, которые умерили пыл премьер-министра Великобритании и фактически заставили его вести конструктивные переговоры, в частности, и о проведении Главного процесса человечества.

Но давайте повнимательнее присмотримся к самой «немыслимой операции». Надо сразу сказать, что английские военные стратеги поработали тогда на совесть. Они даже пользовались наработками гитлеровского плана «Барбаросса», что, согласитесь, придает их творению вполне определенный привкус.

План «Немыслимое» был готов 22 мая. В нем была дана оценка обстановки, сформулированы цели операции, определены привлекаемые силы, указаны направления ударов войск западных союзников и просчитаны вероятные результаты. В приложениях к плану содержались сведения о дислокации войск Красной армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия») и западных союзников, имелся также и картографический материал.

24 мая, через два дня после того, как план операции «Немыслимое» о нападении на СССР лег на стол Уинстона Черчилля, Соединенные Штаты предложили руководству Советского государства срочно назначить своего официального представителя и направить его на переговоры в Вашингтон для участия в подготовительной работе по организации суда над главными военными преступниками. Такое же предложение получали англичане и французы.

Операция «Немыслимое» состояла из двух вариантов — наступательного и оборонительного. Целью оборонительного плана называлась организация обороны Британских островов в случае возможного

советского вторжения в Западную Европу. А вот целью наступательного было силовое «вытеснение» советских войск из Польши. План наступательной операции рассматривается как план Третьей мировой войны. Он предполагал нанесение двух главных ударов в Северо-Восточной Европе в направлении Польши.

Несмотря на то что численно союзники уступали советским силам, англичане все же планировали добиться успеха благодаря фактору внезапности и превосходству в управлении войсками и в авиации. Они считали, что в таком случае англо-американцы смогут достичь общей линии Данциг — Бреслау. Далее отмечалось, что, если Красная армия не потерпит решающего поражения западнее этой линии, то неизбежна тотальная война.

Были ли у англосаксов шансы на успех? На суше Красная армия имела ощутимый перевес. В наступательных операциях союзники могли задействовать лишь 47 англо-американских дивизий, включая 14 бронетанковых. Им противостояли бы силы, эквивалентные 170 дивизиям союзников, из них 30 — бронетанковые.

Но при этом англосаксы могли рассчитывать на внезапность удара, безусловное превосходство на море и почти двойной перевес в стратегической авиации. Силу и мощь ее они наглядно продемонстрировали массированными бомбардировками, сровняв с землей Дрезден. С военной точки зрения это не имело никакого смысла, поскольку в городе не было сколько-нибудь значимых военных и промышленных объектов. Как, кстати, и в Нюрнберге. Это было прежде всего недвусмысленное предупреждение Советскому Союзу, что такая же участь может постигнуть Москву, Ленинград и другие крупные города.

В крестовом походе против России, по замыслу англосаксов, должны были участвовать Польша, Венгрия и другие европейские страны, включая Германию. Союзники надеялись закончить эту третью мировую войну там же, где и Гитлер по плану «Барбаросса», — на линии Архангельск — Сталинград.

Невозможно удержаться от искушения просто процитировать некоторые пункты плана, настолько он красноречив и заставляет серьезно думать не только о прошлом, но и настоящем.

Ниже — извлечения из плана «Немыслимое».

«Совершенно секретно

Окончательный [вариант] 22 мая 1945 г.

Военный кабинет

Штаб объединенного планирования

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

Доклад Штаба объединенного планирования

Цель

2. Общеполитическая цель [операции] — навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи.

Хотя «воля» двух стран и может рассматриваться как дело, напрямую касающееся лишь Польши, из этого вовсе не следует, что степень нашего вовлечения [в конфликт] непременно будет ограниченной. Быстрый [военный] успех может побудить русских хотя бы временно подчиниться нашей воле, но может и не побудить. Если они хотят тотальной войны, то они ее получат.

3. Единственный для нас способ добиться цели в определенном и долгосрочном плане — это победа в тотальной войне, но с учетом сказанного выше, в пункте 2, относительно возможности скорого [военного] успеха, нам представляется правильным подойти к проблеме с двумя посылками:

а) тотальная война неизбежна, и нами рассмотрены шансы на успех с учетом этой установки <...>

4. Поскольку возможность революции в СССР и политического краха нынешнего режима нами не рассматривается, и мы не компетентны давать суждения по этому вопросу, вывести русских из игры можно только в результате:

а) оккупации столь [обширной] территории собственно России, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление [русских] становится невозможным;

б) нанесения русским войскам на поле сражения такого поражения, которое сделало бы невозможным продолжение Советским Союзом войны.

5. Возможно такое развитие ситуации, при котором русским удастся отвести войска и тем самым избежать решающего поражения. В этом случае они могут принять на вооружение тактику, столь успешно использовавшуюся ими против немцев, а также в предшествующих войнах, и состоящую в использовании огромных расстояний, которыми территория наделила их. В 1942 г. немцы дошли до рубежей Москвы, Волги и Кавказа, но методы эвакуации заводов в сочетании с развертыванием новых ресурсов и помощью союзников позволили СССР продолжить боевые действия.

6. Фактически невозможно говорить о пределе продвижения союзников в глубь России, при котором дальнейшее сопротивление [русских] станет невозможным. Трудно себе представить саму возмож-

ность столь же глубокого и быстрого проникновения союзников, как удалось немцам в 1942 г., при том что такое их продвижение не привело к решающему исходу.

7. Детали о наличных силах и дислокации русских войск и войск союзников приведены в Приложениях II и III и проиллюстрированы на картах А и В. Существующий на сегодня баланс сил в Центральной Европе, где русские располагают преимуществом приблизительно три к одному, делает в нынешней ситуации маловероятной полную и решающую победу союзников на этой территории. Хотя у союзников лучше обстоят дела с организацией и чуть лучше со снаряжением [войск], русские в войне с немцами показали себя грозными противниками. Они располагают компетентным командованием, соответствующим снаряжением и организацией [войск], которая, возможно, и не отвечает нашим стандартам, но выдержала испытание [войной]. С другой стороны, лишь около трети их дивизий соответствуют высокому уровню [требований], другие значительно отстают от них, а по части мобильности все они без исключения существенно уступают соответствующим формированиям союзников.

8. Для нанесения решительного поражения России в тотальной войне потребуется, в частности, мобилизация людских ресурсов [союзников] с тем, чтобы противостоять нынешним колоссальным людским ресурсам [русских]. Этот исключительно продолжительный по срокам проект включает в себя:

а) широкомасштабную дислокацию в Европе колоссальных американских ресурсов [живой силы];

б) переоснащение и реорганизацию людских ресурсов Германии и всех западноевропейских союзников.

9. Наши выводы:

а) если политической целью является достижение определенного и окончательного результата, необходимо добиться поражения России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны с Россией непредсказуем, со всей определенностью можно сказать одно: победа в такой войне — задача очень продолжительного времени».

Вечером 24 мая председатель Комитета начальников штабов Великобритании, фельдмаршал сэр Алан Брук, читая план и размышляя о его возможных страшных последствиях, комментировал в своем дневнике:

«Этим вечером я внимательно прочел доклад аналитиков о возможности нападения на Россию, если наши с ней противоречия

в дальнейшем станут непреодолимыми. Нам предписывалось тщательно изучить этот план. Идея, разумеется, совершенно фантастическая, и никаких шансов на успех этой операции нет. Нет и никаких сомнений в том, что в настоящее время могущество и полное доминирование России в Европе неоспоримы».

Пока по приказу Черчилля разрабатывалась «немыслимая операция», американцы скрупулезно просчитывали свои возможные потери в ходе завершающей стадии войны с Японией. Общим было мнение, что, несмотря на бомбардировки, сражения будут исключительно кровопролитными. Как пишет американский историк Уайнберг, ситуация «требовала массового вовлечения в бои с японскими войсками в Маньчжурии Красной армии... Призванный руководить союзным вторжением генерал Макартур постоянно подчеркивал в Вашингтоне существенную необходимость крупномасштабных операций Красной армии в Маньчжурии».

Американцы совершенно справедливо рассчитывали, что, нанеся поражение японцам в Китае, Советская армия лишит окруженных японцев всякого шанса на успешное сопротивление, на создание тыла, на глубину обороны.

При этом военные планировщики полагали, что даже с участием СССР война на Тихом океане будет длиться не менее 18 месяцев. Без помощи же СССР война «может длиться бесконечно и с неприемлемыми потерями». Подсчеты миллионных потерь американских военных выглядели устрашающими. Президент США тогда уже допускал, что атомная бомба будет применена против японцев примерно в августе 1945 г. Но никто в руководстве США не знал подлинной эффективности атомного оружия, к тому же военные предупреждали, что создать в 1945 г. можно только две бомбы. А вот возможности Красной армии тогда были хорошо известны. У президента Трумэна лежала на столе рекомендация Объединенного комитета начальников штабов: «Участие России в максимально приближенные сроки, которые позволяют ей ее наступательные возможности, крайне желательно». Словом, американцам было не до «немыслимых» планов Черчилля.

Только после капитуляции Японии в сентябре 1945 г. американцы серьезно задумались над разработкой своего плана «Немыслимое». И уже 2 марта 1946 г. Объединенный комитет военного планирования США разработал такой проект. Он получил название — операция «Пинчер». В нем учитывалось, что за прошедший период СССР создал кольцо дружественных государств вдоль своих границ. План рас-

сматривал возможность обострения ситуации на Ближнем Востоке, в результате которого пострадают американские интересы, и они вынудят их нанести ответный удар и таким образом начать Третью мировую войну.

На Нюрнбергском процессе, в частности, уже началось представление обвинителями доказательств в отношении главных нацистских преступников и преступных организаций, а также по разделу обвинения «Нарушения законов и обычаев войны».

О реализации плана «Пинчер» американцы рассуждали совершенно хладнокровно, потому что теперь у них была атомная бомба. Их и англичан совершенно не смущало, что указанные проекты разрабатывались одновременно с подготовкой и работой Нюрнбергского трибунала. И все это при том, что, даже по мнению западных СМИ, люди во всем мире испытывали чувство глубокой благодарности к русским и от души сочувствовали колоссальным жертвам, которые СССР понес в этой войне. «Было почти нереально предположить, что уже меньше года спустя общественное мнение будет считать вполне “справедливым” нападение на СССР», — пишет в наши дни английский историк Дж. Уокер.

Стратеги США завершили работу над планом операции «Пинчер» прямо накануне речи Черчилля в Фултоне, положившей начало «холодной войне». Политика США в отношении СССР повернулась на 180 градусов.

Разработчики операции «Пинчер» подсчитали, что весной 1946 г. в распоряжении СССР находились 51 дивизия в Германии и Австрии, 50 дивизий на границах с Ближним Востоком и 20 дивизий в Венгрии и Югославии. Эти силы, в частности, поддерживались резервом из 87 дивизий, расположенных на территории государств-сателлитов в Восточной Европе.

Планировщики прогнозировали, что при атаке советских войск менее чем за месяц будет захвачена вся Западная Европа, ибо соотношение сил тогда было 3 к 1 в пользу СССР. В случае обострения ситуации и чтобы избежать полного разгрома, американским войскам рекомендовалось отступать в Испанию и Италию, а затем в Великобританию.

Было также запланировано, что США и их союзники в этом случае должны будут предпринять массированные воздушные атаки с оставшихся баз в Великобритании, Египте и Индии, а также продолжат спешно наращивать запас атомных бомб. Применение ядерного оружия в этой войне пока не планировалось.

Осень 1946 г. в распоряжении США было всего девять атомных бомб. До границ Советского Союза их мог доставить только «тяжеловес» В-29 «Сильвер Плейт». Однако для него еще не были обучены и подготовлены экипажи и надлежащим образом модифицирован сам самолет. Тем не менее к моменту первых советских ядерных испытаний у американцев уже насчитывалось около 400 атомных бомб.

Важнейшей особенностью планов была абсолютная секретность. Маршал Монтгомери, якобы прибывший в США с частным визитом, встретился с Эйзенхауэром и Трумэном, чтобы обсудить военные планы Запада. Телеграфируя отчет о переговорах премьер-министру Клементу Эттли, Монтгомери подчеркивал важность плана и то, что он «предназначен исключительно для глаз премьер-министра»: «Насколько мне известно, здесь никто, никто не знает о предмете обсуждения!» Монтгомери снова и снова подчеркивал: «Все согласны, что высшая степень секретности является в данном случае жизненно необходимой».

План операции «Немыслимое», предполагавший атаку на Советский Союз уже 1 июля 1945 г., так и не вышел за рамки узкого круга посвященных. Аналогичным образом план операции «Пинчер» изначально был известен только узкому кругу лиц. Но направленность этих планов, несомненно, была положена в стратегию Запада во время «холодной войны», а их отголоски можно услышать и в наше время.

15 ноября 1945 г. главнокомандующий Группой советских оккупационных войск Германии маршал Советского Союза Г.К. Жуков телеграфировал первому заместителю председателя Совнаркома СССР, наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову о том, что англичане до сих пор содержат в своей зоне немецкие, венгерские и другие войсковые части, сражавшиеся против нас и союзников. «Я считаю, — писал Жуков, — целесообразным поставить об этом вопрос в Контрольном совете и потребовать допуска в английскую зону комиссии контрольного совета. Наличие упомянутых немецких формирований подтверждается нашей агентурной разведкой. Прошу ваших указаний».

Несмотря на заявленный Советским Союзом решительный протест, роспуск частей вермахта в английской зоне оккупации Германии англичанами был завершён только в январе 1946 г.

Секретность — да, но ни американские, ни английские стратеги даже предположить не могли, что их немые планы и «удары возмездия» станут известны в Кремле благодаря фантастической деятельности советской разведки и, в частности, знаменитой «кембриджской

пятерки». Например, есть все основания считать, что об операции «Пинчер» в Москве узнали благодаря суперпрофессиональной работе одного из пятерых «кембриджцев» — Дональда Маклейна, который был одним из немногих, кто имел доступ к ядерной программе и другим совершенно секретным сведениям.

По мнению экспертов, бессилие западных спецслужб перед советскими было очевидным.

Профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон в этой связи отмечает, что именно осведомленность Кремля о плане Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 года перегруппировать свои силы, получив из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен Москве и советский Генштаб принял соответствующие меры противодействия».

Так оно и было.

Об этом свидетельствуют документы по реализации операции «Немыслимое».

В подборке представлены рассекреченные документы Министерства обороны Великобритании, относящиеся к периоду 1945–1946 гг. и касающиеся Плана операции UNTHINKABLE («Немыслимое»).

В этих документах СССР рассматривается Великобританией как главный вероятный противник, угрожающий ее безопасности. Наряду с оборонными мерами, в нем учитывается политический фактор, а именно необходимость навязать Советскому Союзу свою волю в развитии войны, рассматривается вариант оккупации частей СССР, имеющих жизненно важное значение, урезания его территории до размеров, не позволяющих продолжать оказывать сопротивление.

Перевод с английского языка:

«Совершенно секретно

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Премьер-министр

В приложенном докладе по операции «Немыслимое» начальники штабов предоставили голые факты, которые они могли бы конкретизировать в случае Вашей заинтересованности. По их ощущениям, чем меньше положено на бумагу по этой теме, тем лучше.

Подпись

8 июня 1945

Перевод с английского языка

Совершенно секретно

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Премьер-министр

В соответствии с вашими рекомендациями мы рассмотрели наши потенциальные возможности по оказанию давления на Россию путем угроз или использования силы. Мы ограничиваемся в нижеследующем кратким содержанием фактов и цифр. Мы могли бы изложить указанные вопросы подробнее во время обсуждения, если вы того пожелаете.

2. Относительное количество российских и союзных вооруженных сил в Европе может быть кратко отображено следующим образом:

(а) Сухопутные войска

По своей структуре российские дивизии отличаются от союзных. По этой причине мы перевели цифры для российских дивизий в дивизии, эквивалентные нашим. В таблице дается наша оценка общего количества вооруженных сил в Европе по состоянию на 1 июля:...

Преимущество в количестве советских самолетов будет носить временный характер и компенсируется чрезвычайно превосходящей эффективностью Союзных ВВС, в особенности стратегической авиацией. Однако после ряда военных операций наш недостаток в подменных самолетах и экипажах серьезно ослабит нашу воздушную силу.

(с) Военно-морские силы.

Союзники могли бы, конечно, достигнуть доминирующего превосходства на море.

3. Исходя из состояния сухопутных войск очевидно, что мы не в состоянии вести наступление для того, чтобы достичь быстрого успеха. Однако с того времени, как русские и союзные сухопутные войска вступили в контакт от Балтики до Средиземноморья, мы неизбежно будем вовлечены в наземные операции. Предоставляя поддержку нашим сухопутным войскам, нам следует обладать техническим превосходством в тактической авиации, уступая в численности. Что касается стратегической авиации, то наше превосходство в количестве и техническом оснащении будет в некоторой степени снижено отсутствием стратегических задач по сравнению с теми, которые решались в Германии, и необходимостью использовать стратегическую авиацию для содействия нашей тактической авиации при поддержке наземных операций.

4. По этой причине мы считаем, что с началом враждебных действий не в наших силах будет достичь быстрого рамочного успеха и нам следует быть готовым к затяжной войне в исключительно неблагоприятных условиях. Более того, эти условия станут непредска-

зуемыми если американцы потеряют интерес и станут переключаться на войну в Тихом океане.

(Подписано) Алан Фрэнсис Брук

Эндрю Браун Каннингем

Дуглас Клод Стратерн Эвилл

(для централизованной службы приема и обработки информации)

8 июня 1945

Перевод с английского языка

Немыслимое

Совершенно секретно, шифртелеграмма

Получено О.Т.Р.

Срочно

Из: Вашингтон

Кому: Секретариат кабинета министров

FMW. 27130 августа 1946

Лично, только для ознакомления генерала Исмея, начальников штабов от фельдмаршала Уилсона На COS(W) 364

1. Сегодня мы провели завтрак с американскими начальниками штабов, после которого состоялась очень доверительная и неформальная дискуссия.

2. Начальники штабов США имели твердое ощущение того, что состояние дел в Европе достигло стадии, когда неконтролируемое развитие событий, возникающее вследствие некоторых местных инцидентов, может перерасти в крупномасштабный конфликт с участием России или нашим собственным, несмотря на отсутствие желания у обеих сторон. Мы будем достойны порицания если не начнем немедленно готовить общую оценку ситуации в Европе в противоположность локальной ситуации в Венеции Джулии. Упомянутая оценка будет нацелена на раскрытие многих различных проблем, которые неизбежно приведут к выработке плана внутри союзнических сил на случай агрессии со стороны России.

3. Их (американцев) видение сходится с нашим касательно того, что любое направленное усиление для стабилизации атаки на область Венеции Джулии без сомнения прибудет в тот регион слишком поздно, чтобы быть использованным на предварительном этапе, поскольку на тот момент столкновение перестанет носить локальный характер и вероятно распространится на центральную часть Европы. По этой причине любые планы по усилению должны быть основаны на возможности их применения на любой территории с целью поддержания военных операций, которые могут выйти за рамки локальных актов агрессии.

4. При условии, что атака в районе Венеции Джулии быстро перерастет в общий конфликт в Европе с участием России в качестве основного агрессора, очевидно, что планирование должно охватывать две фазы: (А) стабилизацию ситуации и формирование плацдарма, (В) наступательные операции для урегулирования ситуации.

5. Относительно фазы (А) начальники штабов США делают акцент на том, что начальная стадия должна принять форму вывода войск из наших зон оккупации на плацдарм. Генерал Эйзенхауэр обсудил возможные зоны, но отдал предпочтение одной, включающей страны Бенилюкса. Он привел следующие основные очевидные причины того, почему сохранение небольшого плацдарма в странах Бенилюкса будет предпочтительнее переброске войск из Центральной Европы в Италию или куда-либо еще.

(I) Обеспечение воздушного прикрытия и воздушных ударов силами, расположенными в Соединенном Королевстве.

(II) Налаженная система связи с нашими базами в Соединенном Королевстве.

(III) Недопущение использования на возможных зонах военных операций так называемого «оружия возмездия» или других новых вооружений против Соединенного Королевства.

Примут ли решение страны Бенилюкса или нет, важным является согласие, между нами, прежде всего по вопросу места расположения плацдарма и координации общего плана по стратегическому выводу войск в указанный район.

6. Что касается фазы (В), то ей было уделено мало внимания, за исключением акцента Эйзенхауэра на том, что любой план по урегулированию ситуации должен быть самодостаточным и не должен втягивать нас в количественное увеличение сил в районе, где уже будет существовать их явный переизбыток. В качестве примера детальных пунктов, требующих обсуждения на более поздних этапах планирования, возникающих из-за проблем, которые раскроет всесторонняя оценка, (Карл) Спаатс ссылаясь на существующую ограниченность воздушных линий в Соединенном Королевстве для применения эскадрилий В-29. Представитель ВМС поднял вопрос о необходимости вторичной оккупации Исландии.

7. Подводя итог нашей дискуссии по вышеупомянутым вопросам нам сказали, что планирующие органы США будут проинструктированы о начале подготовки всесторонней оценки незамедлительно. Они предложили все последующие дискуссии ограничить уровнем начальников штабов и ответственных за планирование лиц, с воз-

возможным исключением для таких лиц от министерства транспорта. Ни при каких обстоятельствах на данном этапе не разрешается проводить дискуссии за пределами этого уровня по обе стороны Атлантики, абсолютный минимум информации должен быть изложен на бумаге. Когда общий план действий обретет конечную форму, к нему должны быть привлечены наши командующие войсками в Европе и их начальники штабов. Американцы очень хотят договориться по поводу того, чтобы командная структура была установлена для различных фронтов, операции на которых могли бы быть осуществлены в ближайшее время.

8. Мы изложили ваши взгляды в параграфах 7 и 8 COS(W) 364, адресованного начальникам штабов вооруженных сил США. Правительство США не будет готово по политическим причинам выступить с заявлением сейчас или в ближайшей перспективе.

9. У нас сложилось впечатление, что начальники штабов ВС США уверены, что Венеция Джулия или любая другая локальная проблема является неотъемлемой частью общеевропейской политики, но только ее дополняющей.

Надпись, сделанная рукой

Рассылка

начальнику Главного морского штаба Великобритании
начальнику Имперского Генерального штаба
централизованной службе приема и обработки информации
оборонное ведомство

Далее следуют неразборчивые надписи, сделанные рукой

Надпись, сделанная рукой

Рассылка

начальнику Главного морского штаба Великобритании
начальнику Имперского Генерального штаба
централизованной службе приема и обработки информации
оборонное ведомство

Далее следуют неразборчивые надписи, сделанные рукой».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Звягинцев Александр Григорьевич — заместитель Директора по международному сотрудничеству Института государства и права РАН, Вице-президент Международной ассоциации прокуроров.

AUTHOR'S INFO:

Alexander G. Zvyagintsev — Deputy Director for International Cooperation Institute of State and Law of the RAS, Vice-President of the International Association of Prosecutors.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Звягинцев А.Г. Суд, которого могло и не быть, или «Пинчер» идет по следу «Немыслимого» // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 211–229. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zvyagintsev

FOR CITATION:

Zvyagintsev, A.G. (2021) The Court That Could Not Take Place or "Pincher" Follows the "Inconcible". *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 16(6), pp. 211–229. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-zvyagintsev

Труды Института государства и права РАН

2021. Том 16. № 6

Подписано в печать 15.12.2021 г. Формат $60 \times 90 \frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,4. Заказ